Обряд Перехода

А. Паншин
Д. Уиндем

МИР
приключений

Обряд перехода

Алекс Паншин

Аннотация
Паншин Алекс. Обряд перехода
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВНУТРИ РОДНОГО МИРА
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ЭПИЛОГ. ОБРЯД ПЕРЕХОДА

Аннотация

Это «роман взросления». В нём описаны события в жизни девочки Миа Хаверо с девяти до четырнадцати лет. Миа родилась и выросла на корабле, который летает в космосе от одной космической колонии к другой, как только Миа и другим подросткам исполнится 14 лет, им предстоит пройти испытание: их высадят на какой-то из колонизованных планет, где всем им необходимо прожить тридцать дней и остаться в живых.

Паншин Алекс
Обряд перехода

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Если честно, я не в состоянии вспомнить все, что происходило со мной до и во время Испытания, так что кое-где я заполнила пробелы выдуманными событиями — ложью, если угодно.

Совершенно очевидно, что я никогда не умела высказываться и наполовину так гладко, как излагаю свою историю здесь. Некоторые происшествия целиком мною вымышлены. Однако это не имеет значения. Описанные события достаточно близки к тому, что происходило в действительности, но главное в этом рассказе — не столько события, сколько перемены, имевшие место во мне (и со мной) семь лет назад. Именно за ними вам и нужно следить в оба глаза. Не начнись эти перемены — я бы не выучилась на ординолога, не вышла бы замуж за того человека, за которого вышла, и даже — меня не было бы в живых. Перемены здесь переданы точно — никакой выдумки.

Я помню, что прошло много времени, прежде чем я начала расти. Для меня это было важно. Когда мне исполнилось двенадцать лет, я была

черноволосой, черноглазой девочкой, худенькой, маленькой, без признаков фигуры. Мои друзья незаметно менялись, а я оставалась все такой же, как раньше, и уже начинала терять надежду. Хотя бы потому, что по словам Папы, он заморозил меня в моем тогдашнем виде. Такой вот удар он нанес мне в один прекрасный день, когда мне еще было десять лет; Папе вдруг захотелось меня подразнить.

— Миа, — сказал он, — ты мне нравишься такой, какая ты сейчас есть. Если ты вырастешь и станешь другой, это будет сущим безобразием.

— Но я хочу вырасти! — возразила я.

— Нет, — задумчиво произнес Папа. — Лучше я возьму и заморожу тебя. Вот такой. Прямо сейчас. — Он взмахнул рукой. — Считай себя замороженной! Я настолько всерьез обиделась, что Папа продолжил эту игру. К двенадцати годам я изо всех сил старалась не обращать на нее внимания, но это удавалось с трудом: с десяти лет я так и не выросла по-настоящему, оставаясь по-прежнему маленькой и плоской. И когда Папа в очередной раз принимался меня дразнить, единственное, чем я могла ответить, что все это неправда… А потом я вообще перестала ему отвечать.

Однажды, перед тем, как мы переехали из Альфинг-Куода, я пришла домой с синяком под глазом. Папа глянул на меня и спросил только:

— Ты победила или проиграла?

— Победила, — буркнула я.

— Ага, — произнес Папа, — значит, я могу тебя не размораживать. Незачем, раз ты можешь за себя постоять.

Это произошло, когда мне было двенадцать лет. Я ничего не ответила, мне нечего было сказать. И, кроме того, я и так уже была зла на Папу.

То, что я не взрослела, было лишь одной из моих проблем. С другой стороны, мне мешало мое балансирование на натянутом канате: я не хотела идти вперед мне не нравилось то, что я там видела; но и назад я тоже не могла идти ничего хорошего не встретилось мне на уже пройденном жизненном пути. Но нельзя всю жизнь провести на натянутом канате, и я не знала, что мне делать.

На Корабле есть три главных праздника и несколько неглавных. Четырнадцатого августа мы празднуем Старт Корабля — в прошлом августе была 164-я годовщина. Затем, между тридцатым декабря и первым января отмечается Конец Года. Пять дней — никакой школы,

никаких домашних заданий, никакой работы. Повсюду застолья, повсюду висят украшения, тебя навещают друзья… Подарки, вечеринки… Каждый четвертый год добавляется один день к календарю.

Это — два веселых праздника.

Девятое марта — другое дело. Именно в тот день была уничтожена Земля, а события такого рода не празднуют. Это то, чего нельзя забывать.

Из всего, чему меня научили в школе, вытекало, что истинной причиной всех войн является перенаселение. В 2041 году на одной лишь Земле жило восемь миллиардов человек, и никто не мог спокойно даже чихнуть, чтобы не попало на других. Не хватало домов, не хватало школ и учителей, узкие дороги не справлялись с чудовищным движением, природные ресурсы истощились, и каждый человек постоянно недоедал, хотя до настоящего голода еще далеко. Никто не смел повысить голос: сделай он это, он побеспокоил бы сотню других людей, нарушив законы и кучу постановлений по соблюдению порядка. Такая жизнь, наверное, — все равно что находиться в библиотеке со строгим библиотекарем все двадцать четыре часа в сутки. А население все продолжало расти. Есть предел тому, как долго

такое может продолжаться, и предел этот был достигнут сто шестьдесят четыре года назад.

Я знаю, мне повезло, что я вообще живу. Мои прапрадеды оказались среди тех, кто понимал, что надвигается на людей, и именно их я должна благодарить за то, что родилась на свет здесь, на борту Корабля. Переселиться куда-нибудь еще в пределах Солнечной Системы было нельзя. Земля представляла собой не только единственную приличную недвижимость в округе, но и, когда ее уничтожили, та же участь постигла все колонии в Системе. Первый из больших Кораблей был закончен в 2025 году — один из восьми, которые сейчас в полете. Два улетели недостроенными с остальными людьми в 2041 году. Между этими двумя датами мы, Корабли, основали 112 колоний на планетах стольких же звездных систем. (Сто двенадцать их было вначале, но немало колоний погибло, и по крайней мере семь вели себя плохо, и их пришлось «морально дисциплинировать». Так что сейчас существует около девяноста колоний.) Мы усвоили урок. И, хотя на Корабле лишь небольшое, замкнутое общество, мы не выродимся. И перенаселения у нас тоже не будет. У нас есть предохранительный клапан. Не позднее трех месяцев с того дня, как

вам исполнится четырнадцать лет, вас забирают с Корабля и высаживают в одиночку на одну из планет-колоний. И вы обязаны — в меру своих сил и возможностей — прожить там тридцать дней. Не бывает никаких исключений, и имеется разумно высокий процент смертей. Если ты глуп, придурковат, незрел или просто неудачник, то ты не проживешь этот месяц. Но если ты вернулся домой — ты становишься взрослым.

Так вот, проблема моя заключалась в том, что в двенадцать лет я боялась не умереть, я боялась покинуть Корабль. Я даже не могла найти в себе мужества оставить тот Куод, в котором мы жили.

Месяц проживания мы называем Испытанием, и кажется, с тех пор, как мне минуло одиннадцать, не было дня, чтобы оно хоть однажды не приходило мне на ум. Как раз в то время сын одного человека по фамилии Чаттерджи должен был, как полагается, отправиться на Испытание. Отец, однако, сомневался, что парень в нем преуспеет. Стараясь облегчить сыну экзамен, он пошел на большие хлопоты: выяснил, куда предполагали забросить парня, а затем проинструктировал его обо всех опасностях, которые, как он узнал, должна была таить та планета. Потом, перед са-

мым отправлением, мистер Чаттерджи подсунул сыну целую кучу оружия, которое не разрешается брать на Испытание, и посоветовал сразу после посадки найти какое-нибудь убежище, укрыться там и месяц не высовываться. Так, он полагал, у мальчика будет больше шансов выжить.

Мальчику это все же не удалось. Наверное, он был не очень умен. Я не знаю, какой была его смерть: он мог не справиться с какой-либо из опасностей, о которых его предупреждали, мог столкнуться с чем-то непредвиденным, мог случайно оторвать себе голову тем оружием, которое ему не полагалось иметь, а мог и просто споткнуться о собственную ногу и сломать шею. Короче, он не вернулся домой.

А мистера Чаттерджи изгнали с Корабля. Скорее всего, он тоже умер. Возможно, это жестоко — не мне судить. Хотя на самом деле вопрос о жестокости не имеет смысла, потому что это изгнание было неизбежно, таков закон, а о неотвратимости исполнения закона я знала отлично еще до своих одиннадцати лет. В то время, однако, этот случай произвел на меня огромное впечатление, и если бы я заставила себя взглянуть в лицо тому миру, который находился за границами родного Куода, остальное далось бы мне намного легче.

Могли быть и другие причины, но я подозреваю, что именно из-за меня Папа решил, что мы должны переехать, когда он стал Председателем Совета Корабля.

И мальчики, и девочки, все дети на Корабле растут, играя в футбол. Наверное, я умела играть в него уже в четыре или пять лет и, конечно, гоняла мяч еще раньше. Обычно мы играли при каждом удобном случае, и вот однажды дело было во дворе нашего Альфинг-Куода, на Четвертом Уровне, — во время игры мне велели идти домой.

Двор имеет три яруса в высоту и по двести ярдов в каждой стороне. Там есть футбольное поле стандартных размеров, зеленое и в прекрасном состоянии, но ребята постарше, недавно вернувшиеся с Испытания и оттого чувствующие себя словно вдвое выше ростом, от зазнайства решили забрать поле себе. Пришлось нам перейти на устроенное в противоположном конце поле поменьше и играть там.

В футбол играют пять человек передовой линии; три полузащитника, являющиеся первой линией обороны; два защитника, которые находятся только в обороне, и голкипер — он охраняет ворота. Игра требует постоянного движения,

остановки бывают, только когда назначаются пенальти или мяч уходит за пределы поля. Или когда забивается гол. Но и тогда игра останавливается лишь на мгновение.

Я играла левым полусредним, так как у меня сильный удар левой. Это у меня ударная нога от природы.

С середины поля, стараясь перевести дух после длинной пробежки, я следила, как наш голкипер бросился на сильный прострел по воротам. Он почти сразу же поднялся, подкинул разок мяч — и по высокой длинной дуге послал в поле. Вратари — единственные игроки, которым разрешается касаться мяча руками. Остальные должны работать только головой, ногами и локтями. Это-то и делает игру интересной.

Наш правый полузащитник сбил мяч и поймал его ногой. Мгновение он подержал его, потом отпасовал центральному полузащитнику Мэри Карпантье, и наша команда рванулась в атаку на ворота.

Мяч метался за нами по полю, словно он жил своей собственной жизнью; круглый коричневый шар юлил и подскакивал в воздух, но всегда бывал пойман, все время находился под контролем и почти не терялся. Лишь однажды

противник перехватил мяч, и он оказался на нашей половине поля, но Джей Виндер срезала неудачную передачу, и мы снова пошли вперед.

Наконец, когда я на мгновение осталась без прикрытия, Мэри Карпантье отдала пас мне. Параллельно бежала Вени Морлок, игравшая против меня в защите. Она была рослой, но медлительной. Даже сосредоточившись на том, чтобы гнать мяч перед собой, я бегала быстрее ее. У меня уже открылся хороший выход для удара по воротам, когда Вени увидела, что мяча ей не отобрать. Она круто свернула и, толкнув меня в спину, заставила тормозить носом. Я ничего не смогла сделать — слишком велика была скорость, и покатилась по земле, а мяч прошел мимо штанги.

Я поднялась, давясь от злости.

— Футбол — не контактный спорт! — воскликнула я.

Именно такие фокусы и выкидывает Вени, когда не видит никакого другого способа избежать поражения, а особенно — от меня. Мы с ней давние враги, хотя такая политика велась больше с ее стороны, чем с моей.

Как раз в тот момент, когда я поднялась с земли, громкоговорители дважды просвистели, требуя

внимания. На сей раз вызывали меня.

— Миа Хаверо, тебя просят домой. Миа Хаверо, тебя просят вернуться домой, — донеслось из динамиков.

Обычно Папа никогда не вызывал меня по общей связи, позволяя приходить, когда я вдоволь нагуляюсь. Была, правда, одна женщина, по фамилии Фармер, которая не уставала твердить Папе, что я — непослушное создание, но это вранье. Когда Папа меня звал, ему не приходилось повторять вызов.

— Тебе пора домой, — сказала Вени. — Беги скорее.

Первая вспышка гнева уже прошла, но я все еще дымилась.

— Я еще не хочу уходить, — ответила я. — Мне полагается штрафной удар.

— За что?! — взвилась Вени. — Я не виновата, что ты на меня налетела. Если бы я врезалась носом в землю по своей собственной вине, у меня не было бы причин жаловаться. Но раз виновата была Вени, то мне полагался штрафной удар по воротам или даже пенальти. Таковы правила футбола. Вени же думала, что если она будет отрицать свою вину достаточно долго и громко, то кто-нибудь примет ее слова всерьез.

Тут заговорила Мэри Карпантье, моя лучшая подруга:

— Да брось ты, Вени. Все видели, что произошло. Пусть Миа пробьет свой пенальти, а уж потом пойдет домой.

Еще несколько минут поспорив с Вени, все сошлись на том, что мне действительно полагается пенальти. И я поставила мяч на отметку «Х» перед воротами.

Вратарем был сын миссис Фармер, Питер; он был младше меня и такой медлительный, что его ставили только в ворота. Он принял стойку, руки на коленях, и замер в ожидании. Размеры ворот — восемь футов в высоту и двадцать четыре в длину, а мяч устанавливается в тридцати футах от них. Вратарю приходится перекрывать большую площадь, но, сделав пару быстрых шагов, он может достать мяч, летящий в любой угол ворот. Чтобы забить гол, нужен хороший удар.

Обе команды стояли позади меня и смотрели, как я отошла от мяча на несколько шагов, затем разбежалась, сделала обманный финт левой ногой и провела правой несильный удар — прямо меж растопыренных пальцев вратаря в угол ворот.

Потом я ушла.

Свернув в наружный коридор, я направилась прямо к своему излюбленному кратчайшему пути. Отжав настенную решетку, преграждавшую путь в воздуховоды, я приподняла ее и протиснулась сквозь узкое отверстие в темноту. Потом, уже изнутри, поставила решетку на место. Это всегда было самым трудным делом ставить решетку изнутри. Сначала нужно было просунуть палец, затем вывернуть локоть так, чтобы палец мог добраться до зажима, и теперь уже крутить зажим, пока он не попадал в паз. Наверное, у меня слишком короткие пальцы, потому что мне постоянно приходилось испытывать пару-другую неприятных минут, пока решетка не вставала на место.

Закрепив решетку, я повернулась и пошла в темноте, обдуваемая легким встречным ветерком, щекотавшим щеки. И, проходя мимо, я считала боковые отводы.

Превращение Корабля из грузового транспорта для колоний в Корабль-город потребовало, вероятно, таких же огромных трудов, как перевоплощение моей матери в художницу — это было, насколько я помню, ее постоянным желанием. В самом деле, здесь много общего: ни в том, ни в другом случае не было достигнуто полного успе-

ха, по крайней мере с моей точки зрения. В обоих случаях за кадром оставалось много болтающихся хвостов, которые следовало бы подобрать и связать в аккуратные узелки.

Вот пример: граница, где кончается наш Куод и начинается другой, — чисто номинальна, физически она никак не обозначена. Сам Куод, а все они похожи, представляют собой лабиринт глухих стен, тупиковых аллей, бесконечных расходящихся коридоров и лестниц. Так было сделано с определенной целью — не дать людям заскучать и разлениться, а на Корабле, вроде нашего, это очень важно.

Так или иначе, прямых путей в Куоде очень мало, и поэтому, чтобы не совершать долгих переходов, надо знать, как идти. В чужом Куоде без провожатого запросто можно заблудиться, и часто передаются сообщения о том, что организуются поиски какого-нибудь заплутавшего трехлетки. И теперь, покинув двор Куода, я направилась именно по кратчайшему пути, чтобы наверстать упущенное время.

Если бы Корабль был живым существом, то воздуховоды выполняли бы роль его кровеносной системы. У человека кровь циркулирует от сердца к легким, там она насыщается кислородом

и из нее удаляется углекислый газ; затем — снова к сердцу и оттуда — по всему телу, где происходит газообмен. Процесс этот повторяется снова и снова, раз за разом.

На Корабле воздух поступает по воздуховодам к Третьему Уровню, обогащается там кислородом, оттуда — в жилую зону, а затем — на Первый Уровень — к Инженерам, где из него удаляют вредные примеси, углекислый газ и микробы. Только потом, после очистки, воздух снова подается на Третий Уровень. Процесс этот тоже циклический.

Воздуховоды тянутся прямолинейно, и если идти внутри них, проходя сквозь стены, то почти куда угодно попадешь быстрее, чем по коридорам. Но человек крупнее меня — слишком велик, чтобы протиснуться сквозь едва приоткрытую вентиляционную решетку. Для ремонтников есть отверстия побольше, но их держат на запоре, — а другие ребята, которых я знала, скорее всего, побоялись бы следовать моему примеру. Так что кратчайший путь пока что оставался моим личным путем. Все, кто знал о нем, считали, что я дурачусь, бродя по воздуховодам, и престижа ради я иногда притворялась, будто они правы, хотя, конечно, это не так. Пока избегаешь гигантских

вентиляторов, все будет о'кей.

И если честно, меня больше пугали люди, а не вещи.

Добравшись до нашего отвода, я отжала решетку и выбралась наружу. Потом задала взбучку своей прическе — никак она не хотела вести себя как полагается. Волосы, глаза, прямой нос и цвет кожи я унаследовала от своих предков, испанцев и индейцев, с отцовской стороны. И хотя мои черные волосы всегда коротко острижены, ведут они себя отвратительно.

— Привет, Папа, — сказала я, входя в нашу квартиру. — Я опоздала?

В гостиной царил самый настоящий кавардак. Книги и бумаги кучей валялись на полу, мебель была сдвинута в угол. Квартира наша обычно имела вполне жилой вид, но сейчас она выглядела как после погрома.

Папа сортировал книги, сидя на стуле. Папу зовут Майлс Хаверо, он небольшого роста, среднего возраста, на его лице обычно сложно что-нибудь прочесть, но все говорят, что у него очень трезвый ум. Папино главное занятие — математика, хотя уже много лет он заседает в Совете Корабля и имеет большой опыт по этой части. В этой квартире мы с ним живем с тех пор, как в девять лет

я покинула интернат.

Папа вопросительно глянул на меня.

— Что с тобой случилось? — спросил он.

— Я не хотела опаздывать.

— Я не это имею в виду, — пояснил Папа. — Что с твоей одеждой?

Я опустила голову. На мне были белая рубашка и желтые шорты, спереди все в полосах пыли и грязи.

Корабль — такое место, где почти невозможно испачкаться. Прежде всего, земля во дворах Куодов — это не настоящая почва и трава, а искусственное покрытие, изготовленное на основе молотого фибропласта. Когда один квадрат покрытия изнашивается, его отдирают и кладут новый, точно так же, как ремонтируют пол у вас в гостиной. Единственное место, где есть грязь, в любом количестве, это Третий Уровень. Там, собственно, ничего, кроме нее, и нет. Конечно, немного пыли разносится по всему Кораблю, но в конце концов она всасывается в коллекторы воздуховодов и продувается к Инженерам, на Первый Уровень, где ее используют для подкормки Конвертеров, которые производят тепло и энергию. Короче, вам ясно, что на Корабле у вас немного шансов вывозиться в грязи.

Однажды я спросила у Папы, почему конструкторы не создали систему, которая удерживала бы грязь в единственном месте ее возникновения — на Третьем Уровне, — тогда не пришлось бы очищать весь Корабль. Сделать такую систему несложно.

Папа ответил вопросом на вопрос:

— Ты ведь знаешь, для чего был построен Корабль?

— Да, — сказала я. — Это все знают. Он был построен, чтобы везти грязеедов основывать колонии.

Я, кстати, не зову колонистов так в присутствии Папы. Может показаться странным, но он не любит этого слова.

Папа пустился в объяснения. Грязееды — то есть колонисты — грузились в жуткой тесноте. Они были не слишком чистоплотными людьми — попробуйте заставить регулярно мыться среднего крестьянина — но в любом случае люди, теснящиеся в замкнутом пространстве, будут потеть и от них будет вонять. Главным образом по этой причине Корабль и был построен с очень эффективной системой очистки и распределения воздуха. Теперь, когда он используется для совершенно иной цели, такая система больше

не нужна, это верно, но Папа добавил, что мое предложение не совсем продумано.

— Но почему тогда Совет ничего не принимает? — спросила я.

— Подумай сама, Миа, — ответил Папа. Он всегда старался, чтобы я думала сама прежде, чем искать ответы на свои вопросы в справочнике или приставать к нему.

Потом я поняла. Действительно, глупо разрушать нынешнюю сложную систему воздуховодов, работающую надежно и без особых затрат, и заменять ее другой системой, единственным достоинством которой будет простота.

Выгода здесь сомнительна.

Я встряхнула рубашку, и большая часть пыли отправилась своей дорогой. — Я шла коротким путем.

Папа кивнул с отсутствующим видом и ничего не сказал.

Его невозможно понять. Однажды меня отвели в сторонку и стали усиленно выяснять: как Папа собирается голосовать в Совете по какому-то вопросу? Это были не особенно симпатичные люди, и, вместо того, чтобы вежливо объяснить им, что я не имею ни малейшего представления, я им тогда наврала. Очень трудно догадаться, о

чем думает Папа. Он сам должен сказать мне, что у него на уме.

Он отложил книгу, которую листал, и сказал неожиданно:

— Миа, у меня есть для тебя добрые вести. Мы переезжаем.

Я завопила и бросилась ему на шею. Эту новость мне давно хотелось услышать. Несмотря на то, что на Корабле было множество пустых квартир, мы теснились в старой. Почему-то после того, как я из интерната перебралась к Папе, мы так и не собрались поменять его маленькую квартирку на большую. Слишком были заняты жизнью. Но чего я терпеть не могла, когда жила в интернате, так это дефицит свободного пространства. В интернате считают, что за тобой нужно следить в оба глаза — всегда и везде; переезд же означал, что у меня теперь будет собственная комната. Своя большая комната. Это Папа обещал мне давно.

— Ой, Папа! — воскликнула я. — А в какую квартиру мы поедем?

Население Корабля сейчас составляет примерно тридцать тысяч человек. Когда-то Корабль перевозил раз в тридцать больше, плюс груз, и я до сих пор не понимаю, как здесь могло разместиться столько людей. И хотя мы с тех пор

расселились пошире, заполнив некоторое добавочное пространство, пустующие квартиры есть во всех Куодах. Если бы мы с Папой захотели, то могли бы переехать в соседнюю.

И тут Папа сказал так, словно это не имело ровно никакого значения:

— Это огромная квартира в Гео-Куоде…

И от моего ликования ничего не осталось.

Я резко отвернулась, почувствовав головокружение, потом села. Пол уходил из-под ног. Папа не просто хотел, чтобы я покинула дом. Он хотел лишить меня той ненадежной устойчивости быта, которую я создала для себя. До девяти лет у меня не было ничего, а теперь Папа хотел, чтобы я бросила все, что с тех пор сумела построить.

Даже сейчас мне нелегко вспоминать. Не будь это так важно, я перескочила бы через этот эпизод, не удостоив его и словом. Мне было очень одиноко в девять лет — я жила в интернате, под присмотром, с четырнадцатью другими детьми, выслушивала нотации о том, что можно и чего нельзя, видела, как сменяет друг друга целая череда воспитательниц, и чувствовала себя всеми покинутой. Так продолжалось почти пять лет, и наконец настал момент, когда я уже была не в силах там находиться. Я сбежала. Села в чел-

нок — не помню сейчас, как я узнала, куда мне ехать, — и отправилась на встречу с Папой. Всю дорогу я представляла, что я скажу ему и что скажет он, переволновалась, и в конце концов, когда мы встретились, я могла только плакать и икать, не в силах остановиться.

— Что случилось? — спрашивал Папа, тщетно пытаясь добиться от меня ответа. Он достал платок, вытер мне лицо, но лишь с большим трудом сумел меня успокоить и выяснить, что же я хочу ему сказать. На это потребовалось немало времени.

— Я страшно огорчен, Миа, — серьезно сказал он. — Я совершенно не понимал, что происходит. Мне казалось, что в интернате с другими детьми тебе должно быть лучше, чем жить здесь со мной одной.

— Нет, — отвечала я. — Я хочу жить с тобой, Папа.

На секунду он задумался, затем слегка кивнул и сказал:

— Ладно. Я позвоню в интернат, предупрежу, чтобы они не волновались. А то подумают, что ты потерялась.

Альфинг-Куод стал тогда одной из самых надежных основ в моей жизни. Нельзя рассчитывать

на интернат или на воспитательницу, но на Куод или на отца рассчитывать можно наверняка. И вот теперь Папа хотел, чтобы мы покинули одну из моих опор. А Гео-Куод находился даже не на Четвертом Уровне. Он был на Пятом.

Корабль разделен на пять уровней. Первый Уровень в основном занят техническими службами — Инженерная, Спасательные средства, Конвертеры, Двигатель и прочее. Второй — Администрация. На Третьем — почва и холмы, настоящие деревья и трава, песок, животные и растения, — там нас, ребят, готовят перед тем, как выбросить на планету на Испытание. Четвертый и Пятый Уровни — обитаемые, и Пятый — самый последний. Все наши ребята знали, что если ты живешь на Пятом Уровне, то ты немногим лучше грязееда, ты — не совсем человек…

Я долго сидела в своем кресле, размышляя и стараясь прийти в себя.

— Неужели ты всерьез говоришь про Пятый Уровень? — спросила я, надеясь, что, может быть, Папа пошутил, — но все же я не очень-то на это рассчитывала, скорее просто пыталась подольше не смотреть фактам в лицо.

— Разумеется, всерьез, — сказал Папа совершенно спокойно.

— Мне долго пришлось искать, пока я нашел эту квартиру. Видишь, я уже начал готовиться к переезду. Тебе там должно понравиться. Я даже знаю, там в школе есть мальчик примерно твоего возраста, который немного тебя обогнал. Так что у тебя будет шанс поусердствовать, вместо того, чтобы плавать здесь по мелководью. А то ты совсем никакой конкуренции не испытываешь.

Мне было страшно, и поэтому спорила я отчаянно, называя подряд все места, куда мы могли переехать — в пределах Альфинг-Куода. Я даже заплакала — что случалось теперь не так уж часто, — но Папа был непоколебим. Наконец, я провела рукой по лицу, вытерла слезы и, сложив на груди руки, заявила:

— Я не сдвинусь с места…

Но это была неправильная тактика по отношению к Папе. Он лишь убедился в том, что я упрямая девчонка, хотя это было уже не упрямство. Я боялась и была уверена, что, если мы переедем, там мне никогда не будет так хорошо, как здесь. Но я не могла сказать этого Папе, я не могла признаться ему, что боюсь.

Он подошел к креслу, в котором я сидела, вызывающе скрестив руки, с застрявшими в уголках глаз слезинками, и положил ладони мне на

плечи.

— Миа, — произнес Папа, — я понимаю, что тебе нелегко переезжать. Но меньше чем через два года ты будешь сама себе хозяйкой, будешь жить где пожелаешь, и делать что захочешь. Но если ты сейчас не можешь принять неприятное для тебя решение, то какой же ты будешь взрослой? А теперь, — резко добавил он, — никаких споров. Я переезжаю. У тебя есть выбор: либо переезжай вместе со мной, либо перебирайся в интернат здесь, в Альфинг-Куоде.

В интернате я уже жила и возвращаться туда не имела ни малейшего желания. Я хотела остаться с Папой. В конце концов я решилась.

Насухо вытерев глаза полой рубашки, я медленно вернулась во двор Куода. Обе игры в футбол уже кончились, и весь двор превратился в калейдоскоп разбросанных повсюду разноцветных рубашек и шорт. Не увидев в массе игравших ребят Вени Морлок, я спросила о ней у одного знакомого мальчика.

— Она вон там, — показал он рукой.

— Спасибо, — ответила я.

Я свалила ее с ног. Потерла носом о землю и заставила молить о пощаде. За усердие я получила синяк под глазом, но он стоил того, чтобы

заставить Вени помнить, кто есть кто, даже если я буду жить на Пятом Уровне.

Потом мы с Папой переехали.

Администрации школ очень консервативны. Вероятно, так обстоит дело везде, не только на нашем Корабле. Если тебя прикрепили к учителю, ты годами не сменишь его на другого. Я знала в Альфинг-Куоде одного мальчика, который настолько ненавидел своего опекуна и так плохо с ним ладил, что оба они могли похвастаться шрамами. Так вот, этому парню потребовалось три года, чтобы поменять своего учителя на другого.

По сравнению с этим все остальное должно казаться пустяком.

Утром в понедельник, спустя два дня после нашего переезда, я отметилась у своего нового директора школы в Гео-Куоде. Он был худощав, официален и чопорен, и звали его мистер Куинс.

Мистер Куинс посмотрел на меня, стоящую перед его столом, поднял брови, отметив мой синяк под глазом, и наконец предложил:

— Садитесь.

На директоре школы лежит вся административная работа. Он назначает учителей, контролирует переводы из класса в класс и программы для обучающих машин, разнимает драки, если

таковые случаются, и прочее. Для большинства людей такая работа малопривлекательная, поэтому никого не заставляют оставаться на ней дольше трех лет.

После того, как мистер Куинс, поджав губы, просмотрел все мои бумаги и сделал запись в картотеке, он изрек:

— Мистер Уикершем.

— Извините? — не поняла я.

— Вашим учителем будет мистер Уикершем. Он живет в Гео-Куоде, 15/37. Вы встретитесь у него дома в среду в два часа пополудни и в дальнейшем будете встречаться три раза в неделю, когда вам будет удобнее. И пожалуйста, не опаздывайте в среду. Теперь пойдемте на первый урок, я покажу вам ваш класс.

Школа — для детей с четырех до пятнадцати лет. После четырнадцати, если выживешь, разрешается бросить все несущественные уроки. Ты просто работаешь со своим учителем или мастером, идя в соответствии со своими интересами к своей же цели.

Примерно через два года мне предстояло на этот счет принять какое-то решение. Беда заключалась в том, что кроме математики и чтения старых романов у меня появились совершенно

иные увлечения. Еще год назад их не было и в помине. А поскольку настоящий математический талант у меня отсутствовал, а от чтения старинных романов вообще пользы мало, мне требовалось выбрать что-то более определенное. Но на самом деле мне не хотелось специализироваться: я хотела стать синтезатором, человеком, который знает обо всем неглубоко, но достаточно, чтобы уметь складывать разрозненные детали в единое целое. Именно такая работа меня привлекала, но я никому не рассказывала о своем желании, подозревая, что ума у меня для такой работы маловато. Мне нужен был плацдарм для отступления. На всякий случай.

Иногда, в минуты депрессии, мне казалось, что только и плачет по мне местечко воспитательницы в интернате. А то и кое-что похуже.

В один прекрасный день — где-то между четырнадцатью и двадцатью годами каждый человек заканчивает «среднее» образование. С этого момента, выбрав дисциплины, которые нравятся вам больше всего, вы должны изучать только их. Потом, после двадцати лет, если вы уже не ведете какие-нибудь исследования, можно взять отпуск для дальнейшей учебы или работать над своим проектом. Именно этим была занята моя мать.

Вслед за мистером Куинсом я отправилась в класс, на первый урок. Никакого желания идти туда у меня не было, и я чувствовала себя и немного испуганно и чуть воинственно одновременно, не зная, какая сторона возьмет верх в следующий миг.

Мы вошли, и по классу пронеслась буря стремительных перемещений. Но стоило всем занять свои места, как оказалось, что в классе всего четверо ребят, два мальчика и две девочки.

— Что здесь происходит? — вопросил мистер Куинс.

Ответом было молчание — никто, никогда и ничего не делает для директора, если может этого избежать. Таков закон.

— Ты, Дентремонт, — обратился мистер Куинс к одному из мальчиков. — Что ты делал?

— Ничего, сэр, — ответил тот.

У мальчика были рыжие волосы и очень большие уши. Он казался совсем маленьким, хотя — вряд ли был младше меня, раз мы попали с ним в один класс.

На мгновение пристально глянув на него, мистер Куинс допустил, что это возможно, и снизошел до того, что представил меня классу. В обратную сторону мне — он представлять никого

не стал, рассудив, что скоро я сама узнаю все имена. Затем прозвучал звонок на первый урок, и мистер Куинс обронил на прощанье:

— Ладно. Давайте заниматься делом.

Он вышел, и рыжий мальчик сразу полез за одну из обучающих машин и занялся привинчиванием ее задней стенки.

— В один прекрасный день мистер Куинс поймает тебя, Джимми, и тогда действительно будет беда, — заметила ближайшая ко мне девочка.

— Я просто любопытен, — ответил Джимми.

Ребята в меру сил игнорировали меня, вероятно зная о том, как относиться ко мне, не больше, чем я — как относиться к ним. Они наблюдали за мной, и я ничуть не сомневалась, что при первом же удобном случае они расскажут все и каждому — что, по их мнению, представляет собой эта новенькая с Четвертого Уровня. Я быстро поняла, что они смотрели на нас так же подозрительно, как мы на Четвертом смотрели на них. Но только в нашем случае это было оправдано, в их — нет.

Мне совершенно не понравилось, что эти девчонки, поглядев на меня, потом наклонились друг к дружке и стали шептаться и хихикать, и будь я более уверена в себе, я бросила бы им вызов. Но пока я притворилась, что ничего не

замечаю.

После первого урока трое ребят ушли, остался только Джимми Дентремонт. Я тоже, поскольку в моем расписании значился и второй урок в классе. Джимми пристально меня разглядывал, и это мне не нравилось. Я совершенно не знала, что сказать. Впрочем, многие люди глазели на нас, тыкали в нас пальцами и даже подсматривали за нами с той минуты, как мы переехали в Гео-Куод.

Нашу мебель перевезли в субботу утром — то, что мы хотели взять с собой, а мы с Папой прибыли в полдень, захватив, что полегче. У меня были четыре коробки, заполненные шкатулочками, одеждой и всякими мелочами. Еще там была спасенная мною старинная губная гармошка — примерно восьми дюймов в длину, с латунными торцами и дырочками для пальцев. Она нашлась, когда мы разбирали какую-то старую Папину коробку. Папа отложил ее в свою кучу «на выброс», но я ее оттуда сразу же забрала. Иногда я совсем не понимаю своего отца.

Коробки прибыли в мою новую комнату. Она была просторней старой, и еще тут было гораздо больше книжных полок, чему я очень обрадовалась. Не люблю, когда книги свалены в кучу из-за

отсутствия места. Мне нравится, когда они стоят аккуратно и ими удобно пользоваться.

Я смотрела на коробки, набираясь решимости разом их разобрать, а пока что взялась за губную гармошку — почему-то захотелось посмотреть, какие звуки я смогу из нее извлечь. Три минуты — ровно столько прошло спокойно, а потом раздался звонок в дверь.

Первыми были соседи. Они ввалились целой толпой.

— О, мистер Хаверо! Это так волнующе, узнать, что вы здесь, в нашем коридоре, мы надеемся, вам здесь понравится, как и нам… И мы иногда собираемся вместе, знаете, на вечеринку, имейте это в виду… О! А это ваша дочь? Как она мила, как восхитительна, мистер Хаверо, я не шучу, поверьте, и вы знаете, мистер Хаверо, есть несколько вопросов, которые я намеревался обсудить с нашим представителем в Совете, но теперь, когда вы здесь, ну, я с таким же успехом могу сказать это прямо вам, ха-ха, так сказать, на самый верх…

Потом пошли просто любопытствующие и просители, множество просителей. От соседей их отличало то, что меня они старались умаслить так же, как и Папу. Соседи обрабатывали только Папу.

Уж не знаю, почему так, но обычно приятнее встречаться как раз с теми людьми, у которых хватает ума и такта остаться в таких случаях дома и никого не беспокоить. Но соотношение в количестве тех и других — грустная и, наверное, неразрешимая проблема.

Через несколько минут Папа отступил в свой кабинет, и жаждущие с ним поговорить целиком заполнили гостиную. В новой квартире было два крыла, и между ними гостиная — как начинка в сэндвиче. В одном крыле находились две спальни, ванная и кухня со столовой, в другом — комнаты отца и его кабинет. К дальней стене кабинета примыкала еще одна, меньшая квартирка. Со временем там предполагалось устроить комнату ожидания или приемную для посетителей, но она была еще не готова.

Некоторое время я наблюдала за публикой, потом протолкалась сквозь толпу и ушла в спальню. Оттуда я позвонила Мэри Карпантье.

— Хелло, Миа, — сказала она. — Посмотришь на тебя по видику, и кажется, что ты еще дома.

— А я и есть дома. Еще не переехала.

— О, — произнесла Мэри, и лицо у нее вытянулось. Должно быть, она настроилась на звонок с большого расстояния.

— Ха, — сказала я, — не волнуйся. Шутка! Я переехала.

От этих слов лицо Мэри снова просветлело, и мы немного поболтали. Я рассказала ей о назойливых людях, захвативших нашу гостиную, и мы как сумасшедшие смеялись над воображаемыми поручениями, которые мы им придумывали. И еще мы вновь поклялись, что будем верными подругами на веки вечные.

Поговорив с Мэри, я вышла в холл — и вдруг увидела выходящего из моей спальни грузного мужчину. Я точно знала, что раньше с ним не встречалась никогда.

— Что вы тут делаете? — спросила я.

Прежде чем ответить, он на мгновение сунул голову в соседнюю комнату. Любопытствую, — сказал он. — Как и ты.

— Я не любопытствую, — возразила я спокойно. — Я здесь живу.

Он понял, какую совершил ошибку, ничего не ответил, покраснел и поспешно шмыгнул мимо. И с тех пор так бывало частенько.

Но вернемся в класс.

Пристально глядя мне в лицо, Джимми Дентремонт спросил:

— А что у тебя с глазом?

Я вообще не считаю нужным отвечать на наводящие вопросы. Но даже без того у меня не было ни малейшего намерения рассказывать первому встречному мальчишке, «что у меня с глазом».

— Тебе сколько лет? — спросила я ровным голосом.

— Зачем тебе?

— Если ты и в самом деле такой маленький, каким кажешься, то не пристало тебе ни о чем меня спрашивать. Детям полагается вести себя так, чтобы их видели, но не слышали.

— Да ну, — сказал Джимми, — я постарше тебя. У меня день рождения 8 ноября 2185 года.

Если он не врал, значит, он действительно был меня старше на три недели.

— Откуда ты знаешь, сколько мне лет? — спросила я.

— Поинтересовался, когда узнал, что вы сюда приезжаете, — откровенно признался он.

Теперь вам понятно, что я имею в виду? Все глазеют и подсматривают.

Прозвенел звонок на второй урок.

— Это Первый Класс? — спросила я.

— Не знаю, — ответил Джимми Дентремонт. — Об этом не говорят.

Это я сама знала. Логика у взрослых проста:

дети не должны чувствовать себя неловко или, наоборот, чересчур зазнаваться в зависимости от того, в каком классе они учатся. Хотя, проделав однажды элементарное сравнение табелей, каждый отлично знает, какого уровня его класс.

Просто Джимми Дентремонт был упрямым мальчишкой. Пока что мы лишь прощупывали друг друга, и я, не имея никакого представления о том, как мне к нему относиться, не знала также, поладим мы или нет.

После обеда меня снова вызвал к себе мистер Куинс. При виде синяка брови у него опять поднялись — мистер Куинс явно его не одобрял. А причиной вызова было то, что у меня меняется расписание.

— Мистер Мбеле, — проговорил мистер Куинс и вручил мне бумажку с адресом.

— Извините? — опять не поняла я.

— Вашим опекуном теперь будет мистер Мбеле. Не мистер Уикершем, как я сказал утром, а мистер Мбеле. Ясно? Но все остальное, что я говорил утром, остается в силе. С мистером Мбеле вы встретитесь в среду в два часа, и помните, пожалуйста, насчет опозданий. Я не хочу, чтобы в подопечной мне школе опаздывали. Дурную репутацию заработать проще всего, а отговорки

и оправдания я ненавижу.

— А можно узнать, почему меня так быстро…

Переключили? — спросила я.

Мистер Куинс снова вскинул брови и довольно резко ответил:

— Это вовсе не моя затея. Меня проинформировали об этой замене, а я информирую вас. Можете мне поверить — идея не моя. Мне теперь придется менять двух прикрепленных, а я не люблю причинять себе лишних хлопот. Так что не ждите от меня никаких объяснений. У меня их нет.

Мне в самом деле показалось странным, что меня так быстро передали от одного опекуна другому. Даже прежде, чем мы успели познакомиться. Это почти легкомысленно.

Но, неожиданно для себя, я была почти рада встретить в среду Джимми Дентремонта. Я долго не могла найти квартиру мистера Мбеле, и Джимми решил мне помочь.

— Кстати, я тоже туда направляюсь, — сказал он. Стоя в коридоре с адресом в руке, он выглядел вполне дружелюбно. Наверное, потому, что вокруг не было других ребят. Друзей в Гео-Куоде я еще не успела завести, зато из-за острого своего языка уже нажила пару врагов. И я была не против, если бы кто-нибудь мне понравился. —

Мистер Мбеле и твой учитель тоже?

— Только со вчерашнего дня. Я позвонил мистеру Уикершему, хотел выяснить, почему меня перевели, но ему самому об этом совсем недавно сообщил мистер Куинс, лично.

— Ты не просил, чтобы тебя перевели?

— Нет.

— Тогда это заба-авно, — протянула я.

Мистер Мбеле сам открыл дверь на наш звонок.

— Здравствуйте, — сказал он и улыбнулся. — Я как раз подумал, что вам уже пора появиться.

Мистер Мбеле был сед и стар — ему наверняка уже давно перевалило за сотню лет, — но высок и строен для своего возраста. Лицо его было темным и морщинистым, с широким носом и белыми штрихами бровей.

— Здравствуйте, сэр, — вежливо ответил Джимми.

Я промолчала, потому что узнала его.

На Корабле нет уникальных фамилий, и я слышала о многих Мбеле и о стольких же Хаверо. Но я совсем не ожидала, что моим учителем станет Джозеф Х.Мбеле.

Когда он входил в Совет Корабля, у него с моим отцом постоянно и традиционно были разные

точки зрения. Почти на все. Папа возглавлял оппозицию его излюбленному плану миниатюризации библиотек и распространения их во всех колониях. Потерпев тогда поражение, мистер Мбеле ушел в отставку.

Еще в интернате я однажды поссорилась с одной девочкой; мы обзывали друг друга и таскали за волосы. Она заявляла, что если бы мистер Мбеле хотел чего-нибудь добиться, то ему надо было бы просто представить резолюцию «против» и сесть спокойно на место. Мой отец немедленно выступит «за» и сам проделает всю работу.

Не думаю, чтобы эта девочка понимала, что означает сия шутка, и, совершенно точно, я сама тогда этого не знала, но шутка была грубой, и мне ничего не оставалось, как затеять драку. В то время я не очень хорошо знала Папу, но была до краев переполнена лояльностью к семье.

Прикрепить меня ученицей к мистеру Мбеле казалось мне еще одной неудачной шуткой, и хотела бы я знать, кто ее придумал. Уж конечно, не мистер Куинс ему она доставила только лишние заботы.

— Заходите, — пригласил мистер Мбеле. Джимми подтолкнул меня, и мы двинулись вперед. Мистер Мбеле нажал кнопку на двери, и створки

сомкнулись за нами.

Проведя нас в гостиную, он сказал:

— Я думаю, сегодня мы просто познакомимся, договоримся, какое время нам лучше подходит для встреч, а потом сообразим чего-нибудь поесть. Начать работать мы сможем со следующего раза. Хорошо?

Мы разместились в гостиной, и, хотя не было никаких сомнений — кто есть кто среди нас троих, все друг другу церемонно представились.

— Да, по-моему, я встречал обоих твоих родителей, Джимми, — сказал мистер Мбеле. — И, разумеется, знал твоего деда. Но мне интересно, что ты думаешь по поводу своей специализации?

Джимми отвел взгляд.

— Я еще не решил.

— Ну, а какие у тебя планы?

Джимми долго молчал, а потом тихим, неуверенным голосом произнес:

— Я хотел бы стать ординологом.

Если представить известный нам мир как огромную многокомнатную квартиру, населенную множеством невероятно занятых, невероятно рассеянных близоруких людей, которые все до одного — эксцентричные затворники, тогда

ординолог — это человек, который периодически заходит и убирает за каждым. Он поднимает валяющиеся по всей комнате книги и ставит их туда, где им полагается быть, он исправляет и чинит, выбрасывает барахло, которое затворники хранят и жалеют, но никогда не используют. А потом он наводит на комнату лоск, чтобы и другие люди могли посещать ее, пока он занят уборкой соседней такой же комнаты. Ординолог примерно так же похож на женщину среднего возраста, которая выдает книги в библиотеке Куода, как один из наших оргтехников похож на первобытного фермера-грязееда. Впрочем, с некоторой натяжкой его можно назвать и библиотекарем.

Синтезатор, которым хотела стать я, — другое дело. Это человек, который, входя и восхищаясь аккуратно прибранной комнатой, отмечает, однако, что и в соседней комнате кое-какие предметы из здешней обстановки выглядели бы очень мило и даже — они были бы там полезны. Без ординологов синтезатор не мог бы работать вообще, но и без синтезаторов ординологам тоже не имело смысла браться за работу, потому что никому не было бы пользы от того, что они делают.

Однако лишь немногие люди преуспели в

каждом из этих занятий. Приведение в порядок, систематизация информации и сбор противоречивых обрывков всевозможных сведений требуют ума, памяти, интуиции и везения. Мало кто обладает всем этим вместе.

— А что ты знаешь об ординологии? — спросил мистер Мбеле.

— Вообще-то не очень многое, — признался Джимми. И затем с оттенком гордости добавил: — Мой дед был ординологом.

— Да, в самом деле, и одним из лучших. Тебе не следует стесняться того, что ты пытаешься идти по его стопам, если ты, конечно, не потерпишь полный провал, а этого не должно быть, — сказал мистер Мбеле. — Я не люблю следовать обычной практике только потому, что так принято. Если ты не проговоришься об этом, мы поглядим, как сделать так, чтобы преподать тебе детальный обзор ординологии и ее основ. Тогда ты сам решишь, хочешь ты заниматься этим или нет. Хорошо?

Да, мистер Мбеле не был ортодоксальным учителем. То, что он предлагал Джимми, обычно делали только после четырнадцати лет, после Испытания. Джимми расплылся в улыбке.

— Да, — сказал он. — Спасибо!

Мистер Мбеле повернулся ко мне.

— Ну, как тебе нравится жизнь в Гео-Куоде?

— Вряд ли она мне вообще когда-нибудь понравится, — сказала я.

Джимми стрельнул в меня глазами. По-моему, он не ожидал, что я так отвечу.

— А в чем дело? — спросил мистер Мбеле.

— С тех пор, как мы приехали, ни одной минуты не было, чтобы в доме не толпились посторонние, — объяснила я. — У нас совсем не остается времени для своей жизни. Можете мне поверить, там, в Альфинг-Куоде, не было ничего подобного.

Мистер Мбеле открыто улыбнулся.

— В этом надо винить не Гео-Куод, — сказал он. — Так случается всегда, когда кто-то становится Председателем Совета. Вот увидишь, через несколько дней новизна сгладится, и все войдет в колею.

Мы поговорили еще несколько минут, и миссис Мбеле принесла нам поесть. Эта приятная крупная женщина с широким лицом и светло-каштановыми волосами выглядела немного моложе своего мужа.

Во время еды мы договорились, что будем встречаться в полдень по понедельникам и четвергам и в пятницу вечером, а если появится важная причина, то расписание можно будет изменить.

Мистер Мбеле закончил первую встречу словами:

— Я хочу, чтобы вам с самого начала стало ясно: ваша цель — учиться, моя помогать вам или заставлять вас, хотя я сомневаюсь, надо ли любого из вас заставлять. Меня очень мало волнуют записи в ваших табелях, и я не люблю заниматься диаграммами и прочими ненужными вещами, уводящими от основной цели. Если вы захотите чему-нибудь научиться и у вас окажется необходимая подготовка, чтобы с этим справиться, я готов вам помочь, независимо от того, входит ли это формально в программу вашего обучения. Если у вас не будет необходимых основ, я помогу вам их приобрести. Но в ответ я хочу, чтобы вы сделали кое-что и для меня. Прошло уже много лет с тех пор, как я в последний раз был учителем. И я надеюсь, вы подскажете мне, если я забуду соблюсти какой-нибудь ритуал, который мистер Куинс считает существенным. Ну как, это справедливо?

Вопреки своей семейной лояльности я обнаружила, что мистер Мбеле мне нравится, и очень была довольна, что меня прикрепили к нему ученицей. Правда, я не могла признаться в этом публично.

Когда мы снова оказались в коридорах и шли обратно домой, Джимми вдруг сказал:

— Постой-ка…

Мы остановились, и он повернулся лицом ко мне.

— Я хочу, чтобы ты пообещала мне одну вещь, — произнес Джимми. — Обещай никому не рассказывать про моего деда и про то, что я хочу стать ординологом.

— Это уже две вещи, — съехидничала я.

— Не шути! — умоляюще сказал он. — Ребята устроят мне жуткую жизнь, если узнают, что я хочу заниматься таким странным делом.

— Ничего, я ведь тоже хочу стать синтезатором, — утешила я его. — Ладно, я никому не скажу о тебе, если ты никому не скажешь обо мне.

Мы приняли это как торжественное обещание, и с тех пор все, что когда-либо говорилось в квартире мистера Мбеле, оставалось между нами и никогда не выносилось на публику. Это был, если угодно, оазис в пустыне детского и взрослого невежества, где мы могли спокойно высказывать любые свои мысли, не опасаясь увидеть их опороченными, осмеянными и растоптанными, даже если они того заслуживали. Такие места очень ценны.

— Знаешь, — говорил Джимми, — я рад, что меня перевели. Мне очень нравится учиться у мистера Мбеле.

— Да, — осторожно кивала я, — надо признаться, он совсем не такой, как другие.

Так мы отвечали, если кто-то спрашивал нас о нашем учителе.

Папу я увидела лишь после того, как он закрыл свой кабинет. То есть он закрыл гостиную для новых визитеров в пять часов, но только в одиннадцать ушел последний из них.

— Пап! — взволнованно сказала я. — Ты знаешь, мой новый учитель мистер Джозеф Мбеле!

— М-м-м, да, знаю… — ответил Папа рассеянно, словно это было обычное житейское дело. Он поднялся и принялся складывать бумаги на столе. — Знаешь?! — удивленно переспросила я, усаживаясь на стул рядом.

— Да. Он согласился взять тебя, оказывая мне личную услугу. Я попросил его об этом.

— А я-то думала, что вы с ним враги, — протянула я изумленно. Как я уже говорила, иногда я совсем не понимаю своего отца. Моя душа не милосердна если я против кого-то, я действительно против него. А Папа, конфликтуя с мистером Мбеле, просит его стать моим учителем…

— У нас с ним есть разногласия по некоторым пунктам, — сказал Папа. — Я лично считаю, что его позиция в отношении колоний в корне неверна. Но только то, что человек не соглашается со мной, не делает его злодеем или дураком, и я искренне сомневаюсь, что его знания как-то тебе повредят. Мне они не повредили, когда я изучал у него социальную философию шестьдесят лет назад.

— Социальную философию? — переспросила я.

— Да, — подтвердил Папа. — Я бы не допустил, чтобы ты занималась у человека, который ничему не может тебя научить. И я думаю, ты вполне выдержишь гомеопатическую дозу социальной философии.

— О… — только и произнесла я.

И еще одна вещь говорила в пользу мистера Мбеле: он не устраивал поднимания бровей при виде моего синяка. И его жена тоже, если на то пошло. Я это оценила.

И все же я жалела, что Папа не предупредил меня заранее. Хотя мистер Мбеле мне понравился, это не уберегло меня от нескольких недобрых мыслей в начале нашего знакомства.

Однажды, спустя две недели после нашего переезда, собираясь сообщить Папе, что обед уже

приготовлен, я зашла в его кабинет. Папа разговаривал по видику с мистером Персоном, еще одним членом Совета.

— Я знаю, знаю, — сказало со вздохом изображение мистера Персона. — Но мне не по душе делать из кого-либо показательный случай. Если она так сильно хотела еще одного ребенка, почему она не стала воспитательницей в интернате?..

— Несколько поздновато убеждать ее, когда ребенок вот-вот родится, — сухо ответил Папа.

— Согласен. И все же мы могли бы убрать ребенка, а ей сделать предупреждение. Впрочем, обсудим это завтра, — сказал мистер Персон и отключился.

— Обед готов, — сказала я. — О чем этот разговор?

— А, — ответил Папа. — Это об одной женщине по фамилии Макриди. У нее было четверо детей, и ни один из них не сумел пройти Испытание. Она хотела родить еще одного, но Корабельный Евгеник запретил. Но она все равно сделала по-своему.

От его слов у меня во рту возник неприятный привкус.

— Она, наверное, сошла с ума, — пораженно сказала я. — Только сумасшедшая может сделать

такое. Почему вы ее не проверите? Что вы вообще собираетесь с ней делать?

— Не знаю, как проголосует Совет, — ответил Папа, — но мне кажется, ей позволят выбрать планету-колонию и высадят туда.

Есть два вопроса, в которых мы не имеем права идти ни на какие компромиссы — перенаселение и Испытание. Стоит чуть уступить, и Корабль погибнет. Представьте, что произойдет, если позволить людям заводить детей каждый раз, когда им это придет в голову. Есть предел количеству пищи, которую мы в состоянии вырастить на ограниченном пространстве, есть предел и количеству мест, где могут жить люди. Вы скажете, что сейчас до этих пределов довольно далеко. Да, но резервов не хватит даже на пятьдесят лет неконтролируемого прироста населения. У этой женщины, Макриди, уже было четверо детей, но ни один из них не оказался достаточно сильным, чтобы выжить. Четырех шансов достаточно.

То, что Папа предлагал сделать с этой женщиной, казалось мне чересчур мягким, даже великодушным. Так я ему и сказала.

— Это не великодушие, — возразил он. — Просто на Корабле существуют законы, без которых мы не выжили бы вообще. И главный закон: или

играй по правилам, или ступай куда-нибудь в другое место.

— Все равно я считаю, что ты поступаешь слишком мягко. — Мне это дело отнюдь не казалось пустяковым.

Папа как-то внезапно переменил тему:

— Ну-ка, постой немного смирно… Как сегодня твой глаз? По-моему, гораздо лучше… Да, определенно лучше.

Когда Папа со мной не согласен, а спорить не хочет, он ускользает, поддразнивая.

— С моим глазом все в порядке, — сказала я и отвернулась. Так оно и было на самом деле, между прочим, синяк почти совсем рассосался.

— Ну, прошло уже две недели, как тебе нравится Гео-Куод? — спросил Папа за обедом. — Все так же плохо? Ничего не изменилось?

Я пожала плечами и, сделав вид, что интересуюсь только едой, промямлила с полным ртом:

— Все в порядке.

Это было просто невозможно — признаться, что я здесь несчастлива и никому не нужна, а и то, и другое было правдой. Мне с самого начала не повезло в Гео-Куоде, и тут имелись две причины: одна серьезная, другая поменьше.

Второй причиной была школа. Как я уже гово-

рила, только тем ребятам, которые занимаются на одном с вами уровне по всем предметам, разрешается знать, в каком именно классе вы находитесь. На самом деле, однако, все прекрасно осведомлены обо всех, и те, кто классом ниже или выше, соответственно, краснеют. Почему — я уже объясняла. Я же никогда не умела краснеть по команде, просто потому, что так принято, и как новенькой из-за этого мне всегда доставалось сильнее. Нехорошо начинать с изоляции от других людей.

Но главная причина была целиком на моей совести. Когда мы переезжали, я считала, что раз я не люблю Гео-Куод, то не имеет никакого значения, что там подумают обо мне. К тому времени, как до меня дошло, что я прочно и надолго привязана к Гео-Куоду и лучше бы мне ходить не печатая шаг, а полегче, следы моих каблуков уже виднелись не на одном лице.

Моя позиция и мое поведение, взаимодействуя между собой, приносили мне лишь неприятности. Все шло не так, как надо, и вот простой пример.

В начале недели вся школа отправилась на Третий Уровень на учебный пикник-экскурсию. Пожалуй, это было больше развлечение, а не уче-

ба, потому что мы, старшие школьники, уже не раз видели ряды растений с широкими листьями, выращиваемых для обогащения воздуха кислородом. В конце дня мы возвращались на челноке домой, в Гео-Куод, и, чтобы чем-то занять время, некоторые из девочек затеяли игру в хлопки. Меня тоже взяли — чтобы игра была интересной, нужно как можно больше участников. Правила простые: каждый должен запомнить три номера. По сигналу все хлопают руками по коленям, хлопают в ладоши, и затем тот, кто начинает игру, называет номер. Колени, ладоши, и уже тот, чей номер назван, называет номер кого-нибудь еще. Колени, ладоши, номер. Колени, ладоши, номер. Темп ударов возрастает, пока кто-то не хлопнет не в такт или не пропустит один из своих номеров. Вот тут-то провинившемуся дают по запястьям холодных. Игра эта достаточно проста, но когда темп убыстряется, ошибиться очень легко.

Мы стояли в проходе, только одна или две девочки сидели ближе к носу челнока. Игра началась. Хлоп-хлоп.

— Двенадцать, — сказала первая девочка. Хлоп по коленям, хлоп в ладоши. Семь.

Хлоп, хлоп.

— Семнадцать.

Хлоп, хлоп.

— Шесть.

Этот номер был одним из моих. Я хлопнула по коленям, в ладоши, назвала:

— Двадцать.

Хлоп, хлоп.

— Два.

Хлоп, хлоп.

— …

Кто-то сбился.

Это была пухленькая девочка лет одиннадцати по имени Зена Эндрюс. Она ошибалась постоянно и, естественно, страдала от этого. Всего нас играло семеро, а Зена уже прозевала раз пять или шесть. Когда получишь по запястьям тридцать штук холодных, они наверняка будут сильно ныть. Но Зена заработала не только ноющее запястье, но и мысль, что все ее преследуют.

— Вы называете мои номера слишком часто, — пожаловалась она, когда мы встали в очередь провести экзекуцию. — Это нечестно!

Она так скулила, что мы почти перестали ее вызывать, — лишь изредка, чтобы она не подумала, что ее исключили из игры. Я на это пошла, хотя и была не согласна. Может быть, я не права, но я не вижу никакого смысла играть с челове-

ком, который не готов проиграть так же, как и выиграть. Какая же игра, если в ней нет риска?

Минуту спустя, когда прозевал кто-то еще, я заметила, что Зена мгновенно оказалась в очереди, счастливая, что сама может кому-то причинить боль.

Наша семерка, конечно, не весь класс. Некоторые ребята болтали между собой, некоторые читали. Джимми Дентремонт и еще один мальчик играли в шахматы. Другие просто сидели, а трое или четверо мальчишек гонялись друг за другом по проходам. Опекавший нас в тот день мистер Марбери каждый раз, когда они слишком расходились или чересчур надоедали, уговаривал их смиренным тоном:

— Посидите спокойно, скоро мы будем в Гео-Куоде.

Мистер Марбери был одним из тех людей, которые говорят и говорят, пилят и пилят, но никогда не приводят в исполнение собственные же угрозы. Так что никто не обращал на него слишком большого внимания.

Когда объявили последнюю остановку перед Гео-Куодом, мы решили сыграть по последнему кругу. Словно почуяв близость дома, мальчишки повскакали с мест и ринулись по проходу к

двери, чтобы первыми выйти из челнока. Они прыгали вокруг, сталкиваясь друг с другом, и наконец заметили, что мы играем. Конечно, они тут же постарались отвлечь нас, чтобы мы наделали ошибок, и нам приходилось прилагать героические усилия, дабы не обращать на них внимания.

Один из мальчишек, Торин Луомела, сумел запомнить наши номера и отвлекал именно того человека, чей номер как раз называли. Тут очередь дошла и до меня.

— Четырнадцать.

Торин дождался момента и хлопнул меня по спине. В этом укусе чувствовалось изрядное количество яда.

— Пятнадцать, — сказала я и, с силой отведя руку назад, затрещиной сбила его с ног. В те дни я была маленькой, но жесткой, и треснуть могла как следует. На мгновение мне показалось, что Торин собирается предпринять что-то в ответ, но потом пыл его угас.

— За что ты меня так? — спросил он. — Я же пошутил!

Ничего не ответив, я вернулась к игре. «Пятнадцатой» выпало быть Зене Эндрюс, она, как обычно, все прозевала, и мы принялись выдавать

ей холодные.

Подошла моя очередь, и я поймала Зенин взгляд. Она смотрела так, словно это я заставила ее сбиться с ритма и лично была виновата в том, что у нее ныло запястье. Я совсем не собиралась сильно ее ударять, слишком она была неудачливой, но этот взгляд меня просто взбесил, настолько он был полон злобы. Крепко сжав ее руку, я двумя пальцами изо всех сил врезала по уже покрасневшей коже запястья. У меня самой аж пальцы онемели.

Челнок как раз остановился, и я, отвернувшись от Зены, проговорила:

— Ну, вот мы и приехали.

И мне было совершенно безразлично ее хныканье и то, как она жалела себя, нянча горевшее запястье.

Выйдя из челнока, я решила отправиться домой, благо на сегодня мы были свободны. Но далеко я уйти не успела, Зена догнала меня почти сразу. — Мне наплевать, что твой отец — Председатель Совета Корабля, — заявила она. Можешь считать как угодно, но ты ничем не лучше остальных. Я смерила ее взглядом.

— Я вовсе не утверждаю, что я лучше остальных. Но в отличие от тебя я не кричу повсюду,

что это не так, — ответила я и тут же поняла, что совершила ошибку.

Мне уже доводилось, к счастью — не очень часто, встречать людей, с которыми я просто не в состоянии была общаться. Иногда это были взрослые, но как правило — ребята моего возраста. С некоторыми из них мы даже думали по-разному, и слова, которыми мы пользовались, означали для нас разные вещи. Мы не понимали друг друга. Хотя чаще всего попадались индивидуумы вроде Зены Эндрюс, эти даже не слушают, что им говорят. Смысл моих слов казался мне совершенно ясным, но Зена его абсолютно не уловила.

Даже в моменты, когда я бывала совсем невысокого мнения о себе самой, даже тогда у меня был повод шептать под нос: «Mea culpas»![1] Нет, конечно, я не допускала мысли, что я хуже других людей. Я знала, что я умнее большинства ребят, при этом — меньше их ростом, уступаю многим в ловкости, бесталанна в искусстве (это у меня наследственное), не такая хорошенькая, как некоторые, но зато умею играть немного на старинной детской флейте… Я есть то, что я есть. Так почему же я должна перед кем-то пресмыкаться,

---

[1] Примечания: 1
Моя вина! (лат.)

плакать и ненатурально скромничать? Я этого и в самом деле не понимала.

А Зена либо не слышала моих слов, либо они были слишком сложны для ее ума.

— Так я и знала, — заявила она. — Ты считаешь себя лучше всех! Не ожидала, что ты сознаешься! Мне и говорили, что ты заносчивая…

Я начала было протестовать, но она повернулась и ушла, довольная, словно ей дали пирожок. Но я чувствовала, что виновата сама. Не в том было дело, что я сказала и как, а в том, что вообще потеряла над собой контроль, выпустив наружу не самые лучшие свои качества. Нельзя топтать людей и не получать от них сдачи.

На том, однако, не кончилось. Зена не преминула распустить повсюду сплетни, переврав при этом мои слова, добавив от себя всевозможные комментарии, описывающие Зенино благородство и Зенину же объективность, и находились ребята, готовые слушать ее и верить ее россказням. А почему бы и нет? Они не знали меня. А мне было все равно, Гео-Куод для меня ничего не значил.

К тому времени, когда я поняла, что совсем не права, оказалось, что меня изящно задвинули в угол. У меня было несколько врагов — пожалуй,

даже больше, чем несколько, — и немало нейтральных знакомых. Но друзей у меня не было вообще.

Главная причина, по которой мне было трудно представить себя вне Корабля, заключалась в том, что колонисты — грязееды — слишком отличались от нас. В основном они были крестьянами, фермерами; люди такого сорта лучше всего приспособлены для выживания на планетах-колониях, местами весьма опасных. С другой стороны, мы, люди на Кораблях, по большей части имеем техническое образование.

Наверное, мы могли бы присоединиться к ним, когда была уничтожена Земля, как, собственно, и было запланировано в те времена. Но сделать так — означало бы перечеркнуть лучшую часть пятитысячелетнего прогресса. Наука требует времени, а работая целый день лишь для того, чтобы иметь возможность делать то же самое завтра, вы никогда не выкроите лишней свободной минуты. Именно поэтому мы никогда не покидали Корабля, и на остальных Кораблях действовал тот же закон.

Если нам что-нибудь было нужно от планет-колоний, мы продавали им кое-что из тщательно хранимых нами все эти годы знаний, а в обмен

получали сырье. То, что есть у них, — на то, что есть у нас. Это — справедливый обмен.

Я уже говорила: мне легче удавалось справляться с вещами, чем с людьми. Попав из интерната в Альфинг-Куод, я перезнакомилась там со всеми. Мне казалось, что я поселилась там навсегда, я пустила корни… Можно выразиться иначе: я вонзила когти и изо всех сил вцепилась в милую, беззаботную жизнь. Но потом мы переехали в Гео-Куод — и тут-то мне пришлось встретиться лицом к лицу со множеством новых людей. Вряд ли мне удалось пройти это гладко, но я смогла это сделать, потому что они были людьми с Корабля. Людьми нашего типа. Но жители планет не похожи на нас. Почему-то мне кажется, что я смогла бы принять душой Землю, смогла бы понять и принять тех, кто сумел превратить в Корабль астероид объемом шесть тысяч кубических миль. Они раскололи его на две половинки, вырезали сорок или пятьдесят процентов скальной породы из обеих частей, оставив необходимое для конструкции, и затем — снова сложили половинки вместе, начинив предварительно оборудованием. И все это было сделано за один год. Эти люди казались мне фантастическими чудотворцами, и больно было думать, что они увенчали весь этот

триумф науки, взорвав сами себя. Но то — Земля, не грязееды.

Было второе воскресенье после того, как мы покончили с переездом в Гео-Куод. Я читала у себя в комнате книгу, когда в дверь постучал Папа. Пришлось книгу отложить.

— Какие у тебя планы на следующий уик-энд, Миа? — спросил он.

— Никаких, — ответила я. — А что?

— Есть у меня одна идея. Она должна тебе понравиться.

— Да?

— Я только что разговаривал с координатором снабжения… Нам понадобится сделать остановку для торговли, в конце недели мы подойдем к планете Грайнау. Совет поручил заключить сделку мне. И я подумал, что тебе захочется съездить со мной.

Ему следовало бы знать, что этого мне лучше не говорить. Тряхнув головой, я сказала твердо:

— Вряд ли мне захочется увидеть грязеедов.

— Не употребляй этого слова, — бросил Папа. — Может быть, они и первобытные, но все-таки люди. Ты бы удивилась, узнав, чему можно у них научиться. Мир не ограничивается Куодом. Он не ограничивается и Кораблем тоже.

Сердце у меня заколотилось, но ответила я спокойно:

— Спасибо, но меня это не интересует. — И я снова взялась за книгу.

— Подумай хорошенько, — сказал Папа настойчиво. — Через двадцать месяцев тебе предстоит одной высадиться на планете, населенной людьми вроде этих. Тебе придется приложить все усилия, чтобы жить с ними рядом — и выжить. Если ты не можешь заставить себя выдержать их присутствие сейчас, то что ты будешь делать тогда? Ты просто обязана над этим задуматься.

Я замотала головой, но потом вдруг не выдержала.

— Мне интересно! Но я боюсь!.. — воскликнула я со слезами на глазах. — И все?

— Что значит «и все»?

— Извини, — сказал Папа. — Я не хотел, чтобы это так прозвучало. Я понимаю, предложение тебя испугало. Большинство планет-колоний — неприятные места по меркам любой цивилизации. Я имел в виду вот что: это единственная причина твоего нежелания ехать?

— Да, — ответила я. — Но не планета пугает меня. Люди.

— О, — произнес Папа. Он вздохнул. — Знаешь,

примерно этого я и опасался. И на переезд решился в основном потому, что, по-моему, ты слишком зависела от Альфинг-Куода. Ты жила в очень уж тесном мирке. Но главная беда в том, что ты веришь в реальность лишь тех фактов, с которыми знакома лично, из первых рук. И если бы я взял тебя с собой на Грайнау, если бы я показал тебе там что-нибудь новое, интересное, и ты бы увидела, что это новое вовсе не отвратительно, я уверен, ты преодолела бы свой страх.

— Ты ведь не собираешься заставить меня ехать, правда? — в отчаянии спросила я, чувствуя, как от этого самого страха желудок мой выворачивается наизнанку.

— Нет. Я не заставлю тебя ехать. Я никогда не буду принуждать тебя что-либо делать, Миа. Но скажу тебе, — тут Папа вдруг резко изменил тон, — что если ты поедешь, если ты отправишься со мной в этот уик-энд на Грайнау, я обещаю тебя разморозить. Как насчет этого?

Против воли я улыбнулась, но покачала головой.

— Подумай, — сказал Папа. — Надеюсь, ты изменишь свое решение.

Он ушел, и у меня осталось ощущение, что он разочарован. Меня тоже вдруг захватило чув-

ство подавленности. Я ужасно жалела себя. Вот, представляла я, ты вцепилась в свой безопасный мирок, изо всех сил стараешься удержаться, но оказывается вдруг, что это запрещено, и Папа, один за другим, отрывает твои пальцы. Это бы еще ничего, если бы он не питал надежд, что я отпущу их сама.

Не зная — зачем, я отправилась в Альфинг-Куод. Мне почему-то казалось, что там мне будут рады такой, какая я есть. Доехав в челноке до Четвертого Уровня, я пересела в поперечный челнок до Альфинг-Куода.

Первым делом я зашла в нашу старую квартиру, открыв дверь ключом, который уже давно пора было сдать. Квартира была абсолютно пустой — ни мебели, ни книжных полок, ни самих книг. Я бродила из комнаты в комнату, и все они казались мне одинаковыми. Квартира не была больше домом — вещи, делавшие ее жилой, исчезли, и она превратилась в еще один пустой уголок жизни. Очень скоро я оттуда ушла.

Выходя, я увидела в коридоре миссис Фармер. Она смотрела на меня и, несомненно, заметила в моих руках ключ, которого мне не полагалось иметь. Мы с ней никогда особенно не ладили — миссис Фармер считала долгом чести донести

Папе, если я делала то, что она никогда не позволила бы своему Питеру. Хотя иногда Папа мне это специально разрешал. Папа всегда вежливо выслушивал ее доносы, потом закрывал дверь и забывал обо всем.

Сейчас миссис Фармер смотрела на меня, но ничего не говорила.

Потом я вышла во двор Куода, и, так как там не было ни души, отправилась в Общую Залу. Странно, но я чувствовала себя чужой в этих знакомых коридорах. Мне даже захотелось пойти на цыпочках, ныряя за угол при виде встречных людей. Они ведь могли меня узнать. Я ощущала себя незваным гостем, а это совсем не похоже на чувство возвращения домой. Альфинг-Куод превратился для меня в неуютное место.

Шум, производимый ребятами в Общей Зале, я услышала еще на подходе. На минуту я задержалась — мне нужно было собраться с духом, прежде чем туда войти. Общая Зала не просто одно большое помещение. Это целый комплекс комнат: гостиная, библиотека, две комнаты для игр, учебная комната, комната для занятий музыкой, для прослушивания музыки, маленький театр и кафе. В кафе-то я и ожидала встретить своих друзей.

Кажется, это был мой день встреч с Фармерами, потому что пока я стояла у двери, она вдруг открылась, и из Залы вышел Питер Фармер. Он не принадлежал к числу симпатичных мне людей, мать держала его в ежовых рукавицах, и это накладывало отпечаток, но я не видела причин быть с ним недружелюбной.

— Привет, — поздоровалась я.

Питер удивленно уставился на меня, потом произнес:

— Что ты здесь делаешь? Моя мать так радовалась, что ты уехала… Ты подавала всем плохой пример…

Я посмотрела ему прямо в глаза и ответила:

— Как ты можешь говорить такое, Питер Фармер? Я только что встретила твою мать, она была очень мила со мной. И она, кстати, просила передать, если я тебя увижу, что тебе пора домой.

— Врешь, ты не встречалась с моей матерью!

— О, отнюдь, — бросила я и вошла в Общую Залу.

Есть четкая социальная граница между ребятами старше четырнадцати лет и теми, кто младше. Будучи полноправными гражданами, старшие имеют определенные привилегии, и они сразу же дают младшим это понять. В Общей Зале, куда

ходят и те, и другие, у старших есть свое место, у младших — свое, и, хотя между ними нет никакой существенной разницы, «взрослое» место имеет какую-то особую привлекательность, коей лишено «младшее».

Я отправилась в наш угол, где собирались мои друзья.

За одним столиком сидели Мэри Карпантье, Вени Морлок и еще несколько ребят.

— Эй, привет, Миа, — сказала Мэри, увидев меня. — Садитесь. Что ты тут делаешь?

— Решила просто нанести вам визит, посмотреть, как вы здесь живете, — ответила я, усаживаясь за столик. Конечно, я не собиралась им сообщать, как несчастлива я была в Гео-Куоде, — только не при Вени, слушающей каждое мое слово и готовой в любой момент закричать «аллилуйя!». — Привет всем!

— Ну и ну, Миа, — сказала Мэри. — Не ждала я, что ты к нам вернешься. Почему ты мне не позвонила и не сказала, что приедешь?

— Это был своего рода экспромт.

— Ну, приятно с тобой увидеться. А как тебе нравится на новом месте? — С этим полный порядок, — ответила я. — Привыкаю к обстановке. Еще не со всеми встретилась и не везде побывала.

— Ты все еще сходишь с ума, бродя по тамошним воздуховодам? — спросил один мальчик.

— Нет, до них я еще не добралась. Но скоро собираюсь.

— В какой Куод ты переехала?

— В Гео-Куод, — ответила за меня Мэри.

— Это ведь на Пятом Уровне, верно? — спросил другой мальчик.

— Да, — подтвердила я.

— А, да, — встряла Вени, — помню. Слышала я об этом Куоде. Это там, где живут всякие придурки.

— Ты же знаешь, что это не так, Вени, — самым слащавым голосом ответила я ей. — Ты же еще туда не переехала. Кстати, а почему бы тебе этого не сделать? У нас там есть местечко в третьеразрядной футбольной команде, оно тебя с нетерпением ожидает.

— Я, может, и не очень хороший игрок, — уязвленно сказала Вени, — но тебя я могу обыграть в любой день с закрытыми глазами.

— Мэри, — спросила я, — как поживает твоя семья?

— Нормально, — ответила Мэри.

— Мои родители, по крайней мере, не выбросили меня в интернат, когда были женаты, — снова

встряла в разговор Вени.

Не поворачивая головы в ее сторону, я проговорила:

— Вени, если ты еще раз хочешь заработать по носу, продолжай в том же духе… Слушай, Мэри, может, пойдем к тебе домой? Там нас никто не будет перебивать.

— Можете не уходить из-за меня, — обиделась Вени. — Я сейчас сама уйду. Воздух здесь становится довольно спертым. Ребята, вы со мной?

Она толкнула стул назад, остальные тоже поднялись, и все двинулись к выходу, прокладывая путь между столиками всех цветов радуги.

— Ну что, Мэри, пойдем теперь к тебе?

— Понимаешь, Миа, я не могу, — сказала несчастная Мэри, — мы как раз собирались пойти немного поиграть в футбол…

— Ладно, — я встала, — пойдем, поиграем. — Не думаю, что это понравится Вени…

— Что с тобой случилось? — спросила я. — С каких пор стало иметь значение, что думает Вени?

Мэри постояла, глядя на меня и наконец ответила:

— Миа, я тебя очень люблю. Но ты больше здесь не живешь, а я живу. Разве ты не понимаешь? Мне надо идти. Ты позвони мне как-нибудь,

ладно?

— Да, — тихо сказала я, следя, как она спешит вдогонку за Вени Морлок. Позвоню…

Но я знала, что не позвоню больше никогда.

И еще я поняла — только что мне оторвали очередной палец.

У меня не было здесь больше дел. Я покинула Общую Залу и отправилась обратно, в Гео-Куод. Внешне я, наверное, выглядела спокойно, но внутри у меня все кипело.

Однажды, примерно в десять лет, я была на экскурсии на Третьем Уровне и попала в заросли крапивы. Что это такое, я поняла, лишь забравшись уже слишком далеко, и у меня не осталось иного выбора, кроме как идти вперед, прямо сквозь заросли. И когда я из них выбралась, руки и ноги так страшно зудели, что я долго прыгала на одном месте, чуть не сходя с ума от огненных уколов и злости, желая любым способом прекратить эти мучения. Нечто похожее я испытывала сейчас в душе: зуд обиды, от которого невозможно избавиться сразу. И я нервничала, чувствуя себя совершенно несчастной.

Мне хотелось убраться отсюда подальше, спрятаться в каком-нибудь темном месте и отвлечься от тяжелых мыслей.

Вернувшись в нашу квартиру — туда, где стояла наша мебель, но где я все еще не чувствовала себя дома, — я разыскала кусок мела и фонарик. Такими фонариками пользуются воспитательницы в интернатах, чтобы считать детей, когда в спальнях гасят свет. Потом я снова вышла. Было два часа пополудни, и хотя я не ела уже много часов, от волнения думать о еде я не могла.

В первую попавшуюся решетку я не полезла. Немного побродив, я нашла тихий боковой коридорчик недалеко от нашей квартиры и осмотрелась. Непонятливый взрослый со своими бестолковыми расспросами был мне сейчас совсем ни к чему. Я собиралась проникнуть в коллекторы Пятого Уровня. Встав у выбранной решетки на колени, я стала ее отпирать. Решетка с обеих сторон крепилась на обычных зажимах, но их не трогали так давно, что они почти не поддавались моим пальцам. Если я буду регулярно пользоваться этой решеткой, они, конечно, никуда не денутся, разработаются, но сейчас… Я работала медленно, лихорадочное желание открыть решетку сразу куда-то исчезло, и прошло, наверное, полных пять минут, прежде чем расчетливыми движениями я сумела отпереть левый зажим. И я уже собиралась взяться за пра-

вый, когда сверху раздался чей-то голос:

— Что ты тут делаешь?

Застигнутая врасплох, я испуганно вскочила, но, еще не оборачиваясь, постаралась взять себя в руки.

Сзади стояла Зена Эндрюс.

— А ты что тут делаешь? — ответила я вопросом на вопрос.

— Я здесь живу, — показала она на дверь неподалеку. — А все-таки, что ты делаешь?

Я показала через решетку в коллектор.

— Собираюсь попасть туда.

— Ты имеешь в виду — в воздуховод?!

— Да. Почему бы и нет? Тебя пугает эта мысль?

Она ощетинилась:

— Меня ничто не пугает. Я могу делать все, что можешь ты.

Я бросила с нарочитой злостью:

— Да? Тогда пошли со мной!

Она проглотила застрявший в горле комок, затем опустилась рядом со мной на колени и посмотрела сквозь решетку, прислушиваясь к току воздуха и отдаленному гулу вентиляторов.

— Там ужасно темно.

— У меня есть фонарик, — сказала я резко. — Но он нам не особенно понадобится. Куда интерес-

нее пробежаться в темноте.

— Пробежаться?!

— Ну прогуляться.

Она снова неуверенно посмотрела сквозь решетку. Говорят, что в несчастье нужно общество, — и я просто обязана была сделать несчастным еще кого-нибудь, кроме себя самой.

— Ну, — сказала я, — если ты боишься…

Зена встала.

— Я не боюсь.

— Ладно, — согласилась я. — Тогда, будь добра, отойди в сторонку и позволь мне открыть эту решетку.

Через минуту я оттянула второй зажим и, поставив решетку на пол, показала на черную дыру.

— Давай, ты первая.

— А ты не запрешь меня там?

— Ни в коем случае, — заверила я ее. — Я полезу сразу за тобой. Лезь ногами вперед.

Зена была полненькой и в отверстие смогла протиснуться только с большим трудом. Я вручила ей мел и фонарик, затем проскользнула сама. Встав на пол воздуховода, я снова забрала у нее мел и фонарик.

— Поставь решетку на место, — велела я и, пока она это делала, нарисовала мелом на металле

метку «Х», обведя ее аккуратным кружком.

— Это для возвращения, — пояснила я.

В воздуховодах-артериях установлены нагнетающие вентиляторы, в воздуховодах-венах — всасывающие. Читая меловые пометки, которые я ставлю с учетом направления и силы ветра, я всегда могу сказать — где нахожусь, и даже в таком чужом для меня районе запросто найду дорогу домой. Система организации воздуховодов гораздо более стандартизована, чем собственно планировка Куодов. В воздуховодах я всегда ориентируюсь быстрее.

Зена поставила решетку на место, и мы двинулись вперед.

Я пошла по металлическому коридору первой. Зена неуверенно ступала следом, скользя и спотыкаясь там, где не на чем было споткнуться, кроме собственных ног. Сам воздуховод — полные шесть футов в высоту и шесть в ширину — сделан из гладкого металла. Темнота была полной, за исключением полос света, прорывавшихся сквозь редкие зарешеченные отверстия, и луча моего фонарика. Проходя мимо, я считала решетки и боковые ответвления — только так можно было определить, насколько далеко мы отошли от дома. Иногда сквозь решетки до нас доносились

звуки извне, но это был совсем другой мир, чем тот, в котором находились мы. По эту сторону решеток слышались лишь пришлепывания наших сандалий и постоянный гул вентиляторов.

Я прочла не один роман, действие которого происходило в Америке на Диком Западе лет за двести до уничтожения Земли. Условия там были такими же первобытными, как на любой из колоний-планет. Я вспомнила прочитанное о разведчиках, которые даже на незнакомой территории обладали ощущением местности, и сама испытывала сейчас похожее чувство. Движение воздуха, звуки все это помогало мне. Но Зена не понимала ничего и боялась. Ей совсем не нравилась темнота.

В тех местах, где воздуховоды соединялись, приходилось пригибаться из-за вентиляторов. Иногда туннели раздваивались под прямыми углами вниз или вверх, и это приводило нас в замешательство, особенно когда наш коридор пересекался с другим, идущим отсюда — и вниз. И неважно, что ответвление походило на капилляр и его можно было преодолеть одним хорошим прыжком…

Зена резко остановилась у первого же такого вертикального капилляра, и, чтобы она пере-

прыгнула его, пришлось мне ее подталкивать.

— Не хочу! — заявила она. — Я не умею прыгать так далеко.

— Ладно, — не стала я спорить. — Но если ты не пойдешь дальше, ты просто останешься здесь, в темноте, одна.

Тут уж Зене пришлось решиться, и оказалось, что она вполне могла перепрыгнуть коридор — к тому же, без особых усилий.

Но, должна признаться, даже я — ветеран воздуховодов — была не подготовлена к тому, что мы обнаружили дальше: перед ногами во тьме зиял провал, над головами — исчезал потолок. В луче фонарика было видно, что воздуховод продолжается и по ту сторону пропасти, на расстоянии целых шести футов, а пол обрывается вниз, и ток воздуха оттуда силен. Никогда раньше я не встречала вертикального воздуховода такого диаметра.

— Что это? — спросила Зена.

В обрывающейся стене на нашей стороне были вделаны металлические ступени. Держась за одну, я нагнулась и бросила вниз кусочек мела в тщетной попытке определить глубину. Я прислушалась, но так и не услышала ни звука.

— Он, должно быть, связывает один уровень с

другим, — предположила я. Главная линия. Держу пари, он идет прямиком до Первого Уровня!

— Как, разве ты не знаешь?!

— Нет, — призналась я. — Я же никогда тут не бывала.

Я совсем не собиралась прыгать на шесть футов и поэтому внимательно изучила скобы-ступеньки. Если сорвешься и упадешь и если воздуховод уходит вниз так глубоко, как я предполагала, конечно, от тебя только мокрое место останется. Я посветила фонариком вверх и вниз, но луч лишь чуть рассеял темноту. Вверху тоже виднелась лестница из металлических скоб. Лестница тянулась далеко за пределы моего поля зрения.

— Может быть, он и соединяется с Четвертым Уровнем там, внизу, — заметила Зена. — Но куда он ведет вверх? — Она показала на верхний канал воздуховода.

Я сама терялась в догадках. Пятый Уровень был последним, крайним, но этот воздуховод вел за его пределы. Воздушные пути не кончаются тупиками, и воздух не приходит из ниоткуда.

— Не знаю, — сказала я. — Но раз уж мы здесь, почему бы нам не посмотреть, куда он ведет?..

Подтянувшись, я поставила носок ноги в выемку в стене, ухватилась за первую ступеньку и

покачалась на ней вверх-вниз. Скоба держалась прочно. И хотя пропасть внизу меня немного беспокоила, я не боялась всерьез, пока не видела ее подлинной глубины. Однажды я прошлась по лежащей на земле балке шириной в три дюйма — прошлась по всей длине и, наверное, могла бы идти дальше хоть милю, ни разу не оступившись. Но когда балку подняли на десять футов и предложили мне попытаться снова, я отказалась сразу. Я была уверена, что не смогу этого сделать. Теперешняя ситуация чем-то походила на ту, и, чтобы не бояться, я решила не смотреть вниз.

Взявшись за следующую ступеньку, я начала подниматься. Но совершенно неожиданно Зена вдруг схватила меня за ногу.

— Эй, подожди! — сказала она и дернула меня за щиколотку.

— Осторожно, ты! — крикнула я. — Я же так сорвусь!

Я попыталась выдернуть ногу, но она не пускала.

— Спустись обратно! — взмолилась Зена.

Я неохотно спустилась. И осведомилась:

— В чем дело?

— Не можешь же ты просто так взять и…

Бросить меня здесь…

— Я тебя не оставлю, — огрызнулась я. — Лезь за мной, вот и все.

— Но я боюсь, — призналась она.

Действительно, сейчас для нее было самое лучшее время отступить, пока события не начали приобретать слишком крутой оборот.

— Ничего с тобой не случится. Нам надо карабкаться вверх, пока мы не узнаем, что там находится…

Я видела, что Зена колеблется между страхом остаться одной и страхом перед путешествием по лестнице.

— Пошли, — предложила я. — Давай, ты первая.

Если она полезет впереди, подумала я, то она не сможет больше схватить меня за ногу.

Подобравшись к началу подъема, я заставила ее шагнуть на ступеньки. Фонарик я укрепила на поясе направленным вверх, и его световой конус подсказывал нам, где и за что можно ухватиться, чтобы продолжать восхождение.

Я слышала, как Зена, карабкаясь по скобам, хнычет, издавая горлом жалобные звуки. Дабы отвлечь ее от дурных мыслей, я спросила:

— Ты что-нибудь там видишь?

Крепко вцепившись в ступеньку, она остано-

вилась, на мгновение откинула голову, потом снова опустила.

— Нет, — ответила она, — ничего.

Тебе следовало бы знать ее получше, сказала я себе. Нельзя втягивать в подобную экскурсию человека, который имеет привычку чуть что задыхаться от страха.

И вдруг, без всякого предупреждения, Зена прекратила подъем. Отреагировать я не успела и так сильно врезалась головой в ее пятки, что зашипела от боли. Конечно, подними я голову, я бы увидела, что она остановилась, но нельзя долго подниматься с откинутой назад головой, можно получить растяжение шейных мышц.

Медленно я опустилась на ступеньку ниже.

— Что у тебя стряслось? — спросила я.

— Я просто не могу идти дальше… Не могу…

Подняв голову, я посмотрела наверх. Впереди Зены ничего такого видно не было — ничего, что могло бы ее задержать. Она просто вцепилась в лестницу, прижав лицо к металлу стены, и я слышала, как дыхание с хрипом вырывается из ее горла.

— Ты на что-нибудь наткнулась?

— Нет! Я просто не могу идти дальше… — В голосе ее стояли слезы. — Я боюсь…

Я дотронулась до ее ноги. Нога дрожала и была словно каменная.

— Давай, Зена, — проговорила я мягким, но настойчивым тоном и легонько толкнула ее лодыжку. Ее нельзя было пугать.

Но она не шевельнулась.

И тут я поняла, какую сделала ошибку, пропустив ее вперед. Если Зена выпустит из рук ступеньку, я неминуемо полечу вместе с ней, как бы крепко я ни держалась. Это, конечно, избавит меня от нужды объяснять, что произошло — это было бы довольно тяжело сделать, вернись я одна, без Зены. «Ох, она упала в какой-то воздуховод!..» Такая перспектива не радовала, и я вдруг по-настоящему испугалась. Сердце забилось быстрее, по спине побежали щекочущие струйки пота.

— Не отпускай ступеньку, Зена, — осторожно произнесла я.

— Не отпущу, — сказала она. — Я не сдвинусь с места.

Отцепив от пояса фонарик, я откинулась как можно дальше, заглядывая вперед. Потребовалось бы минут двадцать, чтобы спуститься обратно, — а в ее состоянии, вероятно, и больше, — и даже если бы я заставила ее двигаться, вряд ли бы она продержалась так долго. Я вытя-

нула фонарик на всю длину руки. Примерно в сорока-пятидесяти футах над Зениной головой в стене воздуховода виднелось что-то темное. Скорее всего, там был поперечный коридор. Точно я не могла сказать, но мне хотелось на это надеяться.

— Я хочу спуститься вниз, — сказала Зена.

Но вниз спуститься мы не могли. И разумеется, нам нельзя было оставаться на месте. Впереди нас ждала неизвестность, но двигаться мы могли только туда.

— Тебе придется еще немного подняться, — сказала я.

— Я боюсь… — Зена заплакала. — Я упаду…

Теперь у меня выступил пот на лбу. Струйка, пробежав, попала на бровь. Я вытерла ее рукой.

— Не упадешь, — уверенно заявила я. — Я видела, в тридцати футах над тобой есть поперечный коридор. Тридцать футов тебе надо преодолеть, только и всего. Ты сможешь это сделать.

Зена лишь крепче прижалась лицом к стене.

— Не смогу.

— Нет, сможешь. Я тебе помогу. Закрой глаза. Вот так. Теперь подними ногу на следующую ступеньку. Только на одну ступеньку. — Я толкнула ее ногу. — Вот так. Одна ступенька. Отлично.

Теперь протяни руку вверх — нет, держи глаза закрытыми!.. Теперь — другую ногу…

Вот так — то рукой, то ногой, то наоборот — я снова заставила ее двигаться. Впервые с тех пор, как я себя помню, темнота меня угнетала. Она стала источником опасности и рождала страх. Но Зене темнота должна была казаться такой всегда.

— Осталось меньше двадцати футов, — подбодрила я ее через минуту. По-прежнему Зена загораживала мне обзор, и я могла лишь надеяться, что права. — Ты все делаешь правильно. Еще чуть-чуть, вперед, молодец…

Я продолжала ее понукать, и она медленно поднималась — ступенька за ступенькой…

Расстояние оказалось больше двадцати футов, но ненамного. Зена вдруг издала легкий вскрик — и исчезла. Посмотрев вверх по лучу прикрепленного к поясу фонарика, я увидела прямо над головой поперечный коридор.

Сидя на его полу, я переводила дух и пыталась успокоить сердце. Сердце глухо стучало, по лбу продолжал катиться пот, и теперь, когда опасность миновала, я во всех деталях представила, что могло произойти, чего мы только что благополучно избежали. Рядом беззвучно рыдала Зена.

Но уже совсем скоро полным удивления голосом она проговорила:

— Надо же, я это сделала…

Тяжело дыша открытым ртом, я сказала:

— Я же тебе говорила, ты сможешь, так ведь? А теперь вот что: нужно, чтобы ты спустилась назад.

Зена ответила на удивление решительно:

— Хоть сейчас.

— Ну, — рассудила я, — сейчас-то мы здесь и вполне можем оглядеться по сторонам. Вниз мы еще успеем.

Через пару минут мы уже брели по воздуховоду и почти сразу наткнулись на вентиляционное отверстие. Да, отверстие там было, но не было решетки, и снаружи в воздуховод не просачивалось ни лучика света, как в Альфинг- или Гео-Куодах.

Я пролезла через дыру, потом помогла Зене. И вот мы стояли в коридоре Шестого Уровня, Уровня, которого не должно было существовать.

Я посветила фонариком — вокруг было безмолвно, темно и пустынно. Из коридора исчезло все оборудование, все, что можно было убрать или унести. Остались только дырки креплений. В луче фонарика показался дверной проем. Давай посмотрим, что там? — предложила я.

Дверь отсутствовала, но ее не выламывали и не отдирали, она была аккуратно снята. В помещении царила такая же абсолютная пустота, как в коридоре, и оно поражало размерами — нигде я не видела помещения длиннее, чем это. Сравнить его можно было только со двором Куода.

Больше всего оно походило на интернат, но казалось, что кто-то, сломав стены, объединил все комнаты интерната в один огромный длинный зал. Остались только дырки в стенах на одинаковых расстояниях. Дырки располагались шеренгами.

— Что это? — спросила Зена.

— Не знаю. — Я пожала плечами.

Мы вернулись в коридор. Он был длинный и прямой, без тупиков, лестниц и неожиданных поворотов, какие можно увидеть в любом нормальном Куоде. Прямой, как струна. И это тоже было странно и ни на что не похоже.

На стене у двери я заметила аккуратно вырисованные цифры: 44-2. От дверей же по полу тянулась красная черта, которая на середине коридора резко поворачивала направо и, примкнув к четырем другим разноцветным линиям, уходила дальше в темноту.

— Давай-ка посмотрим, куда они ведут, — ска-

зала я и двинулась по коридору направо.

Было уже далеко за полдень, когда мы вернулись в Гео-Куод. Мы вылезли из воздуховода через то же отверстие, через которое забирались, как раз с правой стороны от дома Зены. Мой желудок уже давно напоминал о себе, и я чувствовала, что здорово проголодалась.

Зена на минутку заколебалась у своей двери.

— Знаешь, ты намного лучше, чем я сначала о тебе подумала, — сказала она. И затем торопливо, словно застеснявшись вдруг своего заявления, добавила: Спокойной ночи!

Домой я пришла, когда Папа как раз собирался уйти на вечер. Папа и несколько его друзей регулярно собирались вместе, чтобы построить и обсудить разные макеты — машин, животных (скелеты и все такое). Их компания встречалась по воскресным вечерам всегда, сколько я жила с Папой. У него уже набралась целая коллекция сделанных им моделей, хотя он так и не распаковал ее с тех пор, как мы переехали сюда из Альфинг-Куода.

Я не выискивала дефекты в его моделях. Папа считает, что каждый должен иметь хотя бы одно бессмысленное хобби. Просто чтобы занять себя. А у меня и своих хобби достаточно.

— Где ты была? — спросил Папа.

— А, на Шестом Уровне, — бросила я небрежно. — Что у нас есть этакого сожрать?

— На кухне есть немного окорока-четыре, если хочешь.

— Звучит хорошо, — заявила я.

Я ужасно любила окорок-4. Его делают всего в одном из нескольких мясных чанов. Некоторые находят его слишком жестким. Дичина, говорят они, но вынуждены мириться с этим, потому что окорок-4 — самая лучшая мясная культура, производимая на Корабле. Не вредно любить неизбежное.

Я направилась в кухню, за мной Папа.

— Разве Шестой Уровень перекрыт не полностью? — спросил он. — Я и не знал, что туда можно еще попасть.

— Не так уж и трудно, — ответила я, принимаясь за еду. — Только почему там все растерзано?

— Разве тебе никто никогда не говорил, почему его закрыли?

— До сегодняшнего дня я даже не знала, что он существует.

— А, — произнес Папа. — Это просто. В те времена, когда Корабль переоборудовали, жизнь на нем была весьма спартанская. С уходом ко-

лонистов у нас оказалось больше, чем нужно, пространства, но слишком мало всего остального. Пришлось кое-что снять с Третьего и Шестого Уровней и этими материалами оборудовать покомфортабельнее жилые зоны. Третий Уровень превратили по возможности в близкое подобие Земли, а Шестой закрыли совсем, за ненадобностью.

— Да, — сказала я. — Теперь понятно, что за гробницу мы повидали.

— Я-то уже и думать забыл про Шестой Уровень, — сказал Папа. — Если хочешь узнать о нем подробнее, я подскажу тебе, где найти информацию. Но сейчас мне нужно идти, а то я опоздаю.

Прежде чем он успел выйти из кухни, я окликнула его:

— Папа!

Он обернулся.

— Я передумала. Я поеду с тобой на Грайнау.

Папа улыбнулся:

— Я знал, что ты передумаешь, если дать тебе немного времени. Конечно, ты совершаешь свою долю ошибок, но здравый смысл проявляешь тоже. В этот раз, например, так оно и есть.

Папа — чуткий человек. Поэтому он не стал торжествовать. Но я уверена, он подумал, что я

изменила свое решение благодаря экскурсии на Шестой Уровень и тому, что после нее я осталась в живых. Но это не так. Поворот произошел на лестнице — бывают моменты, когда надо идти вперед, нравится тебе это или нет. И если это смогла сделать Зена Эндрюс, как бы она ни боялась, значит, могла и я. Вот и все.

— Могу я теперь считать себя размороженной? — спросила я с улыбкой. И по крайней мере наполовину всерьез. Почему-то мне было важно, чтобы Папа это подтвердил.

— Пожалуй, да. — Папа кивнул. — Пожалуй, да…

После его ухода я еще долго улыбалась, счастливая…

Все это происходило как раз в то время, когда я начала понемногу подрастать. И тогда же мне пришла вдруг в голову мысль, что раз уж я начала расти, то осталось недолго ждать, когда я больше не смогу протискиваться в воздуховоды…

Что ж, нельзя иметь все.

Подумав, я хочу заранее извиниться.

Время от времени я буду говорить ужасно невежественные вещи. К примеру, когда речь зайдет о лодках, всякий, кто когда-либо плавал под парусом, вероятно, найдет повод посмеяться и по-

качать головой над моей историей. Пожалуйста, простите меня. Я даю не техническое описание, а просто пытаюсь рассказать, что видела и что делала. И если мне требовалось ухватиться за что-нибудь, я хваталась не за «планшир», а за обыкновенный борт старой лодки. Так я это воспринимала.

Надо сказать, за неделю до отправления на Грайнау я снова упала духом. Решив ехать в воскресенье, я чувствовала бы себя не так плохо, если бы старт был назначен на понедельник, но, к несчастью, у меня оказалась впереди целая неделя, чтобы переволноваться, представляя себе всякое. В пятницу ночью, перед отлетом, я много часов пролежала без сна, не в состоянии даже задремать. Я пробовала заснуть на животе, но в голову одна за другой лезли всевозможные мрачные думы. Пробовала на боку и на спине — то же самое, никак было не отделаться от воображаемых ужасов и мыслей о том, что я могла бы делать завтра, если бы осталась на Корабле. В конце концов я уснула, но спала очень плохо.

За завтраком Папа посоветовал мне поесть поплотнее, но я не могла. Желудок не принимал.

После завтрака мы сели в челнок и поехали вниз, на Первый Уровень, и дальше — в док, в ко-

тором стояли разведкорабли, готовые забросить чертовых дураков в те места, куда они предпочли бы не попадать.

В разведдок мы прибыли за пятнадцать минут до старта на Грайнау.

— Подожди здесь, Миа, я сейчас вернусь, — сказал Папа и пошел к группе людей, стоящих у ближайшего разведкорабля.

Я осталась стоять на пороге вырубленного в скале огромного зала, чувствуя себя всеми покинутой. Папа привел меня сюда, а сам взял — и ушел. Я нервничала, мне было страшно. Если б можно было под благовидным предлогом вернуться домой и забиться в постель, я бы так и сделала. И к тому же не вставала бы с постели дня два. Если б я могла это сделать, не теряя лица!.. Но вернуться было труднее, чем идти вперед, и я шла вперед, влекомая инерцией своего воскресного решения.

В разведдоке я оказалась впервые. Поколебавшись, я огляделась. Скальный потолок дугой изгибался над длинным рядом стоящих дюзами вниз кораблей, ожидавших, когда уберут с их бортов полосы с запрещающими старт значками. Разведкорабли используются для полетов на планеты, куда нельзя садиться самим Кораблям

из-за их огромных размеров. Они доставляют в обе стороны предметы торгового обмена, на них совершаются экскурсии, выполняются дипломатические миссии (вроде нашей), они же высаживают ребят на Испытание. По сути, они словно голуби из болтающейся меж звезд голубятни. Несколько кораблей постоянно находятся в рейсах.

Чтобы отвлечься от бедного своего сердито ворчащего желудка, я сосчитала стоящие корабли. Их оказалось ровно дюжина. Корабли имели дискообразную форму с выпуклостями в центре сверху и снизу. С каждого был спущен хотя бы один трап, а всего трапов было по четыре на каждом корабле. Минуту спустя Папа вернулся в сопровождении одного из мужчин, с которыми только что разговаривал, — свирепого вида молодого гиганта. Он был на целый фут выше Папы и ужасно некрасив. Будь на то моя воля, я бы ни за что не захотела с ним встречаться.

— Это — Джордж Фахонин, — представил Папа великана. — Он будет нашим пилотом.

Я ничего не ответила, только посмотрела на него пустым взглядом. Папа слегка подтолкнул меня.

— Хелло, — поздоровалась я тихим, словно не

своим голосом.

— Хелло, — ответил гигант глубоким басистым рыком. — Твой отец говорит, что это будет твое первое путешествие за пределы Корабля. Правда? Я скосила глаза на Папу, потом, переведя взгляд на этого рослого некрасивого человека, осторожно кивнула, едва-едва наклонив голову. Он меня пугал.

— Может, ты хочешь до старта осмотреть разведкорабль? — спросил гигант. Как постоянный пилот твоего отца гарантирую, что ничего не будет упущено. Я ведь и твой пилот тоже.

Я твердо решила ответить «нет», но Папа вытолкнул меня вперед и сказал:

— Ступай, развлекайся, Миа. А мне нужно еще закончить кое-какие дела. — И он направился обратно к ожидавшим его людям.

И вот мы с этим самым монстром — Джорджем-как-там-его-зовут — поднялись по трапу на корабль. Я при этом чувствовала себя так, словно все меня предали. Мне кажется, родители иногда специально ставят своих детей в неудобное положение. Может быть, так они компенсируют свои собственные неудачи, хотя никогда в этом не признаются. Я не говорю, что Папа именно так и поступал, но в то время думать иначе у меня по-

чему-то не получалось. Моя макушка доставала лишь до груди этого Джорджа, а ноги у него были такие длинные, что, даже когда он шел медленно, один его шаг стоил двух с половиной моих. Из-за этого я все время то забегала вперед на полшага, то отставала. В другое время и при другом настроении это показалось бы мне чем-то вроде игры в пятнашки с динозавром. Но сейчас я больше всего мечтала о норе, в которую можно было бы забиться, темной, глубокой норе… Главный отсек разведкорабля располагался именно на том уровне, по которому мы шли. В круге, опоясанном перегородкой около четырех футов высотой, стояли диваны с выступающими примерно на фут закраинами, как у детской кроватки; удобные кресла, магнитные передвижные стулья и два стола. Из центра круга вверх и вниз вела винтовая лестница. По периметру корабля размещались кладовые, стеллажи, кухня, туалеты и несколько стойл с покрытым соломой полом. В одно из них как раз вели по трапу двух лошадей. — Это для твоего отца и его помощника — когда мы совершим посадку, — пояснил монстр.

Я ничего не ответила. Только оглянулась с каменным лицом.

Основывая колонии, люди брали с собой для

езды и работы лошадей: ранцы-вертолеты и тракторы не умели самовоспроизводиться. Создать на планетах-колониях даже зачатки промышленности было невозможно — времени хватало лишь на то, чтобы высадить людей и выгрузить необходимое снаряжение. И сразу же Корабль отправлялся на Землю за новым грузом и новыми колонистами. Груз включал в себя минимум машин: механизмы все равно изнашивались через несколько лет. Вместо них брали лошадей. И сейчас, совершая посадку на планете, где за последние сто семьдесят лет практически отсутствовал прогресс, мы тоже ездим верхом.

Я, конечно, в то время еще не умела ездить верхом и немного робела перед лошадьми. Когда одну из них вели мимо, она вдруг, всхрапнув, оскалила зубы, и я моментально отпрыгнула в сторону.

Тут в нескольких шагах от себя я заметила туалет. Взглянув в лицо гиганту Джорджу, я пробормотала:

— Мне нужно туда…

И, прежде чем он успел что-нибудь ответить, я оказалась внутри и заперла дверь. Сбежала — хотя бы на миг. Вовсе мне не нужно было в туалет, я просто хотела остаться одна.

Оглядев голые стены, я включила воду и вымыла руки. Прошло, наверное, минут пять, пока я не почувствовала, что дальше оставаться в маленькой пустой каморке наедине с разыгравшимися нервами становится слишком тяжело.

Я без конца воображала, что Папа уже на борту, и мне даже казалось, что я слышу его голос. Наконец я решила выйти и посмотреть, как обстоят дела. Когда я открыла дверь, Джордж стоял на том же месте и явно меня ждал.

Люди что-то грузили на корабль, лошадей запирали в стойла, а Папа был еще где-то внизу. И словно я никуда не исчезала, мой гид-великан произнес своим глуховатым басом:

— Пойдем наверх. Я покажу тебе пульт управления. У меня там есть настоящая коллекция кнопок.

Подчинившись неизбежному, я стала подниматься впереди него по винтовой лестнице, обвивающей, словно резьба, центральную опору корабля. Джордж решил держать меня под своей опекой, но у меня не было желания спорить — даже если бы я и посмела. Мы поднялись в купол-блистер, в котором прямо перед наклонной консолью с экранами обзора, датчиками и шкалами приборов размещались два вращающихся

кресла. Наклон консоли был достаточно пологим, обзор снаружи купола она не загораживала. А вообще вокруг было не очень-то просторно.

Гигант махнул лапищей в сторону пульта у основания консоли.

— Моя коллекция кнопок, — сказал он и улыбнулся. — Держу пари, ты и не догадывалась, что у меня такая есть.

Да уж, тут было столько кнопок, что можно было на несколько часов занять двухлетнего малыша. Или пилота. По-своему Джордж старался быть дружелюбным, только вот у меня не было настроения проявлять дружелюбие к эдакому огромному некрасивому мужлану. Бросив быстрый взгляд на консоль и пульт, я отвернулась и выглянула наружу.

Сквозь прозрачный купол был виден ярко освещенный каменный свод. Кольцо корпуса разведкорабля загораживало поле зрения прямо внизу, и я не могла видеть ни Папу, ни стоящих с ним людей.

— Твой отец задержится еще немного, — сказал вдруг Джордж.

Чувствуя себя словно в ловушке, я перестала высматривать Папу и обернулась.

— Садись, — предложил Джордж, и я, не сводя

с него глаз, с некоторой опаской опустилась в качнувшееся кресло.

Джордж небрежно облокотился о консоль и, помолчав, сказал:

— Я вижу, ты не хочешь со мной разговаривать. Но все равно мы должны пробыть здесь некоторое время. Давай я пока расскажу тебе одну сказку. Я сам услышал ее от матери в ночь перед Испытанием.

И он начал рассказывать мне сказку, словно не видя, что я давно уже выросла из таких вещей.

— В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король, у которого было два сына-близнеца; первые близнецы, родившиеся в этой стране. Одного из них назвали Энеган, другого — Бритовал. Один из них, конечно, был старше другого, но я не помню который и сомневаюсь, помнит ли кто-нибудь еще. Два мальчика были настолько похожи, что даже сердце их дорогой мамочки не могло отличить одного от другого, и еще прежде, чем им исполнился месяц, их так основательно перепутали, что никто уже не мог быть уверен, кого же из них как зовут. А потом люди и гадать перестали, посчитав бесполезным делом. Пошевелили мозгами — и повесили им на шеи бирки с именами Нед и Сэм.

Мальчики выросли высокими и сильными, похожими друг на друга, как две бородавки на одной жабе. Если даже в начале месяца один был выше на полдюйма, то к концу они снова становились одного роста. Они были равны в борьбе, беге, плавании, скачках, фехтовании и соревновании по плевкам. К тому времени, когда они стали совсем взрослыми людьми, имелся только один способ их различать: все соглашались, что Сэм умен, а Нед очарователен, и народ той страны так и прозвал их — Умный Сэм и Прекрасный Нед.

— Чу, — говорили жители, заслышав на дороге цокот копыт.

— Едет принц Прекрасный Нед.

Или иначе:

— Эй, смотри, вон старина Умный Сэм размышляет под раскидистым дубом. Мальчики честно заработали свои имена. Попроси Сэма произвести сложение, разобрать предложение или разгадать загадку, и он проделывал это в один миг. Нед — другое дело. Если вам нравились шарм и сердечность, вежливость и хорошее настроение, то Нед действительно был великолепным парнем, радостью для своей матушки и веселым лучиком солнца для подданных.

Сэм же, в лучшем случае, был немного суховат.

Но вот старый король, их отец, умер, и встал вопрос: кто из сыновей должен унаследовать трон, потому что королевство было маленькое, а казна пустая, и для двоих там просто не хватало ни места, ни денег.

Чтобы обсудить проблему, собрался Большой Совет Королевства. Заседал он ужасно долго, голосовал еще дольше. Сперва Совет заявил, что наследовать, конечно, должен старший сын, но оказалось, что никто во всем королевстве не может сказать, который из них старше. Затем одна сердитая душа предложила, что наследовать должен младший, и все согласились, что это будет прекрасный выход из положения, пока вдруг не обнаружили, что никто также не знает, который сын младший. Тогда решили голосовать по качествам — и тут голоса разделились поровну. Одна половина говорит: «Король должен быть умным, он должен править разумно и мудро вести дела с друзьями и врагами королевства. А любить его, в общем-то, никто не обязан». Другая половина возражает: «Нет, нужно, чтобы подданные любили короля, а соседи были о нем хорошего мнения. Для управления страной Совет всегда обеспечит его хорошими мозгами, если они вообще когда-нибудь потребуются».

И в конце концов все решили, что есть только один способ уладить это дело. Прекрасный Нед и Умный Сэм должны были отправиться в Поиск, и кто из них преуспеет в нем, тот и станет правителем королевства, заняв место своего покойного отца. Если же не преуспеет ни один, то всегда найдется какой-нибудь бедный троюродный брат, поджидающий за кулисами со шляпой в руках. В королевствах всегда имеются поблизости троюродные братья, чтобы заполнить собой пустоту на святом месте.

Поиск заключался в следующем. Якобы за много миль отсюда — такие имелись сведения — есть маленькая пещерка, в которой проживает средних размеров циклоп, а у него — огромные великолепные сокровища, такие огромные, что пустив их в оборот, можно на многие годы снять все бюджетные проблемы королевства. И тот из претендентов, который доставит сокровища домой (где им и надлежит быть), тот, к удовлетворению всех и каждого, докажет свое неоспоримое право зваться королем.

В этом месте сказку прервали. Один из трех членов экипажа просунул голову в купол и сообщил:

— Все уже на местах, Джордж. Майлс говорит,

что можно в любой момент стартовать.

— Пристегнись вон там, — показал мне Джордж и, нажав на кнопку, пристегнул себя ремнями к креслу. Тихо напевая, он небрежно ударил по какому-то переключателю и громыхнул: — Десять секунд до старта! Поберегите свои желудки!

Десять секунд спустя крепежные полосы втянулись, мы медленно провалились в стартовую трубу и вылетели из Корабля. В первый раз я покинула дом. Даже Гео-Куод казался мне сейчас на редкость родным местечком.

Как только мы вылетели из Корабля, купол мгновенно потерял прозрачность, и загорелся свет. Ощущения невесомости не возникало, переход на автономную гравитацию разведкорабля был совершен незаметно, и, значит, зря Джордж предупреждал нас о желудках. Что ж, пилотом он был умелым.

Я все еще не знала, как к нему относиться. У меня всегда возникает такая проблема, когда я впервые встречаюсь с людьми, — мне нужно постепенно к ним привыкать. Но сейчас, хоть это и по-детски звучит, я была благодарна Джорджу за сказку: он отвлекал мои мысли от Грайнау и того, что я там увижу.

Еще с минуту он нажимал свои кнопки, а затем

произнес, обращаясь ко мне:

— Ну, вот теперь у нас есть время. На чем я остановился?

— На циклопе и сокровище.

— А, — сказал он. — Итак, двое юношей отправились в путь на следующее же утро, как только взошло солнце и воздух потеплел. Сэм, как умный, набил рюкзак едой и другими припасами, на пояс повесил большой меч. Нед не взял ничего слишком, знаете ли, тяжело — и, надев на голову свою красную шапочку и посвистывая, пошел по дороге. Все королевство высыпало на улицу, чтобы их проводить. Люди махали им вслед, пока парни не скрылись за первым поворотом дороги, а затем они отправились, как благоразумные граждане, завтракать.

Сэм нагрузился так тяжело, что не мог идти быстро, как его дорогой братец, и скоро Нед скрылся из виду, и даже свист его перестал быть слышен. Умного Сэма это всерьез не обеспокоило, он был уверен, что подготовленность и предусмотрительность помогут в конечном счете больше, чем быстрая ходьба. Когда Нед захочет кушать, голод умерит его прыть.

Но, идя целый день и целую ночь, Сэм так и не догнал своего брата. Зато ему повстречался

самый тощий человек, которого он когда-либо видел. Тот сидел у огромной кучи костей.

— Здравствуйте, — сказал Сэм. — Я ищу циклопа, который живет в пещере и владеет сокровищами. Вы не знаете, где его можно найти?

Услыхав этот вопрос, человек разразился слезами.

— Что у вас за беда? — вежливо спросил Сэм, хотя терпеть не мог плачущих людей.

— День или два назад, — сказал тощий человек, — один молодой парень остановился возле меня и задал точно такой же вопрос. И он не принес мне ничего, кроме несчастья! У меня было стадо великолепных овец, и я как раз жарил себе одну на обед. Этот парень был так мил, так симпатичен, что я пригласил его отобедать со мной. После первого барана он был все еще голоден, и я зарезал другого, потом еще одного и еще… Он так меня очаровал, так благодарил, что только когда он ушел, я заметил, что он съел всех моих овец до единой. Теперь у меня совсем ничего нет. И я сам начинаю голодать.

— Если вы скажете мне, где живет циклоп, — предложил Сэм, — я дам вам немного пищи, которая у меня с собой.

— Дайте мне немного вашей пищи, — согла-

сился человек, — и я скажу вам то же, что сказал тому молодому парню.

Сэм дал ему еды, и когда человек поел, он сказал:

— Дело в том, что я не знаю. Я не имею к циклопам никакого отношения. Я просто пасу овец…

С несколько полегчавшим рюкзаком за плечами Сэм двинулся дальше по дороге. Он шел долго, день и ночь, но опять не догнал брата. Затем он вышел к небольшому замку, в котором жила одна принцесса — ну, может, и не принцесса (как считали некоторые), но поскольку она жила там одна, некому было утверждать обратное. Именно так и зарождаются королевские династии. Этот маленький замок осаждал очень грубый и волосатый великан. Будучи воспитанным и галантным, Сэм выхватил меч и убил великана, отрубив ему косматую голову. Принцесса, а она была очень и очень хорошенькая, вышла из замка, чтобы поблагодарить.

— Весьма мило с вашей стороны, что вы меня спасли, — сказала она, — но только у этого великана, — и она пнула огромную отрубленную голову носком своей изящной туфельки, — есть еще семь братьев, и все они теперь тоже станут осаждать мой замок. А это происшествие, несо-

мненно, их только рассердит. Раньше у меня был амулет, с помощью которого я защищала свою землю от подобных тварей, но, увы, у меня его больше нет. На прошлой неделе по дороге, насвистывая, пришел ко мне один юноша в красной шапочке. Он искал циклопа. И он был столь мил и очарователен, что я отдала ему свой амулет, дабы защитить его и уберечь от опасностей. И с тех пор страшные великаны постоянно атакуют мой замок.

— А почему бы вам не переехать отсюда? — предложил Сэм. — Там, где живу я, нет никаких великанов. Есть, правда, парочка драконов, но это не беда, зато имеются несколько весьма симпатичных замков, которые ждут не дождутся, когда их кто-нибудь купит.

Да, это отличное предложение, сказала принцесса, она обязательно воспользуется советом.

— Кстати, — осведомился Сэм, — вы случайно не знаете, где я могу найти циклопа, о котором вы только что говорили?

— Конечно, знаю, — ответила принцесса. — Это совсем недалеко. Чувствуете запах? Вам нужно будет идти по нему три дня и три ночи — и будете там.

Сэм поблагодарил ее, убил второго великана,

явившегося разыскивать своего брата, и пошел своей дорогой. Он шел, никуда не сворачивая, три дня и три ночи, пока носом, по запаху, не определил наконец, что пришел к пещере циклопа. Сэм вежливо постучал, и гигант выбрался наружу. Пещера, пожалуй, была немного тесновата для такой огромной, покрытой шерстью туши. У циклопа было три ярко-красных глаза и два гигантских желтых клыка. Но, несмотря на внешность, Сэм решил, что циклоп выглядит довольно мирно.

Он вынул свой меч.

— Извините, но я пришел за вашим сокровищем, — сказал Сэм.

— О, если ты сможешь загадать мне загадку, которую я не смогу отгадать, ответил циклоп, — тогда я отдам тебе все, что у меня есть. Но если я отвечу на нее, я хочу получить твои деньги и вообще все, что есть у тебя.

Сэм согласился. Всем известно, что циклопы обычно умом не блещут, а Сэм знал несколько на самом деле трудных загадок. Он подумал, выбирая, и наконец спросил:

— Что есть то, чего нет и никогда не будет?

Циклоп поворочал загадку в голове, потом сел и задумался по-настоящему. Целых три дня и три

ночи циклоп и Сэм сидели рядом на земле, и никому это не казалось странным — просто потому, что поблизости никого не было. Циклоп, один за другим, назвал дюжину ответов, но каждый раз Сэм вежливо повторял:

— Мне очень жаль, но это не так.

В конце концов циклоп сказал:

— Все, я сдаюсь. Ты победил. Но не говори мне ответ, напиши на листочке бумаги. Я смогу еще подумать над загадкой, когда ты уйдешь.

Сэм написал ответ на листочке и отдал его циклопу. Потом он сказал:

— Могу ли я теперь побеспокоить вас относительно сокровищ?

— Ты честно и справедливо выиграл у меня все, что у меня есть, — ответил циклоп. — Минуточку. — Он ушел в пещеру и ровно через минуту вернулся с единственным медным фартингом.

— Сожалею, но вот это — все, что у меня есть, — сказал он.

— Вообще-то, было больше, но я все отдал одному милейшему молодому человеку, который был здесь ровно неделю назад. Когда он ушел, я вынужден был начать собирать сокровища заново, а теперь, когда ты выиграл у меня, мне придется начинать заново еще раз.

Хорошо зная своего братца, Сэм недоверчиво спросил:

— Этот молодой человек ведь не загадывал вам никакой загадки, которую вы не смогли разгадать, не так ли?

— Нет, конечно! Но он такой милый паренек, и я просто не мог позволить ему уйти с пустыми руками.

Да, это ставило перед Сэмом определенную проблему. Он победил циклопа и выиграл сокровище, но никто ведь не примет единственный медный фартинг в качестве доказательства. С минуту Сэм размышлял, а потом спросил:

— Устраивают ли вас размеры пещеры, друг мой?

— Тесновато вообще-то, — пожаловался циклоп. — Но хорошую пещеру найти трудно.

— А друзей у вас здесь много?

— Нет, — ответил циклоп. — Вот я и загадываю сам себе загадки, чтобы убить время.

— Ну, тогда как вам понравится идея поехать со мной ко мне домой? — предложил Сэм. — Когда я стану королем, то обеспечу вас прекрасной просторной пещерой и приятными соседями, а время от времени буду посылать к вам слуг с загадками. Как насчет этого?

Циклоп едва ли мог отклонить такое предложение. Он с готовностью согласился, и они вместе отправились в путь.

Подойдя к дому, Сэм понял, что в королевстве праздник. Он обратился к своему другу-циклопу:

— Не хотите ли вы попасть на пир?

— О, великолепно! — ответил циклоп. — Я уверен, что пир мне обязательно понравится, хоть я ни разу еще не был ни на одном пиру.

— Тогда я сейчас войду во дворец, а через минуту позову вас…

Во дворце Сэм обнаружил, что там в разгаре двойной праздник. Его брат Нед уже почти короновался и почти женился на прекрасной принцессе, которую Сэм отправил к себе домой. Он подумал, что это-то было бы хуже всего.

— Остановите свадьбу, — потребовал Сэм. Все вокруг замерли и уставились на него. Сэм сказал: — Я преуспел в Поиске и заявляю свое право быть королем!

Все вокруг засмеялись:

— Прекрасный Нед принес сокровище циклопа. А что принес ты?

Сэм показал свой единственный медный фартинг.

— Я принес вот это, — сказал он, и все снова

рассмеялись.

— Но со мной есть еще кое-кто, — добавил он и распахнул двери. Вошел циклоп, предвкушая обещанный пир.

Сэм объявил циклопу, что пир начнется в ту же минуту, как он станет королем. И поскольку циклоп загородил единственную дверь, королем Сэм стал без всяких проволочек.

А затем он устроил циклопа в самой, что ни на есть, великолепной пещере, а когда соседи обнаружили, что он вовсе даже не плохой парень, все стало просто отлично. Циклоп, словно мед мух, приманивал туристов и приносил приличный постоянный доход. Сэм открыл школу шарма со своим братцем во главе, и это принесло еще больше денег. Сам Сэм женился на принцессе, и все зажили счастливо. Если они никуда не переехали (а я не знаю, зачем бы им это делать), то они до сих пор живут в тех местах.

Ах да, циклопу потребовалось почти десять лет, чтобы понять, что он не сможет разгадать загадку Сэма. Каждую неделю он собирал придуманные ответы и отсылал их Сэму, но Сэм так же регулярно отсылал их обратно. Наконец циклоп решил, что никогда не найдет правильного ответа на вопрос: «Что есть то, чего нет и никогда не будет?»

Он развернул бумажку, так давно данную ему Сэмом, и посмотрел. Ответ гласил: «Гнездо мыши в ухе у кошки». (И это, дружок, единственный, настоящий, истинный ответ.) — Вот дьявольщина! — воскликнул циклоп. — Я уже совсем было догадался!

— Тут есть также и мораль, — добавил Джордж. — Мать объяснила ее мне, а я объясню тебе: если ты умен, если ты используешь свою голову по назначению, то ты никогда не зайдешь слишком далеко не в ту сторону. Только помни это всегда, и ты преодолеешь все.

Он замолчал, и в этот момент мы достигли атмосферы Грайнау. Джордж сразу занялся своими кнопками, а я подумала вдруг, что уже не испытываю к нему прежней неприязни.

Как я догадывалась, вход в атмосферу планеты был делом хитрым, но Джордж особой озабоченности не показывал. Главная проблема заключалась в том же, что и при отлете с Корабля: нужно было установить равновесие между гравитационными полями так, чтобы люди на борту не расплющились об пол или, наоборот, не оказались бы вдруг в состоянии невесомости. Кроме того, пилот должен был доставить нас именно в ту точку поверхности, куда мы направ-

лялись, и как он это делал, я сказать не могу. Джордж пользовался приборами, но для меня их показания ничего не значили. Он же, благодаря какому-то особому дару, понимал их прекрасно.

Джордж включил экраны обзора, но на них ничего не было видно, кроме волнистой серой пустыни внизу. Купол над нашими головами становился все прозрачнее; внутреннее освещение тускнело по мере увеличения потока света снаружи.

Пока мы спускались, я смотрела сквозь купол. Неприятные ощущения скрашивались любопытством, и я, привстав с кресла, напряженно оглядывалась вокруг. Зрелище, надо сказать, было не особенно ободряющим. Повсюду простиралась волнистая серо-белая пелена. На вид она выглядела мягкой и упругой; но оранжевое солнце, повисшее впереди низко над горизонтом и, по мере нашего снижения, поднимавшееся все выше, освещало ее ровным мрачноватым светом. Это было первое солнце, которое я видела с близкого расстояния, и оно мне не нравилось. Автоматический поляризатор купола плавно уменьшил его яркость, пока сверкающий диск не перестал резать глаза, но все равно красноватый свет был неприятен. Обзорные экраны показыва-

ли все ту же упругую атмосферную белизну.

— Так и выглядят все планеты? — спросила я.

— Это облака. Планета внизу, под ними. Похоже на сахарную пудру, а под ней булочка, — сказал Джордж и засмеялся.

Он протянул руку, чтобы передвинуть тот самый рычажок, который уже двигал перед стартом, и увидел, что он и так включен. Джордж нахмурился на секунду, а затем объявил людям снизу:

— Посадка через десять минут.

Он ударил по переключателю, и тот дернулся вверх.

— Пойду вниз, — сказала я.

— Ладно, — ответил Джордж. — Увидимся позже.

Он снова переключился на управление кораблем. Мы вдруг скользнули в молочные облака и мгновенно словно растворились в этой тошнотворной массе.

В куполе понемногу начал загораться свет, компенсируя всепоглощающую серость снаружи. Заблудиться в этой мерзости — это было самым страшным, что я могла себе вообразить, и мне расхотелось смотреть по сторонам. Я спустилась по винтовой лестнице в теплый уют нижнего от-

секa и поискала глазами Папу. Он сидел в одном из кресел в центре помещения. Мистер Табмен, Папин помощник, следил за тем, как седлали лошадей. Люди сновали вокруг, завершая последние приготовления, в которых всегда возникает нужда за несколько минут до того, как будет слишком поздно. Папа держал в руках книгу и совершенно спокойно читал — как всегда, он игнорировал суету.

Я уселась рядом в коричневое кресло и стала ждать, когда он поднимет от книги глаза.

— Привет, Миа, — сказал наконец Папа. — Мы уже почти на месте. Как твои дела?

— Нормально. — Мне не хотелось говорить, что я очень нервничаю.

— А как ты поладила с Джорджем?

Я пожала плечами.

— Нормально.

— Я попросил его присмотреть за тобой сегодня, пока я буду занят делами. Он покажет тебе достопримечательности города. Он уже бывал здесь раньше.

— Ты будешь занят весь день?

— Думаю, да. Если закончу до темноты, то найду вас обоих.

Пришлось мне довольствоваться этим. Не-

сколько минут спустя мы мягко коснулись поверхности планеты.

Гравитация на Грайнау была больше, чем на Корабле, — это первое, что я обнаружила сразу после посадки. Поднявшись с кресла, я почувствовала добавочный вес — появились напряжение в лодыжках и боль в мышцах. Придется привыкнуть.

Джордж спустился вниз и подошел к нам. Папа сразу поднялся с кресла. — Ну, Джордж, ты готов? — Папа явно имел в виду меня.

Джордж, возвышаясь над нами, как башня, кивнул, и Папа сказал вдруг: — Это была весьма занятная история, Джордж. В тебе есть таланты, о которых я и не догадывался.

— Какая история? — спросила я.

— Сказка, которую Джордж только что тебе рассказал. Динамик был включен с момента старта с Корабля, — пояснил Папа.

Джордж усмехнулся:

— Я заметил это только сейчас.

— Это была прекрасная сказка, — повторил Папа.

Сильно смутившись, я покраснела.

— О, нет…

Слушать сказки — одно дело, но чтобы об этом

знали все остальные — совсем другое. Это стыдно…

В моем-то возрасте.

Я бросила на Джорджа испепеляющий взгляд и побежала в убежище. В туалет. Я не хотела, чтобы кто-нибудь видел меня сейчас.

Но Папа поймал меня раньше, чем я успела скрыться за перегородкой. Крепко схватив за руку, он заставил меня остановиться.

— Постой-ка, Миа, — сказал он.

Я попыталась вырваться.

— Пусти!

— Не устраивай сцен!

— Пусти меня! Я не хочу здесь оставаться!

— Ну-ка, успокойся! — резко сказал Папа. — Я жалею, что допустил ошибку сказал тебе, что все слышал. Но Джордж сделал это не нарочно. И мне в самом деле понравилась его сказка. А ведь я в шесть раз старше тебя. — Не в этом дело, — сказала я.

— Может, ты и права, но сейчас это не имеет значения. Сейчас пора выходить из корабля, и ты должна взять себя в руки и выйти вместе со мной. Мы сейчас встретимся с колонистами, и я не хочу, чтобы мне пришлось за тебя краснеть. Ты же сама не захочешь показать себя с худшей

стороны, не так ли?

Я покачала головой.

— Вот и хорошо, — сказал Папа и выпустил мою руку. — Ты уж постарайся.

Отвернувшись, я поправила блузку, подтянула шорты и, вроде бы чуть успокоившись, огляделась.

Трап находился в противоположной стороне корабля, и я слышала шум, доносившийся снаружи. Кричали люди.

— Пошли, — скомандовал Папа, и мы двинулись через центральный отсек. Проходя мимо Джорджа, я кинула на него взгляд еще убийственней первого, но он, сделав вид, что не заметил, зашагал следом за нами.

На мгновение мы остановились на верхней ступеньке трапа, и это было воспринято как сигнал — оркестр заиграл приветственный марш, а люди заорали еще громче.

Лошадей уже вывели наружу, их придерживал за уздцы мистер Табмен. Рядом с ним стоял официального вида мужчина в высокой шляпе с огромным поникшим белым пером. В другое время этот тип показался бы мне забавным.

С ним было двое детей, мальчик и девочка, примерно моего возраста.

Должно быть, мы совершили посадку на главную площадь этого городка. Со всех сторон нас окружали глазеющие и орущие толпы народа, и я чувствовала себя словно экспонат на выставке. Небо казалось серым и низким, а желтые кирпичи, которыми была вымощена площадь, отсвечивали, точно мокрые. Дул теплый, влажный бриз. Оркестр находился прямо перед нами, все музыканты были одеты в темно-зеленую форму. Они играли с энтузиазмом — то есть громко, но плохо.

Оглядывая все это, я закрутила головой, но Папа вдруг подхватил меня под руку.

— Пошли, поглазеть можно будет позже.

Мы спустились по трапу, и толпа на площади завопила громче некуда. Я нервничала. Мне вообще никогда не нравилось, чтобы кто-нибудь рядом орал, тем более — столько народу, но сейчас это приводило меня в еще большее замешательство, потому что по их воплям невозможно было понять, насколько дружественно они настроены. Оркестр среди криков был почти не слышен, старания музыкантов привносили лишь малую долю в общую какофонию.

Папа и официального вида человек пожали друг другу руки.

— Приятно снова увидеть вас, мистер Дженнаро, — сказал Папа.

Тот ответил:

— Вы удачно выбрали время, мистер Хаверо. Дождь здесь кончился меньше часа назад. Правда, я не могу гарантировать, что он не начнется вновь… Папа слегка подтолкнул меня вперед.

— Это моя дочь, Миа. С мистером Табменом и Джорджем Фахониным, моим пилотом, вы, кажется, уже встречались.

Пожимая руку, я постаралась хорошенько разглядеть этого Дженнаро. У него были подобострастные манеры, к которым я не знала, как отнестись, а по Папиным интонациям и лицу — как обычно — ничего нельзя было понять. Дженнаро показал на мальчика и девочку.

— А это — мои дети, Ральф и Хельга. Когда вы сообщили, что привезете дочь, я подумал, что ей будет приятно встретиться с ребятами ее возраста. — Он словно включил на время улыбку, а потом снова ее выключил.

Мальчик с грязно-белыми волосами был лишь чуть повыше меня, но куда более плотного сложения. Девочка тоже была коренастой, но примерно моего роста. Оба они поздоровались без излишней приветливости, и я последовала их примеру.

— Неплохо придумано, — сказал Папа мистеру Дженнаро.

— Рад служить, рад служить. Все ради добрых отношений… Ха-ха… Так сказать…

Народ и оркестр продолжали шуметь.

— Поехали? — предложил Папа.

— О, да! — воскликнул мистер Дженнаро. — Дети, следите за своими манерами. — Он строго посмотрел на Ральфа и Хельгу.

Мне Папа ничего не сказал, только бросил на меня острый взгляд.

Мистер Дженнаро влез на свою лошадь, Папа и мистер Табмен — на своих. Оркестр, не переставая играть, отступил на несколько шагов, чтобы они могли проехать, и, зацокав копытами, лошади поскакали прочь с площади. Оркестр, по-прежнему играя громко и фальшиво, последовал за ними вместе с доброй частью толпы.

— Почему они так встречают Папу?.. — спросила я.

— Твой отец — знаменитость, — иронически громыхнул стоящий позади Джордж Фахонин.

Я вовсе не собиралась с ним разговаривать. Просто неосторожно подумала вслух. Но это напомнило мне, что я твердо решила никогда больше с ним не общаться. Пожав плечами, я

отодвинулась в сторону.

Оставшаяся часть толпы подтянулась поближе к кораблю, желая, наверное, разглядеть нас получше. Джордж посмотрел на них без особого удовольствия. Ему словно бы хотелось шуганути их отсюда.

— Подожди здесь, — сказал он мне. — Я сейчас вернусь.

Он поднялся по трапу, туда, где, с интересом разглядывая собравшихся людей, стояли три члена экипажа. Они что-то сказали Джорджу и засмеялись, но Джордж не засмеялся в ответ. Он раздраженно помотал головой и отправил их внутрь корабля.

— Что будем делать? — обратился тот мальчик, Ральф, к своей сестре, и я повернулась к ним.

На Корабле такая большая продолжительность жизни и, наоборот, маленькая плотность населения, что почти невозможно встретить брата и сестру, у которых разница в возрасте была бы меньше двадцати лет. Такие погодки, как эти двое, на Корабле большая редкость. А все мои знакомые ребята — единственные дети у своих родителей.

Эти брат и сестра ничем не походили друг на друга, за исключением телосложения. В книгах

наоборот: либо дети — копии друг друга, либо они — вылитый какой-нибудь дядя Макс, который давным-давно пропал, но зато владеет всеми семейными деньгами. У Хельги были темные волосы, правда чуть светлее моих, но гораздо длиннее. Уложенные в прическу с помощью гребешков, они спадали на Хельгины плечи, затянутые в платье с кокеткой. Ее брат носил длинные штаны, вроде тех, которые Папа надел сегодня, и простую рубашку. Они явно принарядились для торжественной встречи, и это придавало им немного скованный вид. Наверное, я для них выглядела так же странно, как и они для меня. Я была невысокой темноволосой девчонкой с короткой стрижкой, одетой в свою обычную белую блузку со свободными рукавами, синие шорты и сандалии на толстой подошве. В этой одежде я чувствовала себя удобно почти в любой компании на Корабле. Я не оделась бы так для игры в футбол — тут нужно что-нибудь менее официальное, да и обувь должна быть покрепче. Но сейчас я считала, что выгляжу вполне опрятно и презентабельно. Хотя, после блеска этих темно-зеленых мундиров, в глазах этих ребят моей одежде могло не доставать элегантности.

Мы долго и пристально смотрели друг на друга;

затем мальчик спросил, отойдя чуть в сторону:

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать, — ответила я.

— Мне — четырнадцать, — сказал он. — А ей двенадцать.

— Папа велел нам показать тебе наши достопримечательности, — сказала Хельга, пуская пробный шар. Я глубоко вздохнула и произнесла только:

— Ладно…

— А как насчет него? — спросила Хельга, показывая на трап, где на самом верху спиной к нам стоял Джордж. — Он же велел тебе ждать его здесь. — Он должен за мной присматривать, но меня-то это ни к чему не обязывает… — Я усмехнулась. — Давайте смоемся, пока он не вернулся?

— Пошли, — сразу согласился Ральф.

Он побежал вдоль высокого борта разведкорабля — совсем в другую сторону, чем та, в которой скрылись Папа и его собственный отец. Мы с Хельгой последовали за ним. Джордж, заметив, что я убегаю, что-то крикнул, но я, естественно, и не думала останавливаться. Будь я проклята, если стану обращать на него хоть какое-то внимание.

Ральф слегка наклонился и шлепнул ладонью по нижней выпуклости корабля может, для того,

чтобы продемонстрировать свою смелость, а после всем об этом рассказывать, а может — просто так. Пробежав под всем кораблем, мы вынырнули с другой стороны. Тут тоже было немало народу, но меньше, чем с той, где был спущен трап, — скорее всего, потому, что с этой стороны нельзя было поглазеть на нас, людей с Корабля. Мы промчались сквозь толпу, не обращая внимания на окрики и удивленные взгляды этих плотно сбитых аборигенов, и завернули за первый попавшийся угол какого-то здания. Я казалась себе ужасно смелой, как будто отважилась на великое приключение.

Мы несколько раз быстро свернули с одной улицы на другую, и если Джордж нас преследовал, то теперь он наверняка отстал. К этому времени я окончательно потеряла представление о том, где нахожусь. Мы стояли на улице, как близнец похожей на любую из тех, по которым мы только что пробегали, мощенной круглыми камнями и шириной примерно с большой коридор на нашем Корабле. Дома из дерева и камня, некоторые — из кирпича, располагались по обеим ее сторонам.

— Подождите! — попросила я. — Не могу я больше бежать…

Я задыхалась, ноги гудели. Бег здесь требовал

гораздо больших усилий, чем дома. И я нисколько не сомневалась, что если упаду, это будет намного больнее. Грайнау была планетой, про которую говорили: «Она на девяносто процентов такая же, как Земля». Но в остальные десять процентов умещалось довольно много всяких странностей и неудобств, повышенная гравитация, например. Ее одной хватило мне, чтобы почти сразу же устать.

— Что случилось? — спросил Ральф.

— Я устала. Давайте просто пройдемся.

Они обменялись взглядами, потом Ральф согласно кивнул:

— Ладно.

Дышать было немного трудновато, воздух казался густым, теплым и влажным. Как прогулка в парилку — и так же приятно…

— Тут у вас всегда такой воздух? — спросила я.

— Какой такой? — В голосе Хельги послышалась едва заметная нотка угрозы.

— Густой…

И вонючий к тому же, могла бы добавить я. Воздух действительно был насыщен всевозможными незнакомыми мне запахами, но я сочла за лучшее промолчать. Говорят, что на планетах воздух «свежий». Не знаю. Но воздух Грайнау мне

не понравился.

— Просто сегодня сыро, — сказал Ральф. — Но скоро посвежеет, поднимается ветер.

В начале знакомства мы, все трое, немного побаивались друг друга. Но Ральф и Хельга быстро поняли, как глуп был их страх, и скоро, когда они забывали за собой следить, в их поведении стало проскальзывать пришедшее на смену страху пренебрежение. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, в чем дело: постоянно обмениваясь многозначительными взглядами, они явно считали дурацким почти все, что я говорила.

Я и в самом деле ничего не знала. Не знала, например, сколько сейчас времени. И едва я заикнулась, что, по моим понятиям, сейчас еще утро, как они мигом недоуменно обернулись ко мне. Оказалось, что здесь уже вторая половина дня, а то, что я завтракала перед самым стартом с Корабля, не имело никакого значения.

Показав на одно из зданий, я спросила, что это такое.

— Это магазин. Ты что, никогда не видела магазина?!

— Не видела. Я о них только читала. У нас на Корабле такое маленькое общество, что нет смыс-

ла торговать. Если что-нибудь нужно, ты просто предъявляешь требование, и тебе доставляют эту вещь. Можешь жить скромно, можешь — роскошно, как тебе нравится, но есть предел тому, сколько вещей помещается в одну квартиру. Некоторые живут вплотную у этого предела, но в обществе, где каждый может иметь почти все, что захочет, нет никакого престижа в обладании бесполезными вещами. Поэтому большинство у нас живет просто. А можно мне посмотреть магазин?

— Конечно, — пожал плечами Ральф.

Это был магазин одежды, и большая ее часть, на мой взгляд, выглядела странно. Назначения некоторых вещей я просто не поняла.

К Ральфу подошел человек, заправлявший этой лавочкой. Громким шепотом он поинтересовался:

— Чего это он так вырядился?

— Это девочка, — точно таким же шепотом, который, наверное, был слышен на милю вокруг, сказала Хельга. — У нее нет ничего лучшего.

Уши у меня покраснели, но, притворившись глухой от рождения, я продолжала рассматривать вешалки с платьем.

— Она с Корабля, — добавил Ральф. — Они там

одежды вообще не носят. Она думала, что мы ходим в таком же барахле, которое на ней.

Мужчина осклабился, плюнул мне под ноги и демонстративно отвернулся. Он явно хотел меня оскорбить. Зачем? Я не понимала. Неужели дело было только в том, что я не одевалась в те ужасные вещи, которые он продавал? Когда мы выходили из магазина, хозяин пробурчал что-то насчет «хапуг». Я опять не поняла, а Ральф с Хельгой сделали вид, что ничего не слышали. Может быть, они и не притворялись, но спрашивать у них я не стала.

Свернув за угол, мы стали спускаться по улице вниз. И тут я резко остановилась.

— Что это? — спросила я.

— Где?

Я показала на мертвенно-серую равнину с белой каймой, в которую упиралась улица у подножия холма.

— Это вода?

Они опять переглянулись, а затем тоном «уж это-то любой болван знает» Ральф ответил:

— Это океан.

Океан я хотела увидеть давно. На Корабле они встречаются даже реже, чем магазины.

— Можно мне посмотреть?

— Конечно, — сказал Ральф. — Почему нет?

Первым делом я увидела каменный пирс и тянувшиеся по обеим сторонам склады. Гавань ограничивалась двумя огромными молами-руками, охватывающими широкое водное пространство. Из молов, словно пальцы, торчали деревянные пирсы на сваях, возле которых покачивались на волнах суда всех размеров. Ближе к нам располагались многомачтовые великаны, настолько большие, что они несли на себе лодки поменьше, и повсюду болтались привязанные к пирсам совсем маленькие лодчонки.

Даже внутри гавани вода гуляла горками с белыми гребешками и громко хлопала по камням и дереву пристаней. Кругом летали птицы: белые, черные, серые, коричневые. Некоторые кружились в воздухе, некоторые ныряли в воду. В воздухе сильно пахло, я думаю, рыбой.

Но за акваторией порта вода катилась целыми валами, по сравнению с которыми волны в гавани казались пигмеями. Океан тянулся до самого горизонта, сливаясь где-то там вдали с серым небом.

Мне хотелось задать им кучу вопросов — о запахах, о работающих в порту людях, — но спрашивать нужно было осторожно, чтобы не

вызвать обидный смех. К этому времени я поубавила свою непосредственность и уже не видела в Ральфе и Хельге союзников, как раньше, когда мы убегали от Джорджа.

Пройдя по молу, мы остановились у одного из деревянных причалов. Ральф присел на маленький мостик и показал на привязанное суденышко. Оно было примерно двенадцати футов длиной, с высокой, торчащей над пирсом мачтой. Суденышко было выкрашено в приятный белый цвет с черными полосами, а на носу у него красовалось странное название: «Гуакамоль».

— Как она тебе нравится? — спросил Ральф.

— Очень милый кораблик, — вежливо ответила я.

— Это не кораблик. Это лодка, парусный ялик. Он наш — Хельги и мой. Мы часто на нем плаваем. Хочешь поплавать под парусом?

Хельга посмотрела на брата, явно довольная.

— Ой, а мы можем это сделать?

— Если она поедет с нами, — сказал Ральф. — Ей решать. Иначе нам придется остаться с ней, как велел отец.

— Ой, поплыли! — Хельга повернулась ко мне.

Я посмотрела вниз — вода выглядела страшной, лодка маленькой. Никуда мне не хотелось

плыть…

— Мы только по гавани… — уговаривающе сказала Хельга.

— Это не опасно, — добавил Ральф, посмотрев на меня оценивающим взглядом.

Допустить, чтобы он подумал, будто я боюсь, было невозможно, и минуту спустя, пожав плечами, я начала спускаться с пирса по деревянной лестнице. Пожалуй, в последнее время я видела больше лестниц, чем мне того хотелось. Суденышко поднималось и падало на разбивающихся о пирс волнах.

Дождавшись, когда корму лодки подкинуло в очередной раз, я перепрыгнула через борт, оступилась, но, чудом удержавшись на ногах, осторожно пробралась, помогая себе руками, до мачты и плюхнулась там на поперечное сиденье. Следом в лодку спрыгнула Хельга, а за ней Ральф.

Я моргнула — брызги воды попали мне на щеку.

— Мы что, вымокнем? — спросила я.

Они не расслышали, и я переспросила погромче.

— Это просто пена, — ответила Хельга. — Ничего страшного. Мы не промокнем.

— А кстати, — добавил Ральф, — если ты и вымокнешь, это будет хорошо. Вода тебя отмоет. Я знаю, вы там, на своем Корабле, воды почти и не видите.

Вот это меня в них и раздражало. У них было множество каких-то извращенных представлений о жизни на Корабле, и они ими настойчиво щеголяли. Особенно Ральф, он был догматиком и действительно верил в то, что говорил. Например, он считал, что мы ходим голыми всегда и везде. Да, действительно, некоторые люди ходят голыми в уединении собственной квартиры, но хотела бы я посмотреть на того, кто решил бы поиграть голым в футбол. Но суть в другом: хотя Ральф был не прав, он и слышать не хотел об этом. Он преспокойно высказывал свои бредовые представления и ждал, когда ты с ним согласишься.

Он заявил и еще одну вещь. Плохо, сказал он, что люди на Корабле вынуждены жить в переполненных тесных клетушках, — и разве мне не больше по душе здешний вольный простор? Я попыталась объяснить ему, что «клетушки» были давно, сейчас теснота забыта, но потом, желая быть до конца честной, допустила ошибку, упомянув об интернатах. Там-то действительно тесно. Но так я только запутала вопрос, и в

конце концов Ральф отмахнулся — всем, мол, известно, какая у вас гнусная жизнь, и нечего оправдываться.

Хельга была более терпимой. Она только задавала вопросы.

— А правда, что вы не едите пищи на вашем Корабле?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, говорят, что вы не выращиваете пищу, как мы, а едите землю и всякую гадость?

— Нет, конечно, — отвечала я.

— А правда, что вы убиваете детей, которые рождаются с уродствами?

— А разве вы так делаете?

— Мы нет, но все говорят, что так делаете вы.

Ральф действительно меня обидел своим замечанием «Вода тебя отмоет». На Корабле сохранилась очень ясная память о том, какими грязными были колонисты и как дурно они пахли. Сам же Ральф явно не замечал неприятных запахов, наполнявших воздух в порту. Не иначе, у него был какой-то дефект обоняния. Но больше всего мне не нравился безапелляционный тон, которым он все это говорил.

Я следила, как Ральф и Хельга установили парус, отвязали лодку от пирса, потом Ральф взялся

за небольшой румпель, потянул за канат утлегера — и бриз наполнил парус звучным хлопком.

Мы отчалили от правого мола, ветер дул в спину. Впереди пролегла вся акватория порта. Меня раздражали удары волн и брызги, серый день наводил тоску, но почему-то мне подумалось, что будь погода получше, а у меня — время привыкнуть к этой планете, плавание получилось бы куда приятнее.

Но, к сожалению, я не могла не вспоминать, что у себя, на Третьем Уровне, мы управляем погодой гораздо лучше, чем они здесь. Если планируется дождь, все заранее знают, когда он пойдет. Поворот рубильника — и дождь льется, пока его не выключат. И никому не приходится дышать таким вот неимоверно влажным воздухом.

Мы плыли, и Хельга, желая, видимо, выказать дружелюбие, начала разговор.

— У тебя есть братья или сестры? — спросила она.

— Нет, — ответила я. — По-моему, нет. Я никогда о них не слышала.

— Как, разве ты не знала бы о них? Может, у тебя есть сводные?

— Точно не знаю, но мне о них никто не говорил. Мои родители поженились так давно, что

если бы у меня и был брат, он давно был бы взрослым. Или даже умер бы.

Может показаться странным, но меня никогда не занимал этот вопрос. Я вообще не думала о братьях и сестрах. Это было интересное наблюдение, но тогда я не приняла его во внимание, хотя стоило бы.

Хельга посмотрела на меня озадаченно.

— Поженились? Я думала, вы вообще не женитесь, как люди. Я думала, вы живете с кем хотите…

— Мои родители, — сказала я с достоинством, — женаты уже больше пятидесяти лет. Земных лет.

— Пятьдесят лет?! Не может быть! Я же только что видела твоего отца, он на вид младше моего…

— А сколько лет твоему папе?

— Сейчас скажу… — Хельга что-то подсчитала в уме. — Около пятидесяти.

— Ну, а моему — восемьдесят один. Земных.

Они посмотрели на меня с выражением полнейшего недоверия.

— О, ты лжешь!

— А матери моей — семьдесят четыре! Или семьдесят пять, не помню точно.

Хельга бросила на меня полный негодования

взгляд и отвернулась. Но я говорила правду, и если она не хотела мне верить, тем хуже для нее.

Не скажу, что состоять в браке пятьдесят лет — обычное дело для жителей Корабля. Как правило, люди устают друг от друга после двадцати или тридцати лет и затем расстаются. Есть и другие, их немало, которые, не желая перманентного брака, просто сходятся и живут вместе. И есть третьи, которые, не будучи даже знакомыми, заводят детей лишь потому, что так советует Корабельный Евгеник.

Но что бы там Хельга ни утверждала, это было искажение действительности.

Мои родители были странной парой. Женатые полвека, они уже восемь лет не жили вместе. Когда мне было четыре года, матери представилась долгожданная возможность — изучать искусство под руководством Лемоэля Карпентера. И она ушла. Правда, если вы женаты целых пятьдесят лет и ожидаете, что впереди вас ждет еще столько же, то перерыв лет на восемь едва ли будет заметен.

Честно говоря, я не понимала, что мои родители находили друг в друге. Слишком они были разными людьми. Я любила и уважала отца, но мать не любила совсем. Быть может, мы просто

не находили общего языка. Например, я считала, что это ее «искусство» — самая настоящая ерунда. Однажды, в одно из редких посещений ее квартиры, я увидела некую скульптуру.

— Это называется «Птица», — сказала мать.

Я и сама видела, что больше всего «это» похоже именно на птицу. Мать работала прямо с фотографии, но «птица» выглядела настолько тяжеловесно и неестественно, что казалась абсолютно безжизненной. Естественно, я не преминула ей об этом сказать, и, конечно, она обиделась, мы заспорили, и кончилось тем, что мать выставила меня за дверь.

Но тут было не только взаимное непонимание. Мать совершенно ясно дала мне понять: она родила меня, выполняя долг, а вовсе не потому, что хотела этого. И почему-то я считала, что она только и ждет моего Испытания, чтобы снова вернуться к Папе. Но, повторяю, я не любила ее.

Добравшись до противоположного конца порта, мы, вместо того, чтобы сразу же плыть назад, как я ожидала, повернули и поплыли под углом к выходу из акватории. Лодкой управлял Ральф. Качка резко усилилась — мы оказались теперь к волнам левым бортом. Лодка вздымалась на гребнях и проваливалась в ложбины, и через

несколько минут такого удовольствия меня начало тошнить. Но эта тошнота была совсем другого рода, чем та, которую мне доводилось испытывать раньше. Мною завладела самая настоящая морская болезнь — тошнота усугублялась головокружением.

— Нельзя ли вернуться назад? — попросила я Хельгу. — Меня тошнит.

— Это и есть самый быстрый путь назад, — сказала она. — Мы же не можем плыть против ветра. Нужно лавировать.

— Ужасно медленно… — проговорила я.

Ральф рванул за привязанный к утлегеру канат, перебросил утлегер на другую сторону лодки, одновременно поворачивая румпель, и мы медленно совершили поворот на другой галс. К этому времени я чувствовала себя совсем скверно.

— Не волнуйся! — весело сказала Хельга. — Скоро вернемся! — Она повысила голос: — Ты уже поуправлял, Ральф! Дай мне!

— Ладно, — очень неохотно согласился Ральф.

Хельга перебралась на корму, перехватила у брата румпель и канат утлегера. Потом она кивнула в мою сторону.

— Ее тошнит.

— О, — произнес Ральф. Он пробрался ко мне

и, усевшись рядом, сказал: Чтобы привыкнуть к качке, нужно время. Поплаваешь — приспособишься.

Он замолчал, с легкой завистью следя за Хельгой. Мне подумалось, что плавание под парусом, разумеется, если ты вообще способен им наслаждаться, гораздо интересней для рулевого, чем для пассажиров. По крайней мере, Хельге и Ральфу больше нравилось управлять парусом, чем сидеть со мной рядом. Хотя это могло быть оттого, что они считали своей обязанностью заводить со мной разговоры, а это им было трудно.

— Э-э-э, как ты думаешь, наши отцы поладят? — спросил Ральф.

Я сглотнула, стараясь обуздать желудок, и ответила:

— Не знаю. Понятия не имею, о чем они собрались вести торг.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Как это, ты не знаешь?! Мы вкалываем на копях, добываем для вас вольфрамовую руду, везем ее за тридевять земель, а ты об этом понятия не имеешь?!

— Почему вы не… — Осекшись, я изо всех сил ухватилась за борт лодки, стараясь сохранить самообладание при виде неожиданно раскрывшей-

ся перед нами бездны между волн. — Почему…

Вы не добываете эту штуку, как ее там, сами для себя?

— Мы не знаем, как ее очищать, — зло ответил Ральф. — Вы, с Корабля, не открываете нам, как это делается. Мы с вами торгуем, но вы даете нам только крохи информации.

В это время мы опять делали поворот, готовясь пройти последний отрезок пути до пирса.

— Как же иначе, — сказала я. — Мы уже столько лет храним знания — с тех пор, когда была уничтожена Земля. Если бы мы отдали их все вам, чем бы мы стали торговать?

— Мой папа говорит, что все вы паразиты, — заявил Ральф.

— Вы живете нашим тяжким трудом. Хапуги вы, вот и все.

— Мы не паразиты, — возразила я.

— Если бы дела делались справедливо, то мы бы жили, как короли, а не вы.

— Если мы живем, как короли, то почему ты раньше говорил, что мы теснимся в переполненных клетках?

На мгновение мой вопрос сбил его с толку, но только на мгновение:

— Потому что вам нравится жить, как свиньям,

вот почему. Я ничего не могу поделать, раз вам нравится жить, как свиньям.

— Если здесь и есть поблизости какие-то свиньи, то это вы, грязееды, сказала я.

— Что-о?!

— Грязееды!

— Хапуга! Почему бы тебе не принять ванну?! — Ральф сильно толкнул меня в грудь.

Несмотря на нашу ссору, он застал-таки меня врасплох.

Я кувырнулась за борт.

Ощущение от погружения в воду было невероятным. Она была холоднее воздуха, но к этому я почти сразу привыкла. Хуже оказалось другое: окунувшись, я набрала ее полный рот — мерзкой, грязной и горькой гадости. Я вынырнула на поверхность, и пока откашливалась и отплевывалась, лодка прошла мимо. Мельком я заметила на лице Хельги удивленное выражение, но потом мне стало не до того. Я поплыла к пристани, выкашливая попавшую в горло воду. К удивлению моему, шок и удушье привели в чувство разыгравшийся желудок.

Хотя, если бы у меня был выбор, я предпочла бы другой способ.

Хельга отвернула парус от ветра и повернула

румпель. Теперь «Гуакамоль» дрейфовал, мягко раскачиваясь на волнах.

— Тебе помочь? — крикнула Хельга.

— Нет! Сама доплыву!

Одета я была легко, хотя свободные рукава, намокнув, доставляли некоторые затруднения. Раньше я плавала только в бассейне, но тут обнаружила, что держаться на поверхности не так уж и сложно. Нужно только стараться не нахлебаться этой мерзкой воды.

До лестницы я добралась как раз, когда они привязывали свой «Гуакамоль». Рухнув на причал и забрызгав водой доски, я следила, как тридцатью футами ниже Ральф и Хельга спускали парус и прикручивали утлегер у соседнего пирса.

Дождавшись, когда они закончили, я поднялась с досок и подошла к ним поближе. Гравитация отняла у меня много сил.

Ральф поднимался наверх, на лице у него было виноватое выражение. Но только он собрался шагнуть на причал, как я, ухватившись обеими руками за выступавшую часть лестницы, уперлась ему сандалией в живот и толкнула изо всех сил. Ральф выпустил поручни, взмахнул руками, но, поняв, что не сумеет удержаться, крутанулся на месте, чтобы скорректировать падение, и по-

летел вниз, плавно войдя в воду рядом со своей лодкой. Я понаблюдала, как он выплывает, потом перевела взгляд на Хельгу.

Она замотала головой.

— Я ничего тебе не сделала…

Ральф ухватился за корму «Гуакамоля» и забрался на нее, с бешенством глядя на меня.

— Я великолепно провела с вами время, — сказала я. — Вы обязательно должны побывать на Корабле, я обязательно покажу вам наши достопримечательности…

И, развернувшись, пошла прочь, оставляя за собой мокрые следы. Я не оглядывалась назад, пусть они сами решают свои проблемы.

Откинув со лба мокрые волосы, выжав воду из рукавов и отряхнувшись как можно тщательнее, я двинулась вверх по той улице, по которой мы спускались к морю. Прохожие провожали меня взглядами — надо полагать, я представляла собой сногсшибательное зрелище: странная девочка в дурацкой одежде, с которой ручьями течет вода… Я понятия не имела, куда идти, где находится разведкорабль, но, как оказалось, это было неважно. Не успев подняться на вершину холма, я наткнулась на этого монстра, этого динозавра Джорджа Фахонина. Он разыскивал меня, и, удивительное

дело, я была почти рада его видеть.

— Что с тобой случилось? — спросил он.

К тому времени вода с меня уже не капала, но я была уверена, что выгляжу как выуженный из лужи, наполовину утонувший котенок. Причем основательно перепачканный.

— Мы ходили на море купаться, — соврала я.

— А. Ну, пошли на Корабль, там мы тебя высушим.

Я зашагала с ним рядом, стараясь попасть в ногу. Несколько минут мы шли молча, потом Джордж сказал:

— Знаешь, я действительно не хотел тебя смущать тогда. Я не стал бы делать так нарочно.

— Теперь это не имеет значения, — ответила я. — В следующий раз только, пожалуйста, убедись, что выключил все, что нужно.

— Договорились, Миа. — Джордж улыбнулся.

Мы вернулись на Корабль, и я сразу отправилась в туалет и включила подачу горячего воздуха в сушилке. Через пару минут я уже полностью высохла. С аппетитом поев — несмотря на морскую болезнь, я здорово проголодалась, — я почувствовала себя гораздо лучше. Ничто не может сравниться с ощущением сытого желудка.

Когда вернулся Папа, снаружи была уже ночь,

хотя по корабельному времени недавно пробило полдень. С наступлением темноты постоянно пополнявшаяся толпа зевак разошлась по домам, как я полагаю, поужинать. Папино возвращение прошло без оркестра.

Заслышав стук копыт, я вышла из Корабля, остановившись на верхней ступеньке трапа. Один из членов экипажа спустился вниз, и Папа с мистером Табменом передали ему лошадей. Затем они повернулись к сопровождавшему их мистеру Дженнаро. Меня они так и не заметили.

— Вы обещаете, что это несчастье не повлечет никаких изменений в нашем соглашении? — спросил Дженнаро обеспокоенным голосом.

— Даю слово, — улыбнулся Папа. — Вы принесли извинения, и я совершенно уверен, что моя дочь уже получила свое удовлетворение, столкнув вашего мальчика в воду. И давайте забудем обо всем этом. Наш грузовик прибудет за рудой на следующей неделе…

Я не стала дослушивать до конца, повернулась и ушла на Корабль. На душе у меня потеплело: Папа не сердился на меня.

— Чего ты ухмыляешься? — спросил Джордж.

— Так, ничего, — ответила я.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВНУТРИ РОДНОГО МИРА

Мы взлетели с Грайнау почти сразу, как Папа поднялся на борт разведкорабля. Он, мистер Табмен и я сидели в креслах в центре нижнего отсека. Трое членов экипажа играли в карты, а Джордж Фахонин был наверху и вел Корабль.

Я испытывала тихое довольство собой. С одной стороны, конечно, мое поведение на Грайнау было одной сплошной ошибкой, но мне не хотелось смотреть с этой стороны. Пусть я допустила кучу промахов по части такта и здравого смысла, но в стратегическом плане, так сказать, это не имело никакого значения.

Наверно, я заслуженно пребывала в хорошем настроении. Меня просто переполняла радость открытия: я могу встретиться с грязеедами на их собственной территории и, если уж не поведу себя самым лучшим образом, то хоть не попаду в дурацкое положение.

Словно та девочка, которая впервые узнала о том, как развести костер, что такое принцип рычага и впервые же осмелилась попробовать

заплесневелый козий сыр, обнаружив, что это «рокфор», я открыла для себя нечто абсолютно новое в мире — уверенность в себе.

Да, я совершила ошибки. Уже совершила. И если бы Папа стал мне за них выговаривать сейчас, я бы все равно не смогла их исправить. Но уверенность в себе оказалась бы мертворожденной.

Но Папа только курил и улыбался.

Меня же мучило любопытство, и я решила расспросить его, что он думает о Ральфе Дженнаро и его высказываниях.

— Мой тебе совет, не беспокойся об этом, — сказал Папа.

— Даже слушать грязееда не стоит труда, — вставил мистер Табмен. — У них нет никакой перспективы. Живут себе в своих ограниченных мирках, а что происходит на свете — не понимают.

— Я бы хотел, чтобы ты не употреблял этого слова, Генри, — сказал Папа. Оно такое же бессмысленное, как и то глупое слово, которое подцепила Миа. Как сказал тот мальчик?

— Хапуги.

— М-м-м, да. Оно самое. Для обмена оскорблениями нет причин. У нас свой образ жизни, у них — свой. Я бы не стал жить, как они, но не уважать

людей только из-за этого мне кажется непорядочным. Я уверен, среди них есть и хорошие люди.

— Это все потому, что у них нет будущего, — повторил мистер Табмен. — Держу пари, именно сейчас Дженнаро жалуется своим, что ты его надул.

— Может быть, — согласился Папа.

— Но ты ведь не обманывал его, Папа? Он же был счастлив, что вы готовы заключить с ним сделку.

— Откуда ты знаешь?

— Услышала, когда вы приехали.

— Отсутствие перспективы, — опять сказал мистер Табмен. — Он отвратительно торгуется, и испугался, что твой отец разозлится из-за твоего приключения. Дженнаро сдался раньше, чем должен был. Тогда-то он был счастлив, но сейчас уже жалеет, что продешевил.

Папа кивнул и снова набил трубку.

— Не вижу никаких причин беспокоиться за него о его интересах. Моя точка зрения — чем меньше мы делаем для колонистов, тем быстрее они научатся следить за собой сами. И это будет для них наилучшим выходом. Тут у меня разногласия с мистером Мбеле. Он верит в исключения из правил, он хочет, чтобы мы относились к

колонистам лучше, чем к себе. Я этого не могу принять.

— Должен признаться, Майлс, я научился торговать, наблюдая за тобой, заметил мистер Табмен.

— Спасибо, Генри. Но ты станешь плохим торговцем, если будешь недооценивать людей, с которыми имеешь дело. И ты, Миа, допустишь ошибку, если недооценишь такого человека, как мистер Мбеле. Его принципы светлы, но часто он видит лишь один путь к цели.

Мистер Табмен через несколько минут отошел и подсел к игрокам в карты. Я решила пойти наверх.

Я встала, и Папа, вынув изо рта трубку, взглянул на меня. Трубка погасла, но он этого не замечал.

— Идешь послушать еще одну сказку?

— Не знаю… Может быть, — ответила я и, поднявшись в купол, оставшуюся часть перелета провела с Джорджем.

Итак, я вернулась домой, в Гео-Куод. Обдумав со временем происшедшее, я поняла, в чем заключались, по крайней мере, некоторые из моих ошибок. Но не почувствовала стыда.

Я сидела в неудобной позе в большом и мягком кресле и ждала Джимми Дентремонта. Я особенно не волновалась, испытывая лишь некоторую

неловкость. Гостиная инта Гео-Куода, в которой я сидела, была очень похожа на гостиную моего собственного бывшего интерната. Сходство не раздражало, но я была тут посторонней — и оттого чувствовала себя скованно. Если вы не поняли этого до сих пор, то я должна сказать, вернее, напомнить, что всегда предпочитаю быть хозяйкой положения.

Комната была обставлена неплохо, но как-то безлико. Индивидуальность помещения возникает обычно вследствие личной привязанности к нему хозяина, его заботы, его интереса, и в чем большей степени комната является общей, тем менее она индивидуальна. Моя собственная комната у нас в доме гораздо индивидуальней нашей гостиной, а та, в свою очередь, индивидуальней, чем спальня в этом инте (я, правда, их не видела, но отлично помнила, как выглядят спальни в интернате) и тем более чем комната, в которой я сидела сейчас. А если вы находитесь в казенных до отвращения четырех стенах, в которых к тому же присутствуют знакомые друг с другом, но совершенно посторонние для вас люди, то чувство отчужденности усиливается во много раз.

Войдя и оглядевшись, я остановила какую-то малолетку, девочку лет восьми, из местных.

— Где тут Джимми Дентремонт?

— Должен быть наверху, — ответила она.

Неподалеку от двери находился щит связи — специально для посетителей, вроде меня. Отыскав имя и фамилию Джимми в списке, я дала два длинных звонка и один короткий.

Обычно именно Джимми заходил за мной по пути к мистеру Мбеле — ему было почти по дороге. Но сегодня я сама зашла за ним — я хотела с ним кое о чем поговорить.

— А, привет, Миа, — сказал Джимми, появившись на экране щита.

— Привет, — ответила я.

— Что ты здесь делаешь?

— Хочу с тобой поговорить. Давай одевайся и спускайся вниз.

— Ладно, только погоди немного, я что-нибудь на себя наброшу. — Джимми отключился, и его изображение растаяло.

Вот тогда-то я выбрала кресло и стала ждать.

В инте Джимми жил недолго, всего год с чем-то. Его рождение было спланировано Корабельным Евгеником — родители Джимми почти не знали друг друга. Потом он жил с матерью — до одиннадцати лет, когда она вдруг решила выйти замуж, и тогда Джимми по собственному желанию

перебрался в интернат. Не хотел путаться под ногами, — объяснил он мне. — Я иногда захожу туда по вечерам. И с отцом тоже вижусь, время от времени.

Наверное, только потому, что Джимми мог вернуться к матери, если бы захотел, он и не находил жизнь в интернате угнетающей. На интернат он смотрел как на временное пристанище, в котором можно пожить, пока не вернешься с Испытания и не поселишься в собственной квартире. Но в разговорах с ним я старалась не углубляться в эту тему — не потому, что боялась задеть его, а потому, что это было неприятно мне самой.

Дети в гостиной играли в какую-то настольную игру, а я сидела в своем кресле и наблюдала за теми, кто играл, и за теми, кто следил за игрой, и за теми, кто просто проходил мимо. Но за мной не наблюдал никто.

Джимми спустился через несколько минут, и я встала с кресла, готовая сразу отсюда исчезнуть. И уже на ходу спросила:

— Джимми, не хочешь ли ты отправиться со мной в пятницу? Это очень важно.

— Куда отправиться?

— Что значит «куда»?

— Миа, ты же знаешь, — сказал Джимми, — я

поеду с тобой, куда бы ты ни предложила. Просто назови место и скажи, как туда добраться.

— Счастье твое, — ответила я, — что я слабее тебя. Было б у меня сил побольше, я бы тебе врезала. Нечего умничать.

— Ладно. Так куда ты все-таки собираешься?

— Ты разве не знаешь, о чем я говорю?

— Нет. — Джимми покачал головой.

Достав пришедшую вчера повестку, я развернула ее и протянула ему. В повестке значилось, что в среду мне предстоит медосмотр, а в пятницу — надлежит вместе с другими ребятами явиться на первую встречу класса выживания у Пятых Ворот, Третий Уровень.

Эта первая встреча моего класса выживания приходилась на 3 июня 2198 года. Физическая подготовка продлится ровно полтора года, и только потом нас высадят на какую-нибудь из планет-колоний на Испытание. Ни в одном законе не говорится, что ребенок обязан посещать занятия в классе выживания, но практически все пользуются преимуществом, даваемым тренировкой. В жизни очень редко удается выбрать наилучший курс — и это один из тех случаев, когда сомнения излишни. Вас не просто выбрасывают погибать на планете, сначала вас полтора года муштруют,

и Испытание лишь показывает, какую пользу принесла вам эта муштра.

Новые классы формируются каждые три-четыре месяца, последний образовался в марте, так что повестка не была для меня неожиданностью. Поскольку Джимми тоже родился в ноябре, как он поспешно сообщил мне при первой нашей встрече, то я ожидала, что мы с ним окажемся в одном классе выживания. И, если уж до конца быть честной, мне не хотелось идти туда в пятницу одной.

— Я ничего не знал, — удивился Джимми. — Мне, значит, тоже должна была прийти повестка. Когда ты ее получила?

— Вчера. Я думала, что ты позвонишь мне насчет своей, но ты не позвонил.

— Подожди здесь, я сейчас все узнаю, — сказал он и пошел искать воспитательницу.

Он вернулся через несколько минут, держа в руке повестку — точную копию моей.

— Вот. Я просто ее не искал, а воспитательница и не подумала мне сказать.

Было в Джимми одно качество, которое меня ужасно раздражало, но которым я одновременно восхищалась. По крайней мере дважды я звонила Джимми и оставляла ему сообщения. Один раз я

просила его позвонить мне, когда он вернется, в другой — чтобы он передал мистеру Мбеле, что я не смогу прийти на встречу. Но ни разу Джимми не выполнил моих просьб, он просто не поинтересовался — есть ли для него что-нибудь. Это возмутительно и вместе с тем странно привлекательно как беззаботно человек может относиться к чужим просьбам: Джимми просто заявил, что был занят, и недосуг ему было утруждать себя подобными вещами.

Моя идея отправиться в пятницу вместе на Третий Уровень Джимми понравилась. К этому времени мы еще не стали близкими друзьями — был элемент антагонизма, — но мы уже хорошо знали друг друга, учились у одного наставника, мистера Мбеле, и я не имела ничего против, чтобы мы с Джимми встретили новую ситуацию вместе.

— Ты помнишь, как после Грайнау я рассказывала вам с мистером Мбеле о том мальчике и его сестре? — спросила я, когда мы шли по коридору к квартире мистера Мбеле.

— Это у которых дурацкие о нас представления?

— Да. Он, например, утверждал, что мы на Корабле все время разгуливаем голыми. Я возра-

жала, конечно. Я вообще на все возражала… Но что бы сказала, если бы они оказались здесь и увидели бы тебя по видику даже без носок?..

— Тогда они, наверное, подумали бы, что совершенно правы, — рассудительно заметил Джимми.

— Но они же не правы!

— Не знаю. Я же был голым.

— Ну и что! Ты был в своей комнате. Я дома тоже хожу голая. Но они-то говорили, что мы вообще не носим одежды.

— Так ведь, — Джимми усмехнулся, — если нам хочется ходить голыми, почему нам этого не делать? — Он начал стаскивать через голову рубашку. — Я считаю, что мы можем себе позволить быть такими, какими нам хочется быть. И от того, что они о нас думают, мы не становимся хуже. Разве не так?

— Не извращай, — сказала я.

— Ходить голым — это извращение?

— Дурацкое твое упрямство! Ты собираешься есть землю только потому, что они думают, будто мы ее едим? Зря я вообще завела с тобой этот разговор. Просто мне показалось, что тут есть какое-то несоответствие.

— Несоответствие, — поправил Джимми, ставя

ударение на тот слог, где ему полагалось быть.

— Какая разница, — огрызнулась я.

Иногда я действительно по-глупому ошибаюсь, употребляя слова, которые где-то читала, но никогда не слышала, как правильно их произносить. Так бывает еще и потому, что разговаривать приходится не с теми людьми — и не о том. И наверное, вернувшись домой с Грайнау, я сделала очередную ошибку, сразу же рассказав Джимми и мистеру Мбеле, что я на самом деле думаю о грязеедах.

— Они действительно воняют? — спросил мистер Мбеле.

Мы с Джимми сидели на кушетке в его квартире. В руках у меня была записная книжка с пометками о темах и книгах, которые я хотела бы обсудить. Сообразив, что вряд ли я смогу по-настоящему доказать правоту своих слов, я дала задний ход:

— Не знаю. Но все говорят, что они воняют. И мне не понравилось то, что я там увидела.

— Почему же? — спросил Джимми.

— Это серьезный вопрос или ты просто меня подначиваешь?

— Мне тоже интересно, Миа, — сказал мистер Мбеле. Тут-то я точно знала, что вопрос задан

всерьез. Мистер Мбеле никогда не натравливал нас друг на друга.

— Не знаю, — сказала я. — Мы просто не поладили. У меня должна быть более веская причина для неприязни?

— Конечно, — заявил Джимми.

— Ну, если ты так считаешь, — сказала я, — то давай назови мне хоть одну такую вескую причину. А я послушаю.

Джимми пожал плечами, вид у него был смущенный.

— У тебя их нет, — заявила я. — Просто я сказала то, что ты не приемлешь. А я просто не переношу грязеедов. И если я захочу, то мне никто не запретит сказать, что от них смердит.

— Может, ты и права, — неохотно согласился Джимми.

— Гм-м, — произнес мистер Мбеле. — Миа, а что, если в твоих словах истины нет? Что, если твои слова причиняют боль другому человеку? Что, если ты просто возвеличиваешь себя, унижая других?

Я промолчала.

— Ты согласна, что это было бы не лучшей политикой?

— Надо полагать.

— Так вот, запомни, — сказал мистер Мбеле. — Заявлять, что колонисты воняют, — просто самооправдательный миф, изобретенный для того, чтобы дать нам возможность чувствовать моральное превосходство и свою абсолютную правоту. Коей нет. Твое заявление помешает мне теперь выслушать действительно веские аргументы, которые ты могла бы привести. И это не принесет тебе пользы.

Джимми следил за нашим спором.

— Понятно, — сказал он. — Я могу не любить людей, но зачем же их оскорблять?.. Я не обязан оправдывать свою неприязнь к ним, но обязан оправдывать свою сварливость. Так?

— Это немного упрощенно, — заметил мистер Мбеле.

На мгновение я сорвалась с крючка, и поскольку меня осенила одна мысль, я тут же ее выложила:

— А как быть с людьми, которых тебе следовало бы любить, но ты их не любишь и, наоборот, с людьми, которых ты любишь, хотя их вовсе не за что любить?

— Не понял, — сказал Джимми.

— Ну, например, мы с тобой во всем согласны, и я тебя уважаю, и ты мне никогда не делал гадо-

стей и не злословил за моей спиной без причин — и все же я тебя не выношу. Или, скажем, есть некто, полная противоположность натуральная сволочь, крыса, человек, который любую подлость сделает, если увидит в этом свою выгоду, — но все равно он мне нравится. Можно ли отделять приязнь от поступков человека?

Мистер Мбеле улыбнулся, словно его забавляло направление, в котором шел разговор.

— А ты сама их разделяешь?

— Думаю, да, — ответила я.

— Джимми?

Джимми с минуту помолчал, размышляя, но я уже знала его ответ, ибо только что нашла его сама. Все разделяют. Иначе не было бы в мире очаровательных, принимаемых обществом негодяев.

— Да, наверное, — ответил Джимми.

Я указала им на ошибку:

— По-моему, вопрос был — нужно ли их разделять?

— Есть ли здесь какая-то разница? — спросил мистер Мбеле.

— Вы имеете в виду, что с этим все равно ничего не поделаешь?

— Нет, — пояснил мистер Мбеле. — Речь о том,

влияют ли твои чувства на твои суждения о людях…

— Алисия Макриди?! — догадался Джимми. — Говорят, ее все любят и жалеют. Повлияет ли это на решение Ассамблеи?

Алисия Макриди была женщиной, носившей незаконного ребенка. Совет долго решал, что предпринять в этом случае, но Макриди явно рассчитывала на более снисходительное к себе отношение, если дело будет рассматривать не Совет, а Корабельная Ассамблея. Совет на это согласился, он должен был так поступать в особо трудных и важных делах.

Корабельная Ассамблея — общее собрание всего взрослого населения Корабля, которое собирается в амфитеатре на Втором Уровне. Там проходит общее голосование. Поскольку Макриди была известной особой — хотя я о ней даже не слышала до всего этого дела, — она хотела встретиться лицом к лицу с Ассамблеей, надеясь, что там с ее популярностью посчитаются больше, чем посчитались бы в Совете.

— Хороший пример, — согласился мистер Мбеле. — Я не знаю, чем это кончится. И раз вы не можете пока присутствовать на Ассамблее, я бы посоветовал вам следить за происходящим по

видео. Тогда мы сможем в следующий раз обсудить ее решение. Но это лишь часть гораздо более серьезной проблемы: что является основой человеческого поведения? То есть этики. Это то, с чем ординологу, — кивок в сторону Джимми, — или синтезатору, — кивок мне, следует основательно познакомиться. Для начала я вам дам названия книг. Уделите им время, а когда решите, что готовы поговорить, дайте мне знать.

Мистер Мбеле подошел к книжной полке и стал называть нам книги и авторов эпикурейцев, утилитаристов, стоиков, философов силы и прочих, не считая гуманистов нескольких направлений и всевозможных религиозных этических систем. Если бы я знала, что все это станет результатом одного-единственного моего необдуманного замечания, я никогда не раскрыла бы рта. Может быть, в том и заключался урок, но если даже так, я все равно его не усвоила. Я по-прежнему склонна открывать рот, где не надо, и втравливать себя в неприятности.

Первого июня, в среду, я отправилась к доктору Джерему. Сколько я себя помню, раз или два в году я посещала его кабинет обязательно.

Он был среднего роста, склонный к полноте, и, как и большинство докторов, носил бороду. Боро-

да была черная. Однажды, еще совсем маленькой, я спросила у доктора Джерема — зачем он носит бороду, и он ответил:

— Затем, чтобы мои пациенты чувствовали себя увереннее. Или, наоборот, чтобы я чувствовал себя увереннее с ними. Я даже затрудняюсь сказать, кому она больше нужна.

Обследуя меня, он, как всегда, болтал, извергая ровным басом поток острот, направленных наполовину в меня, наполовину в себя. Наверное, он делал это специально — пациенты успокаивались, как успокаивается норовистый жеребенок от голоса всадника. Такова была профессиональная манера доктора Джерема.

— Великолепно! Отлично! Ты здорова. В хорошей форме. Вдохни. Теперь выдохни. Хорошо. Хм-гм. Да, замечательно…

Иногда возникает вопрос: насколько можно доверять словам докторов? У них есть свои этические правила — сколь много о вашем состоянии они имеют право вам сообщить. Но у меня не было причин не верить доктору Джерему, я действительно чувствовала, что абсолютно здорова и нахожусь в отличной форме. И перед классом выживания мне не нужно никакого лечения. Что называется полная кондиция.

— Всегда приятно с тобой встретиться, Миа, — сказал доктор Джерем. — Хотел бы я, чтобы все мои пациенты приходили ко мне в таком добром здравии. У меня тогда было бы немного больше свободного времени.

Он сообщил мне еще одну вещь. Измерив мой рост, он сказал:

— Ты подросла на три дюйма с тех пор, когда была здесь в последний раз. Молодец!

Три дюйма.

Я не знала, чьих рук это дело — Папы или Природы, но услышать это мне было приятно.

К Входным Воротам № 5 на Третьем Уровне мы с Джимми прибыли минут за десять до назначенного времени. Дверь челнока скользнула в сторону, мы вышли из кабины, и она, словно лифт, ушла, вызванная с другого Уровня. Рядом с нами в ожидании вызова стояли кабины горизонтального сообщения. Двустворчатые двери станции были раскрыты. Надпись над ними гласила: ВХОДНЫЕ ВОРОТА № 5, ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ, ПАРК. Через открытые двери видна была освещенная искусственным светом трава, а за воротами толпились ребята примерно моего возраста.

— Вот они, — сказал Джимми.

Третий Уровень разделен на три различных зоны. В первой, культурной зоне, производится пища, кислород и корм для скота. Говядина — единственное наше натуральное мясо; искусственное выращивается от культур в баках, которые находятся тут же, на Третьем Уровне.

Вторая зона — это парк. Здесь есть деревья, озеро, цветы, степь, места для пикников, для прогулок пешком и верхом — то, чего можно было бы пожелать на любой планете.

Последняя зона — дикая местность. Во многом она похожа на парк — но гораздо опасней. Как значилось на картах, здесь водились дикие звери, а за растениями никто не ухаживал, и они росли, как им заблагорассудится. Эта зона предназначалась для охоты, для испытания риском и обучения подростков местность таила в себе множество всевозможных неожиданностей.

Я еще ни разу там не бывала, только в аграрной зоне и в парке.

— Пошли? — предложила я.

Мы прошли сквозь дверной проем, затем через короткий десятифутовый туннель; прозрачные ворота раскрылись — и перед нами предстал лес, конюшни, кораль среди деревьев и домик с приподнятой двухскатной крышей — в нем

находились раздевалки и душевые.

Только здесь, на Третьем Уровне, можно было по достоинству оценить размеры Корабля. В других местах повсюду вас окружают стены, здесь же ничто не ограничивало поля зрения. До ближайшей точки, где потолок и почва упирались в борт Корабля, пролегали от нас целые мили. Потолок находился футах в трехстах над головой, и нужен был острый глаз, чтобы разглядеть разбрызгиватели и прочие детали оборудования.

Труба челнока поднималась за нашими спинами со станции, исчезая в потолке высоко вверху. Горизонтальная линия челнока была не видна, она проходила глубоко под землей.

Двух часов еще не было, и ребята, которые прибыли сюда раньше нас, столпились у кораля, наблюдая за лошадьми. Среди них я узнала Вени Морлок, но не удивилась — она была лишь на месяц старше меня, и я ожидала, что на Испытание мы полетим в одной группе.

Со станции челнока стали появляться и другие ребята. Мы с Джимми прошли вперед, присоединившись к тем, кто разглядывал лошадей. В юном возрасте я не научилась ездить верхом, как когда-то научилась плавать, почему-то не возникло в том особой нужды. Но у меня не было

перед лошадьми панического страха, я их просто остерегалась, предпочитая обходить стороной.

И сейчас тоже смотрела на них издали. Но была в группе девочка, которая, нисколько не боясь, протянув руку через ограду, поглаживала одну светло-чалую кобылу. Было видно, что это нравится им обеим.

Высокий, крепко сбитый парень, стоявший неподалеку от нас, посмотрел на нее и сказал:

— Терпеть не могу таких молокососов, как эта Дебби.

Мгновение спустя раздался металлический звук — словно кто-то дунул в свисток. Я глянула на свои часы — ровно два.

На единственной ступеньке домика раздевалок появились двое мужчин. Один из них, который был помоложе, лет сорока пяти, в руке держал свисток. — Сюда! — раздраженно позвал он. — Идите сюда!

Он был среднего роста, темноволосый, с гладким лицом. В другой руке он сжимал какой-то список. Он очень походил на человека, который всю жизнь тратит на всякие списки. Есть, знаете, такие люди, они не получают от жизни никакого удовольствия, если не могут все спланировать наперед, а потом ставить галочки, когда выпол-

нен очередной пункт.

Мы собрались вокруг, и он зашуршал своей бумагой.

Второй мужчина выглядел и вел себя гораздо спокойнее. Он тоже был среднего роста, но стройнее, на лице его было больше морщин, а в одежде — куда меньше официальности.

— Отвечайте, когда назовут вашу фамилию, — велел тот, что был помоложе, и начал зачитывать свой список, составленный по алфавиту — от Аллена до Юнга. Рослый парень, который не испытывал энтузиазма по отношению к молокососам, оказался Робертом. Всего в списке было примерно тридцать имен.

— Двое отсутствуют, — сказал он пожилому, когда закончил. — Отправь им вторичное уведомление. — Затем он повернулся к нам. — Моя фамилия Фоснайт. Я возглавляю отдел координации всех испытательных и предиспытательных программ. В том числе и классы выживания. В настоящее время шесть классов, проходящих тренировку, включая и ваш, собираются в различных районах Третьего Уровня. Ваш класс, согласно расписанию, отныне должен собираться здесь, у Ворот № 5, по понедельникам, средам и пятницам в двенадцать тридцать дня. Третий

класс собирается здесь же по вторникам, четвергам и субботам. Если время сборов пересекается со школой, занятиями с учителями или еще чем-нибудь, вам придется искать выход. Наверное, придется изменить расписание. Другое, конечно, а не это. Или что-нибудь пропускать. Все полностью на ваше усмотрение. И только вы сами решаете — посещать ли вам тренировки. Но я могу обещать вам, что у вас окажется больше шансов вернуться с Испытания живыми, если вы будете их посещать. Ваша группа несколько меньше, чем обычно, так что обучаться вам будет легче. Вам также повезло, что вашим инструктором будет мистер Марешаль — он один из лучших наших шеф-инструкторов. — Мистер Фоснайт улыбнулся своему каламбуру.[2]

Манеры у мистера Фоснайта были проворными и деловитыми, словно он действительно проставлял галочки на каждое свое слово. Повернувшись к Марешалю, он вручил ему свисток.

— Свисток, — произнес он и затем снова повернулся к нам, стоящим перед ним тесной кучкой. — Любые вопросы.

Но все только хлопали глазами — мистер Фос-

---

[2] Примечания: 2
marechal — здесь: начальник, шеф (фр.)

найт был слишком стремителен. Никто ничего не спросил.

— Хорошо. Тогда до свидания. — И мистер Фоснайт направился к станции челнока с таким видом, словно последняя галочка к полному его удовлетворению поставлена, и еще одна скучная, но необходимая обязанность — выполнена.

Мистер Марешаль посмотрел сначала на свисток в своей руке, потом вслед ушедшему Фоснайту. Не похоже было, что он любил свистки. Медленно он опустил свисток в карман, затем, сложив, сунул туда же список. Так же неторопливо он оглядел нас всех, одного за другим, как будто оценивая, что мы за народ. Мы, в свою очередь, тоже старались хорошенько разглядеть человека, который полтора года будет нас опекать. И дело было не в том, что он за человек, вернее, не только в том, потому что дети в отношениях со взрослыми обычно исходят из предположения, что взрослый знает, что он затеял. Если же взрослый в себе не уверен и ребенок это поймет, тогда дело плохо, но вначале взрослый как бы обладает «презумпцией невиновности». Признаюсь, на первый взгляд, мистер Марешаль не показался мне сногсшибательной фигурой.

— Да, — заметил он, — мистер Фоснайт забыл

сказать кое-что, что он обычно говорит. Я попробую сказать вам это сам. Так вот, существует еще одно, антропологическое, название для Испытания: Обряд Перехода.

Фактически — это переход из одной стадии вашей жизни в другую. Важно всегда помнить, что он делает значимой жизнь взрослого человека — повзросление доказывается возвращением с Испытания. И поэтому Испытание стоит того, чтобы на нем сосредоточиться…

Тут мистер Марешаль посмотрел направо, и все мы повернулись в ту же сторону. К нам возвращался мистер Фоснайт.

— Обряд Перехода? — спросил мистер Марешаль.

— Да.

— Ничего, я только что объяснил им это за вас.

— А… — произнес мистер Фоснайт. — Тогда спасибо. — Он повернулся кругом и пошел обратно к станции челнока, прямо-таки весь сочась уверенностью в полном завершении своей работы. И лишь только он скрылся из виду, все рассмеялись.

Немного дав нам повеселиться, мистер Марешаль сказал:

— Ну ладно, хватит. Я хочу еще добавить кое-

что от себя… Я и другие люди, которые еще будут вас тренировать, собираемся сделать все, что в наших силах, чтобы вы успешно прошли Испытание. И если вы отнесетесь к занятиям должным образом, у вас не должно быть никаких неприятностей. О'кей! А теперь, первое, что я собираюсь сделать — это выдать вам лошадей и научить вас основам верховой езды.

Мистер Марешаль говорил медленно и не вполне владел грамматикой, но он умел заставить людей слушать себя. Не заглядывая в список, так и оставшийся у него в кармане, он называл фамилии ребят и клички лошадей. За мной закрепили животное по кличке Простофиля. Это вызвало смех. Лошадь Джимми звали Пет последнее «т» пишется, но не произносится, потому что это имя французское. Вениция Морлок получила лошадь по кличке Скелет. И как только лошадь выдали последней из нас — Рэйчел Юнг, мы прошли к коралю, и мистер Марешаль уселся на ограду.

— Отныне эти лошади — ваши, — сказал он. — Но не будьте слишком сентиментальны. Они — всего лишь средство передвижения, как рюкзак-вертолет, и вы будете тренироваться и с тем, и с другим. Но вы сами будете заботиться и уха-

живать за своими лошадьми. Лошадь — живое существо, и, значит, сломать ее легче, чем машину…

Один из мальчиков поднял руку.

— Да, Гершкович?

Гершкович был немного удивлен, что его так быстро запомнили.

— Если лошади так плохи, то зачем нам учиться на них ездить? Вот это я хочу узнать.

Мистер Марешаль ответил даже медленнее обычного:

— Наверное, я мог бы объяснить тебе причину, но суть в том, что вы должны пройти подготовку. Эта подготовка происходит по определенным правилам, и одно из правил гласит, что вы должны уметь ездить верхом на лошадях. Но не беспокойся об этом слишком сильно, сынок. Через некоторое время ты, может статься, обнаружишь, что лошади тебе нравятся.

Он перемахнул через ограду и спрыгнул в загон.

— А теперь я собираюсь показать вам верховую езду. Самое первое дело в верховой езде — это надеть седло на ваше животное.

— Извините, но я уже умею ездить верхом. Нужно ли мне торчать тут, повторяя самые

азы? — спросил один из мальчиков.

— Нет, — сказал мистер Марешаль, — ты можешь и не торчать, Фармер. Можешь пропустить все, что хочешь. Но учти один момент… Прежде, чем ты отсюда уйдешь, тебе лучше быть абсолютно уверенным в том, что ты отлично знаешь все, что я собираюсь показывать. Потому что — будь я проклят, если стану делать это снова для тебя одного. Если ты пропустишь занятие по уважительной причине, то я, так и быть, возможно, проявлю великодушие, если буду в хорошем настроении. Но если ты отстанешь по собственной вине, тебе придется выкручиваться самостоятельно.

И Фармер ответил, что он согласен «поторчать тут сегодня просто так, посмотреть, как у на пойдут дела».

Мистер Марешаль поймал в корале одну из трех лошадей, ту светло-чалую кобылу, и, медленно, показывая нам как это делается, надел на нее узду. Затем он надел потник и седло с двойной подпругой. Потом все снял и снова надел, показывая сначала.

— Ну вот, — сказал он. — А теперь вам придется попробовать самим. Разбирайте упряжь и выводите своих лошадей.

Возникла толчея. Каждый хотел найти свою лошадь, собрать упряжь и выбрать такое место, где можно было надеть второе на первое.

Простофиля оказался коричневой масти — что называется гнедой, и не очень крупный. Это был, скорее, пони, а не конь, ростом не полных пятьдесят шесть дюймов. Меня это обрадовало, потому что перед животным покрупнее я оробела бы соответственно сильнее. Но робеть было некогда: я едва успела встать в строй вместе с остальными, с упряжью по левому боку. Встав перед строем, мистер Марешаль объяснил, что нужно делать.

В первый раз получилось плохо. Я надела все туда, куда, по моему мнению, следовало, но только собралась горделиво распрямиться, как седло с лошадиной спины исчезло. Буквально секунду назад оно сидело как влитое, но — съехало, хотя я могла бы поклясться, что прикрутила его довольно туго.

Решив попробовать снова, я расстегнула чересседельник — ремень, идущий под брюхом лошади для крепления седла, поправила седло и снова затянула ремень. И в этот момент ко мне подошел мистер Марешаль.

— Дай-ка я тебе кое-что покажу, — сказал он и вдруг сильно пнул Простофилю коленом в брюхо.

Лошадь издала громкое «уффф», воздух вышел, и мистер Марешаль сильным рывком затянул подпругу. Лошадь посмотрела на него, явно не одобряя. Он будет надуваться каждый раз, если ты будешь позволять, — сказал мистер Марешаль. — Ты должна дать ему понять, что ты умнее.

Седланием и расседлыванием мы занимались еще не меньше часа, пока не исчерпали дневную программу. По пути домой я спросила Джимми, что он обо всем этом думает. (В нашем челноке ехало еще полдюжины ребят.) — Марешаль мне нравится, — ответил Джимми. — Наверняка он и дальше будет о'кей.

— Он не верит во всякую ерунду, мне это тоже нравится, — сказала одна из девочек. — Значит, мы не будем терять времени зря.

С нами был и Фармер. Тот самый, который уже умел ездить верхом.

— А я время потерял, — заявил он. — Сегодня Марешаль ничего нового для меня не показал. Только всякую чепуху.

— Для тебя, может, это и чепуха, — парировал Джимми, — но остальные кое-чему научились. Если ты все знаешь, так не приходи, Марешаль же тебе говорил.

— Может, и не приду. — Фармер пожал пле-

чами.

Пересев в горизонтальный челнок, который шел в Гео-Куод, я сказала Джимми:

— Знаешь, я немного разочарована…

— Марешалем?

— Нет, всем этим днем. Я ждала чего-то большего.

— Чего?

Я бросила на него взгляд.

— Тебе доставляет удовольствие меня подначивать, да?

Джимми пожал плечами:

— Мне просто хочется знать, что ты имеешь в виду, если ты вообще имеешь что-нибудь в виду.

— Ну так вот, мистер Умник, я имела в виду, что все это выглядело слишком уж ординарно. Слишком деловито. Лучше даже сказать — недраматично…

— Говорят, Шестой Класс всегда скучный. Месяца через три, когда мы пройдем основы, тренировки будут интересней.

С минуту мы ехали молча, пока я обдумывала сказанное. А потом заявила:

— Нет, не думаю. Держу пари, все останется по-прежнему — неважно, в каком классе мы будем заниматься. Все будет так же буднично.

— Какая муха тебя укусила?

— Никакая. Просто я больше не верю в приключения.

— Когда ты это решила?

— Только что.

— Потому что сегодняшний день не был «драматичным»? А разве поездка на Грайнау — не приключение?

— Ты считаешь, быть сброшенной в большую лужу вонючей воды — это приключение? — Я презрительно фыркнула. — А у тебя когда-нибудь были приключения?

— Нет, кажется. Но это не значит, что их не существует.

— Разве?

Джимми покачал головой.

— Не знаю, что с тобой случилось. Должно быть, у тебя плохое настроение. Кстати, готов заключить пари, что организую настоящее, крутое приключение. Только надо постараться.

— Как? — бросила я вызов.

Он упрямо замотал своей рыжей головой.

— Пока не знаю. Но держу пари, что смогу организовать.

— О'кей, — согласилась я. — Пари принято.

Корабельная Ассамблея, как и большинство

других массовых мероприятий, проходит по определенному сценарию. Кто-то должен присматривать за организацией дела, чтобы всем хватило стульев, чтобы работали микрофоны, и прочее. Теоретически, этим может заниматься любой человек, на которого взвалят эту работу, но окончательные решения принимает тот, кто председательствует на Ассамблее — в данном случае мой Папа. Я думаю, он и сам был заинтересован в том, чтобы на этой Ассамблее, первой, которая проходила под его началом, все прошло гладко.

В тот вечер, когда должна была собраться Ассамблея, ко мне в гости на ужин пришла Зена Эндрюс. Так уж получилось, что мы с ней подружились. У нее осталась привычка временами скулить, но это не самый худший изъян в мире, и смелость у нее все-таки была.

Мы еще не принялись за десерт, когда раздался звонок в дверь. Это пришел мистер Табмен.

— Ты просил зайти в шесть тридцать, — оправдываясь, произнес он, видя, что мы еще не закончили ужин.

— Все в порядке, Генри, — успокоил его Папа. — Я уже почти готов. Миа, ты знаешь, где находится десерт. Когда поедите, вымой тарелки и поставь

их на место.

— Зачем ты мне напоминаешь? — обиделась я.

— Извини, — ответил он. — Просто не так уж много времени прошло с тех пор, как мне незачем стало напоминать. Это старая привычка. — И Папа с мистером Табменом отправились на Второй Уровень.

На десерт был пломбир. Мы принялись за него, и Зена спросила:

— А чего это вдруг собирается Ассамблея? Мои папа с мамой идут туда, но зачем, они мне не объяснили.

— Об этом же все вокруг говорят. Я думала, ты знаешь, — удивилась я. — А вот и не знаю, — сказала она. — Я не слежу за подобными вещами.

Пари держу, ты раньше тоже не обращала на них внимания, пока твой Папа не стал Председателем Совета Корабля.

— Ну пусть не следила, но вообще интересовалась.

И я рассказала ей все, что знала сама.

— Ерунда какая. — Зена пожала плечами. — Они всегда могут избавиться от ребенка. Все равно она не смогла бы тайком родить и вырастить его. По-моему, здесь слишком много шума из ничего.

— Это дело принципа, — сказала я.

Зена опять пожала плечами и вернулась к пломбиру. Это у нее была уже вторая порция. Казалось, она вообще все на свете воспринимает проще, чем я.

Доев и выбравшись из-за стола, Зена уселась на полу в моей спальне и принялась методично разбирать одну из моих кукол. К счастью, она и предназначалась для разборки. Требовалась только осторожность — кукла была деревянная, старая и растрескавшаяся. По происхождению она была русской и попала в нашу семью очень давно, еще на Земле. Внутри большой куклы помещалась другая, поменьше, которая разбиралась тоже, а всего там было целых двенадцать кукол, одна в другой. На такую игрушку человек тратит уйму времени.

Сидя на постели и скрестив ноги, я наигрывала на старинной игрушечной флейте, которую обнаружила пару месяцев назад, простенькую мелодию. Ничего более сложного у меня не получалось, для этого нужно было быстрее двигать пальцами, а этого-то я и не умела. Но и так выходило неплохо.

— Тебе нужен этот шум? — спросила Зена.

— «Тот, у кого нет музыки в душе, — прогово-

рила я, — того не тронут сладкие созвучья». — Я закрыла глаза, пытаясь вспомнить дальше. — «…Способен на грабеж, измену, хитрость…»

— Что это значит?

— Это цитата. Из Шекспира.

— Если ты имеешь в виду меня, — сказала Зена, — то не по адресу. Я музыку люблю.

Я снова взялась за флейту.

— Ну так это — музыка.

— Тебе бы стоило попрактиковаться наедине, пока ты не научишься играть.

Я подпрыгнула, отложила флейту, перескочила через Зену на пол, чтобы добраться до видика, и включила первый канал.

— Ассамблея уже началась.

Зена бросила на меня кислый взгляд.

— Мы что, обязаны это смотреть?

— Мне и Джимми полагается, — ответила я.

— То есть Джимми Дентремонту?

— Да.

— Ты проводишь с ним много времени?

— У нас один учитель, и мы в одном классе выживания, — ответила я.

— О, — произнесла Зена. Она расставила кукол в ряд. — Он тебе нравится? Мне он всегда казался слишком ушедшим в себя.

— Не знаю, — ответила я. — Он умный. И вообще — нормальный парень.

Я плюхнулась на пол и прислонилась спиной к постели. На экране видика Ассамблея должна была вот-вот открыться.

— Всегда успеем выключить, если будет неинтересно, — сказала я.

Следующие два часа мы наблюдали за Ассамблеей.

Казалось, все заранее знали суть вопросов, требующих разрешения. Оставалось только изложить дело представителям обеих сторон, задать вопросы из зала, вызвать свидетелей, задать еще несколько вопросов для проформы и окончательно проголосовать. Таков протокол. Папа, как Председатель, сам в спор не ввязывался.

За Корабль выступил мистер Табмен. Еще один член Совета, мистер Персон, подал прошение за другую сторону. В число свидетелей входили Корабельный Евгеник, юрист, назвавший параграф нарушенного закона, Алисия Макриди, которая выступала сама за себя, и несколько людей, знавших ее и выступавших в ее пользу.

Совет и свидетели сидели за столом в центре амфитеатра. Каждый взрослый на Корабле имел собственное кресло в зале и мог попросить сло-

ва, если хотел. Теоретически Ассамблея могла длиться часами, но это-то и было заботой Папы. Он руководил Ассамблеей, заставляя свидетелей говорить побыстрее, и прекращал ненужную болтовню, предоставляя, однако, равное время для выступлений обеим сторонам. Как Председатель Совета он не должен был отдавать предпочтения ни одной из них, и, насколько я понимала, он так и делал, хотя в данном случае я знала, каким было его собственное мнение. За него говорил мистер Табмен.

Воистину, стороне Макриди нечем было крыть. Им оставалось лишь подать просьбу о снисхождении. Алисия Макриди заплакала даже, но Папа заставил ее прекратить.

— Итак, мы все согласны, — заявил мистер Персон, — что это был глупый поступок. Что же еще обсуждать? Алисия Макриди — гражданка этого Корабля. Она прошла через Испытание. Она имеет такое же право жить здесь, как и любой из нас. Вы все видели, как она унижалась сейчас перед вами. Без сомнения, такое просто не может произойти вновь. Это была ошибка, сделанная в минуту слабости, но она повлекла за собой чистосердечное раскаяние. На этом я предлагаю поставить точку в деле Алисии Макриди. Мистер

Табмен в ответной речи говорил куда резче, чем я ожидала:

— Можно, конечно, ничего не добавлять к сказанному, но есть несколько поправок, которые я хотел бы сделать. Если то, что мистер Персон называет «публичным унижением», — наказание, то Макриди причинила его себе сама, и его смело можно сбросить со счетов. Дело мисс Макриди можно было решить на Совете. Вынести его на Ассамблею — ее собственный выбор. А во-вторых, это так называемое раскаяние. Раскаяние, если разобраться, чересчур легко ей далось, и, значит, его тоже можно спокойно сбросить со счета. «Ошибка, сделанная в минуту слабости»? Едва ли. Ей потребовалось больше месяца трудиться своими половыми органами, чтобы забеременеть. Вряд ли здесь можно говорить о «минуте» слабости — так что забудьте и об этом тоже. Но есть и еще кое-что. Тут речь идет об основном принципе. Мы — крошечный, бесценный островок, затерянный во враждебном океане. Мы избрали такой образ жизни, который, если ему неукоснительно следовать, позволит нам уцелеть и продолжить род. Но если мы будем нарушать свои же законы, мы не выживем. Алисия Макриди сделала выбор. Она решила родить пятого ребенка, несмотря

на то, что Корабельный Евгеник не дал на то разрешения. Это был выбор между ребенком и Кораблем, и выбор сделан. Он должен повлечь за собой последствия, о которых Алисия Макриди знала, когда делала свой выбор. Будем ли мы справедливы к ней и к себе самим, если не встретим сами и не поможем ей встретить лицом к лицу эти последствия? Мы не варвары. Мы не станем убивать ни мисс Макриди, ни ее ребенка, который еще не рожден. Мы лишь предлагаем ей то, что она избрала сама: ребенка, а не Корабль. Мы высадим ее на ближайшую планету-колонию. И пожелаем ей удачи.

Это был изящный способ вынести почти стопроцентный смертный приговор. Но здесь мистер Табмен не был не прав — она заслуживала того…

Затем состоялось голосование. 7983 человека высказались за то, чтобы позволить Макриди остаться; 18401 — за изгнание с Корабля.

Алисия Макриди упала в обморок — реакция истерички. Мистер Персон и несколько друзей окружили ее. Люди начали покидать огромный зал. Ассамблея закончилась.

Я встала и выключила видик.

— А как бы проголосовала ты? — спросила я.

— Не разбираюсь я в этих вещах. — Зена подня-

ла на меня взгляд. За происходившим на экране она следила только краем глаза. — Ей не дадут ни лошади, ни оружия, ни ранца-вертолета, когда высадят на планету, вообще ничего, да?

— Наверное, да.

— Ты не считаешь, что это слишком сурово?

— Мистер Табмен же говорил: у нас есть законы, которые мы обязаны соблюдать. И если кто-то не соблюдает, он не может оставаться здесь, на Корабле. Ей оказали снисхождение уже тем, что позволили вынести вопрос на Ассамблею.

Зена с кислым видом взглянула на меня и сказала:

— Что сделает твой отец, когда вернется домой и обнаружит, что ты не выбросила остатки от ужина?

— О, небо! — спохватилась я. — Я же совсем забыла!

Я вообще предпочитаю откладывать работу на будущее. Даже когда ее можно сделать быстро. Об оставшейся с ужина посуде я умудрилась забыть начисто.

Пока я собирала пластиковые тарелки и швыряла их в мусоросжигатель, Зена от меня не отставала:

— Почему ты так ратуешь за соблюдение за-

конов?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ты так за них цепляешься, совсем не допускаешь исключений. А этой Макриди теперь предстоит умереть.

— Я же не голосовала. Я никакого отношения не имею к решению Ассамблеи.

— Не в этом суть…

Но в чем заключалась суть, Зена мне не сказала.

Папа вернулся домой минут через десять после того, как я успела замести следы ужина.

— Голосование прошло, как ты ожидал? — спросила я у него.

— Да.

— А я убрала все тарелки.

— Я ни на минуту в этом не сомневался, — ответил Папа.

Тот же вопрос я задала при следующей встрече мистеру Мбеле.

— Я не был удивлен, — ответил мистер Мбеле. — Точку зрения твоего отца разделяют на Корабле многие. Поэтому он и стал Председателем.

Быть может, это анахронизм — говорить на Корабле о временах года, но это традиция. Напри-

мер, июль, август и сентябрь мы называем «лето». Несуразность этого никогда не бросалась мне в глаза. И только в пятнадцать или шестнадцать лет, начав изучать факторы, определяющие погоду на планетах, я впервые всерьез задумалась о значении терминов, которые мы так небрежно используем.

Ясно было, что с годами на Корабле они утратили свой первоначальный смысл и теперь означали просто деление года на четверти. И, если уж на то пошло, тот факт, что мы до сих пор пользуемся земной календарной системой — и вовсе анахронизм, но это тоже традиция.

Однажды я упомянула о своих раздумьях одному своему другу. (Я не называю его имени. Он несколько раз появляется в этой книге, но у него хватает забот и без того, чтобы выглядеть дураком в этом эпизоде.) Я сказала:

— Ты понимаешь, получается, что раз мы считаем ноябрь осенним месяцем, то, значит, большинство населения Корабля — потомки тех, кто первоначально жил в северном полушарии Земли…

— Ну, — ответил он, — если тебе захотелось это узнать, запроси из библиотеки старые Корабельные Списки. В чем тут проблема?

— Ты считаешь, это неинтересно? — спросила я.

— Ага, неинтересно, — ответил он.

Наверное, «дурак» — не то слово, которое я хотела употребить. Здесь лучше подходит «вздорный тип».

Так или иначе, лето моего двенадцатилетия прошло. Сейчас оно представляется мне чередой множества событий, и я уже не помню, в каком именно порядке они происходили. Я могла бы сама выдумать их хронологию, но, поскольку ни одно из этих событий не является слишком важным, я не буду этого делать. К примеру, тем летом у меня начались месячные — но это важно лишь в том плане, что стало еще одним признаком взросления. И только.

Потом были уроки танцев. Вы вполне законно можете удивиться, какое отношение к нам имеют уроки танцев, но они действительно были частью наших тренировок в классе выживания.

— Эти уроки даются вам не для развлечения или забавы, — объяснил нам мистер Марешаль. — Все очень серьезно. Вы спотыкаетесь о собственные ноги, вы не знаете, куда девать свои руки. Если вы окажетесь в такой ситуации, когда вам придется мгновенно сделать единственно верное

движение, вы должны суметь его сделать. Ваше тело должно работать на вас, а не против вас. И, клянусь, я дам вам не только уроки танцев, но и вязания тоже. Конечно, мы обучались не только вязанию и танцам. В программе был и рукопашный бой, и инструктаж по оружию, и преподавал все это мистер Марешаль. Он показывал нам фильмы о том, как правильно выхватывать пистолет, как ронять его, чтобы потом удобнее было подбирать; были фильмы о том, как безопасно падать с лошадей (я потом сама дважды это проделала); фильмы о людях, охваченных паникой. Эти ленты снимались на полосе препятствий, а там действительно можно потерять голову. В конце лета, перейдя из Шестого Класса в Пятый, мы сами стали проходить через полосу препятствий. Главной целью этих занятий было научить нас не каким-то конкретным умениям, а искусству спокойно и разумно реагировать в экстремальных ситуациях.

Да, пожалуй, я была не права, что обучение с начала до конца будет скучным. Класс выживания — серьезная вещь, учиться там трудно, но интересно. Приключений, правда, было маловато, но меня это больше не беспокоило, моя жажда авантюр почти бесследно исчезла.

В классе выживания я приобрела новых друзей и тратила на них довольно много времени. Теперь я гораздо меньше виделась с людьми вроде Зены Эндрюс, а встретившись как-то с Мэри Карпантье, обнаружила вдруг, что нам почти нечего друг другу сказать. И, кажется, мы так больше и не перезванивались никогда.

Но, наверное, самым важным было то, что из тридцати одного члена нашего класса выживания как-то сама собой выделилась группка-ядро из шести человек. Нас едва ли связывала взаимная дружба, поскольку в группу не вошли некоторые из моих хороших друзей, но зато вошла Вени Морлок. Это была просто компания. По настоянию Джимми я сводила ребят на Шестой Уровень, и мы потратили целый день на его исследование. В экспедицию ходили я, Вени и Джимми, Эллен Пак, Ригги Аллен и Атилла Сабоди. Атилла, Эллен и, пожалуй, Джимми были моими личными друзьями, Ригги был старым другом Атиллы, а Эллен и Ригги, в свою очередь, чем-то привлекала Вени. Таким вот образом и подобралась наша компания, и путешествие на Шестой Уровень — наверное, некоторые воспринимали его как нечто вроде приключения, хотя я просто развлекалась — создало еще одну

объединяющую связь. Обычно мы собирались на час-другой после каждого занятия в классе выживания, но иногда и по выходным. Изредка к нам присоединялись другие ребята, но рано или поздно они обязательно отсеивались.

В один прекрасный день после занятий мы впятером сидели в Общей Зале закусочной Лео-Куода на Пятом Уровне. На челноке это совсем близко от Входных Ворот № 5 — самое удобное место для наших сборищ, потому что лишь несколько челночных пересадок отделяли каждого из нас от своего дома. В Лео-Куоде мы никого не знали и ориентировались там не очень хорошо, но так уж вышло, что у нас здесь было постоянное место, свой уголок, и через некоторое время мы уже не чувствовали себя чужаками.

Из всей компании отсутствовал один Джимми. Последнюю неделю он каждый день куда-то спешил после занятий, бормоча и подсмеиваясь про себя, словно у него было некое собственное тайное дельце. Всем видом он показывал, насколько он наслаждается своей тайной, но пусть он будет проклят, если что-нибудь кому-нибудь расскажет.

Я лениво водила карандашом по листку бумаги, прорисовывая одну пришедшую в голову

идею. На столике стояла еда и напитки, но мы не особенно на них налегали и просто болтали о том о сем. Этот красный столик в левом углу помещения, отведенном детям до четырнадцати лет, был нашим излюбленным местом.

Больше всего мы обсуждали предстоящую в субботу утром игру в футбол; матч должен был состояться в родном Куоде Атиллы — Рот-Куоде, Четвертый Уровень, и самая главная проблема заключалась в том, сумеем ли мы набрать необходимое число игроков. Мне вдруг подумалось, что с недавнего времени я сумела пройти определенный путь: сейчас я уже не чувствовала прежней привязанности к родному Куоду.

— Может, Джимми будет играть? — спросил Атилла.

Атилла был самым рослым из нас и очень спокойным парнем. Обычно он мало говорил, просто молча сидел, но иногда вдруг выдавал нечто совершенно потрясающее, тем более удивительное, что он не был той личностью, от которой ожидаешь услышать что-нибудь интересное, умное и значительное.

— Его Миа попросит, — сказала Эллен.

— Ладно, — согласилась я. — Я передам ему, чтобы он вам позвонил. Я тоже думаю, что он за-

хочет поиграть, если только не будет занят этим своим таинственным делом. А вообще, он неплохой полузащитник. — И я снова сосредоточилась на своем рисунке.

— Что это ты там делаешь? — спросил Ригги и выхватил листок у меня из-под руки. Ригги — тип, которому не в футбол бы играть, а фрикадельки гонять по тарелке. Мне он казался отнюдь не самым симпатичным человеком в мире. У таких людей отсутствуют всякие тормоза, и они, сделав первое, что пришло им в голову, неважно, есть ли в этом хоть малейший смысл, обычно затем искренне огорчены последствиями. Но Ригги не глуп, ему не чужд такт, у него только нет чувства меры.

— Что это значит? — спросил он, показывая на бумагу. Вени и Эллен, сидевшие на его стороне стола, тоже взглянули на листок.

После нескольких неудачных попыток я довольно похоже изобразила кулак, сжимавший длинную гладкую стрелу. Я не художник, и мне приходилось все время поглядывать на свою собственную руку, чтобы нарисовать поразборчивее. Стрелу я сумела нарисовать без образца.

Я попыталась отнять рисунок, но Ригги убрал его за пределы моей досягаемости.

— Угу, — сказал он, передавая листок Вени. Вени, нахмурясь, посмотрела на бумагу, следя, чтобы я ее не отобрала.

Пожав плечами, я сказала:

— Если хотите знать, у этой штуки есть смысл. Это своего рода рисованный каламбур.

— Ребус? — уточняюще спросил Атилла.

Я кивнула.

— Дай-ка мне поглядеть. — Он забрал листочек у Вени.

— Что-то я не врубаюсь, — сказала Вени. — Стрела в руке…

— В кулаке, — поправил Ригги. — Пальцы сжаты.

— Это моя фамилия, — устало объяснила я. — «Владеть стрелой».[3]

— Да ну… — проговорила Вени. — Неинтересно…

— А мне кажется, это не так уж глупо, — возразила Эллен. — По-моему, неплохая идея.

— «Хоть вещь и некрасива, да своя», — процитировала я.

Вени бросила на меня негодующий взгляд.

— Выпендриваешься, да? И что это значит?

---

[3] Примечания: 3

have arrow владеть стрелой (англ.); созвучно фамилии героини: Хаверо

— Миа читает Шекспира, — заступилась за меня Эллен. — По заданию учителя. Она заучивает стихи, вот и все.

Ригги снова забрал листок и внимательно на него посмотрел.

— А мне нравится, — заявил он. — Остроумная идея. Интересно, а я смогу как-нибудь обработать свою фамилию?..

Довольно долго мы корпели над всеми нашими фамилиями, но ничего путного у нас не вышло. С натяжкой мы получили «пак» — маленький рюкзачок для Эллен, но это не было настоящим символом. Сабоди и Аллен обработке почти не поддавались.

— У меня есть кое-что, — заявил вдруг Ригги. Все это время он что-то рисовал, сосредоточившись и никому ничего не показывая. С торжествующим видом он протянул лист с нарисованной на нем серией замков. — «Еще замок».[4] Поняли?

Мы-то поняли, но нам не понравилось. Ригги покрыл своими замками целый лист, а это едва ли можно назвать краткостью.

У меня же из фамилии Морлок получился вполне пристойный троглодит.

---

[4] Примечания: 4
more-lock — еще замок (англ.)

— Что это? — спросил Атилла.

— Это тоже «Морлок».

Вени выглядела недовольной, и Ригги мгновенно бросил вызов.

— Каким это образом эта штука означает «Морлок»?

— Это из одного старого романа, который называется «Машина времени». В нем есть раса подземных чудищ — морлоков.

— Выдумываешь, — не поверила Вени.

— А вот и нет, — обиделась я. — Ты сама можешь посмотреть в этой книге. Я прочитала ее еще в Альфинг-Куоде, так что все, что тебе нужно сделать, это запросить копию.

Вени посмотрела на рисунок. А потом вдруг сказала:

— Ладно. Я ее прочитаю.

Я почти полюбила ее за эти слова. Ведь я понимала, что не очень-то добра к ней, поднимая эту тему. Будь у меня такая фамилия, я лично могла бы воспользоваться троглодитом как символом, но то, что Вени переварит эту идею, да еще исходящую от меня, я никак не ожидала. Это требовало больше чем…

Объективности, но еще и способности отделить себя саму от своего имени.

— А вот и Джим, — сказал вдруг Атилла.

Джимми Дентремонт прошел между столиками, подцепил свободный стул и бухнул его рядом со мной.

— Привет, — сказал он.

— Где ты был? — спросила Эллен. Эллен — удивительная девочка. У нее светлые волосы и раскосые глаза со складкой эпикантуса. Совершенно дикая комбинация.

Пожав плечами, Джимми кивнул на кучу наших набросков.

— Что это все значит?

Мы ему объяснили.

— А, — произнес он. — Это просто. Свою фамилию я могу изобразить без всяких хлопот. — Он взял карандаш и нарисовал две горы, а между ними — тощую фигурку человека. Вместе с остальными я тупо уставилась на него.

— Моя фамилия означает «между гор», — объяснил он.

— Да? — усомнился Ригги.

— По-французски.

— Я и не подозревала, что ты знаешь французский, — сказала я.

— Я не знаю. Я только выяснил насчет своей фамилии, потому что знал, что она французская.

— А как я? — спросил Атилла. — Хотел бы я знать, не означает ли моя фамилия что-нибудь по-венгерски?[5] Джимми прочистил горло, оглядел всех, а затем повернулся ко мне:

— Миа, ты помнишь наше пари насчет приключения?

— Помню.

— Ну так вот, я его придумал. Я именно этим и был занят последние дни.

Немедленно Эллен потребовала объяснений, и мне пришлось повременить с вопросом, во что же такое я встряла.

— Если у вас пари, то какие в нем ставки? — спросил Ригги.

Джимми вопросительно посмотрел на меня, потом сказал:

— А мы вообще без ставок. Я думал, что если организую подходящее приключение, то Миа должна будет испытать его вместе со мной.

Под взглядами пяти человек мне ничего не оставалось делать, как соглашаться.

— Ладно. Принимаю.

— О'кей, — сказал Джимми. — Значит, так. Нам предстоит выйти на поверхность Корабля.

---

[5] Примечания: 5
dentre mount — между гор (фр.); sabo — портной (венг.)

Наружу.

— А это не опасно? — спросила Эллен.

— Это приключение, — ответил Джимми. — Приключениям полагается быть рискованными.

— И все-таки? Снаружи опасно? — спросила я.

— Не знаю, — признался Джимми. — Я не знаю, что там, я пытался выяснить, но не сумел. Но мы это сами узнаем, это будет частью приключения. Но даже если там неопасно, есть и другие трудные моменты. Нам придется достать скафандры, в которых выходят наружу, и еще надо будет как-то туда выбраться. Дело будет нелегким.

— Я тоже хочу с вами, — заявил Ригги.

— Только Миа и я. — Джимми покачал головой. — Но если вы захотите нам помочь, мы не откажемся. Помощь лишней не будет.

Ребята за столом переглянулись, потом все одновременно кивнули. В конце концов, мы были одной компанией, а приключение — слишком заманчиво, чтобы его упускать.

Наша шестерка в полном составе (Джимми был на шаг впереди, показывая дорогу) шла по коридору на Первом Уровне. Что-то особенное есть в том, чтобы быть частью тесно сплоченной группы. Это довольно волнующее чувство. И даже, если оно на 90 % самообман и мелодрама, все

равно. Я наслаждалась этим, остальные — тоже, и я едва удерживалась от того, чтобы тайком не оглядываться, как разведчики во вражеском тылу; мне казалось, что это тоже входит в нашу игру.

Полуобернувшись, Джимми показал вперед и налево.

— Ну вот она…

В маленькой нише глубиной всего в пару футов аспидно чернела дверь, лишенная каких-либо опознавательных знаков. На Корабле это было странно: обычно люди старались наделить окружающие вещи характерными чертами, и в результате Корабль стал весьма колоритным местом. Черная же дверь, без всяких рисунков и украшений, явно несла предупреждение любому, кто к ней подойдет: «Держись от меня подальше!»

— За этой дверью — воздушный шлюз, — сказал Джимми. — А за шлюзом — поверхность Корабля.

На двери не было видно никаких кнопок, ручек или запоров, только отверстие для электронного ключа. Такой ключ, когда его вставляют в скважину, испускает дискретный сигнал определенной частоты, и замок открывается.

Атилла и Джимми кое-что понимали в электронике, и они вместе тщательно осмотрели дверь. Через минуту Атилла воскликнул:

— Ха, замок-то чисто символический!..

— То есть? — заинтересовалась я. Мы полукольцом окружили мальчиков у двери.

— Этот замок предназначен только затем, чтобы держать дверь закрытой, ответил Атилла. — Люди должны знать, что дверь эта должна быть закрыта, это ее нормальное состояние. Но я смогу открыть замок, нужно только немного поработать.

— А ты сможешь его открыть к следующей субботе? Если считать с завтрашнего дня? — спросил Джимми.

— Конечно.

— Тогда давайте все распланируем. Эллен, ты поможешь Атилле. Будешь стоять на стреме, следить, чтобы его не поймали у этой двери. Иначе все наши планы рухнут. — Он повернулся к нам. — А мы попробуем достать скафандры.

— А мне можно с вами пойти? — спросила Эллен. — Мне ведь тоже интересно. Я не хочу ничего пропустить.

Любопытно — из нашей шестерки Джимми был почти самым маленьким по росту (меньше была

только я), но все же он, когда хотел, легко подчинял себе других. Значит, в идее о природной способности к лидерству есть зерно истины…

— Кто-то должен быть на стреме, — сказал Джимми. — Кроме того, вы же все равно останетесь здесь, когда мы выйдем наружу. И ничего страшного, если вы не увидите, как мы стибрим скафандры.

Чтобы попасть в Ремонтную — следующий пункт нашей экспедиции, — мы отправились коротким путем, через Инженерную. Идя по главному коридору с кабинетами по сторонам, наша четверка, должно быть, производила немалый шум. Потому, наверное, позади нас вдруг распахнулась дверь одного из кабинетов, и оттуда выскочила пожилая женщина.

— А ну-ка стойте! — скомандовала она.

Мы обернулись. Дама была низенькой, телосложения приземистого, совершенно седой, и ей явно было больше сотни лет. Наверное, она была даже старше мистера Мбеле. Вид она имела крайне рассерженный.

— Что вы здесь делаете? Зачем шумите? Вы что, не понимаете, что здесь люди работают?!

Обеспокоенно Джимми ответил, что мы просто идем в Ремонтную, и совсем никому не желаем

никаких неприятностей.

— Это вам не общественный коридор! Если у вас никаких дел в Инженерной нет, то нечего тут болтаться. Что за дети! Никакого чувства ответственности! Зачем вы идете в Ремонтную?

Ближе всех к этой мегере находился Джимми, и вопросы, естественно, предназначались прежде всего ему.

— Э-э-э…

Школьное задание… У нас такое школьное задание, — нашелся Джимми.

— Совершенно верно, — поддакнула я.

Старуха посмотрела на Вени и Ригги.

— А вам что здесь надо?

И, вместо того, чтобы сказать очевидное, Ригги ответил:

— А мы с ними.

— Отлично, — отрезала мегера. — Вы, двое, отправляйтесь домой. А вы, — она показала на нас с Джимми, — можете идти дальше, но чтобы здесь…

Ноги чтобы вашей больше здесь не было!..

Беспомощно посмотрев на нас, Вени и Ригги повернулись и пошли в обратную сторону. На самом деле, эта старуха не имела никакого права их выгонять, но у нее был такой свирепый напор, что

она начисто лишила нас воли к сопротивлению. И под бдительным оком мегеры мы с Джимми что было духу побежали в сторону Ремонтной. Да уж, не перевелись еще люди, которые чувствуют себя сильными, только подавляя других.

Реставрационная и Ремонтная — это небольшие отделы в Инженерной. В самой Инженерной находятся огромные цеха, конструкторские бюро и испытательные стенды. Реставрационная и Ремонтная — как кончик собачьего хвоста. Там совсем мало персонала и нет той аккуратности, которая присуща Инженерной.

Ремонтная оказалась настолько захламленным помещением, что мы даже растерялись. Там было полно всевозможных столов, стульев, всяческой мебели между грудами предметов можно было бродить неделями и месяцами, и тебе постоянно попадалось бы что-нибудь новенькое и интересное. А главное — все это окутывал самый интригующий и, одновременно, непонятный запах, с которым я когда-либо сталкивалась. Его одного было бы достаточно, чтобы вы захотели провести здесь чуть ли не все свое свободное время.

Мы осторожно огляделись. Поблизости, передвигаясь по проходам, работали двое техников.

— Пошли, — прошептал Джимми. — Я знаю, скафандры у них где-то здесь. Наверное, они заперты. Нужно поискать…

Стараясь не попадаться техникам на глаза, мы осмотрелись кругом и разошлись — Джимми выбрал один проход, я — другой. И сразу же я заблудилась в кучах сломанных игрушек. Когда Джимми схватил меня за локоть, я аж подскочила.

— Извини, — сказал он. — Я их нашел. Оказывается, они даже не заперты. Просто висят здесь на вешалках.

— Откуда ты знаешь, что ими можно пользоваться? — спросила я, слегка подталкивая носком ноги сломанную куклу. — Если они вроде этой игрушки, лучше бы нам о них забыть.

— Нет, — сказал Джимми. — Это те скафандры, в которых они сами выходят наружу. Там есть бирки, а в них указано, когда скафандром пользовались в последний раз. Нам нужно придумать, как их стащить. О, черт!..

Из глубины прохода прямо к нам приближался симпатичный техник — невысокий моложавый мужчина с волосами мышиного цвета.

— Чем могу вам помочь, ребята? — спросил он.

— Я — Миа Хаверо, а он — Джимми Дентре-

монт, — представила я нас обоих.

— Очень приятно, — сказал техник. — Моя фамилия Митчелл. — И с поднятыми бровями он продолжал ждать ответа. Сунув руку в карман, я вынула пару сложенных листочков бумаги и неуверенно произнесла:

— Не знаю, сможете ли вы нам помочь… Может быть, мы пришли не по адресу…

Джимми молчал, не понимая, куда я клоню.

— Посмотрим, посмотрим… Что это такое? — спросил мистер Митчелл.

Это были наброски — Джимми и мой, которые я прихватила со столика в Лео-Куоде. И мне пришлось растолковать их значение, иначе мистер Митчелл не понял бы — причем здесь наши фамилии.

— Тут у нас грубые наметки, — сказала я. — Нам бы хотелось нарисовать их получше, а потом сделать значки. Их можно было бы носить вроде гербов. — Хм, произнес мистер Митчелл. — Да. Почему бы и нет? Может быть, и не наш отдел должен этим заниматься, но мне идея понравилась. Наверное, я смогу вам помочь. Как вам понравится такой значок из керамики?

— Великолепно! — воскликнул Джимми. — Можно, мы зайдем к вам в субботу утром?

— По субботам обычно дежурит только один техник, но я полагаю…

— А как насчет следующей недели? — спросила я. — Завтра у нас в Куоде важный футбольный матч, нам надо быть там.

— О, разумеется, — согласился мистер Митчелл. — А знаете, я даже поменяюсь дежурствами с напарником. Встретимся здесь в субботу, через неделю!

После того, как мы поблагодарили его и ушли, Джимми сказал мне:

— Да, здорово ты врешь! Как ты до этого додумалась?

— До чего?

— Насчет игры в футбол.

— А! Так я ничего и не выдумывала. Я как раз и собиралась тебе сказать. Ребята в самом деле хотят завтра играть.

— Что ж, — сказал Джимми, — тогда ты совсем не такая хорошая лгунья!

Команда, в которой были я, Вени и Атилла, проиграла со счетом 5:3.

За следующую неделю мы завершили разработку своих планов. Попрактиковавшись, Атилла так хорошо изучил черную дверь, что она распахивалась, стоило ему щелкнуть пальцами, по

крайней мере так рассказывала Эллен. Атилла выглядел весьма довольным и скрывать этого не собирался. Как позаимствовать скафандры, мы тоже придумали неплохо.

Для Вени и Ригги Джимми набросал план Ремонтной и обозначил расположение скафандров.

— В субботу будет дежурить только один техник, — сказал он. — И он будет занят, помогая Мие и мне. Вам нужно будет только прокрасться к скафандрам, забрать их, а потом мы присоединимся к вам в шлюзовой.

У меня было немного свободного времени, а у Джимми нет, и я взяла Вени и Ригги в Ремонтную, чтобы показать им все на месте. Мистер Митчелл был далеко, и, не привлекая его внимания, мы завершили операцию рекогносцировки за двадцать секунд. Но на обратном пути та же самая старуха остановила нас в Инженерной и снова прочла лекцию. Теперь ее стол стоял так, что в открытую дверь кабинета она могла видеть всех, кто проходил по коридору. И особенно тех, кто шел, как она думала, не по делу. Фамилия мегеры, выставленная напоказ в виде таблички на столе, была Кейтли. Честно скажу, старуха нагоняла на меня страх. Поэтому, стоило ей на секунду

отвернуться, как наша троица уже делала ноги.

— Со скафандрами вам лучше не ходить этой дорогой, — посоветовала я. Хорошенькое дельце будет, если она вас с ними застукает.

Ригги побледнел и покачал головой.

— Она не должна была нас останавливать, — сказала Вени сердито. — Мы же не шумели, за что она нас остановила? — Но в конце концов она согласилась сделать крюк, чтобы не идти со скафандрами через Инженерную. Что ж, нельзя же рассчитывать, что абсолютно все пройдет как по маслу.

На самом деле, я опасалась не только старухи. Я вообще не испытывала восторга от идеи выхода на поверхность Корабля, и чем больше я о ней думала, тем меньше она мне нравилась. Корабль движется со сверхсветовой скоростью (за старым добрым барьером Эйнштейна), как бы размазываясь в пространстве (здесь работают уравнения дискретности Кауфмана-Чемберса). Я знала, что мысль о том, чтобы постоять на поверхности Корабля и посмотреть в Ничто, возбуждала Джимми, но меня она не возбуждала совершенно. Это было в моей натуре — все время сомневаться, хотя и с опозданием. Сомнения — нужна ли мне эта вылазка посещали меня всю неделю,

но, поскольку было уже поздно давать отбой, не выставляя себя при этом дурой и трусихой, я никому о них не говорила. И я начинала сожалеть, что вообще когда-то употребляла в жизни слово «приключение».

Пожалуй, в этом есть смысл: если уж ты собрался сделать что-либо экспромтом, то делать это нужно так, как действует Ригги, — сразу, пока импульс твой чист и свеж, и нечего тратить время на сомнения.

— Кто победил в том вашем футбольном матче? — спросил мистер Митчелл, прокладывая дорогу сквозь горы всякой всячины в Ремонтной — ломаной, наполовину починенной, а местами совсем исправной.

— Команда Джимми выиграла, — ответила я. — А моя проиграла. Знаете, — я перевела разговор в более актуальное русло, — вы, наверное, даже не представляете, что для нас значит ваша помощь…

— О, пустяки, — сказал он. — Вот, мы уже пришли. Это сушильная печь, где обжигаются готовые изделия. Для основы сгодится медь, сверху — эмаль, а уже на нее нанесем рисунок. Надо будет сделать парочку проб, чтобы получилось все в лучшем виде.

Он показывал нам каждый предмет и казался очень довольным своей новой ролью. Может быть, ему нравилось помогать непоседливым ребятишкам, льстило их внимание, или причина была во мне — симпатичной девочке, а может, ему просто доставляло удовольствие работать, выпекая, так сказать, «ювелирные изделия». Сама я рассматривала эти значки лишь как предлог, хотя процесс изготовления, надо сказать, захватывал. Но я не лудильщица. А вот Джимми — и мистер Митчелл да. Оба они принадлежали к одному типу людей, эдакому «давай-поколдуем-посмотрим-что-получится», и отлично поладили друг с другом.

Начали они с подбора медной основы, доводки рисунков и подбора цветов. Постепенно меня выжили на позицию стороннего наблюдателя, Джимми же завладел главной ролью — он и придумывал, и творил, а мистер Митчелл только подавал ему советы из-за плеча. Так получилось не по моей воле, а по моей вине: первые же мои попытки оказались неудачными.

Надо сказать, когда я впервые увидела Джимми Дентремонта, он тоже с чем-то возился, по крайней мере, мне так показалось. Спору нет, здесь он добился приличных успехов, и, наверное, по-

этому (конечно, плюс энтузиазм, плюс некоторая умственная близорукость, плюс желание доминировать) его иногда заносит. Уже не впервые он оттирал меня в сторону, и мне это, естественно, не нравилось. И, не забывая о необходимости (и неизбежности) нашего сотрудничества, в такие минуты я сильно сомневалась — а нравится ли мне этот Джимми?

Но в данном случае я почувствовала лишь небольшое раздражение, поскольку на уме у нас были планы покрупнее. Но, раз уж мне достался такой жребий наблюдать, я постаралась выжать из него все возможное и увидела-таки то, чего не заметили ни Джимми, ни мистер Митчелл.

Когда очередные образцы наших гербов отправились в печь, я легонько толкнула Джимми в бок.

— Извините, мистер Митчелл, но нам уже пора обедать, — проговорила я с постной миной на лице.

— А-а-а? — протянул Джимми, медленно переключая внимание с печи на меня. На самом деле обедать было несколько рановато, и Джимми это прекрасно осознавал. Сосредоточившись на конкретной, но сиюминутной задаче, он начисто забыл про наши главные цели, и, чтобы восста-

новить ему память, пришлось ткнуть его в бок еще раз.

— Мы пойдем поедим, а потом вернемся посмотреть, как получились эти пробы, — сказала я.

У Джимми хватило здравого смысла, чтобы кивнуть.

Мистер Митчелл был немного сбит с толку. Только-только у них с Джимми установилась какая-то связь, они вместе трудились над одной задачей, и вдруг Джимми внезапно все бросает и собирается сматываться.

— Конечно… Разумеется… — растерянно сказал мистер Митчелл. Ничего другого ему и не оставалось.

Выйдя из Ремонтной, Джимми заметил:

— Знаешь, я был не прав на прошлой неделе, насчет твоего умения врать. Совершенно неубедительно это прозвучало, про обед…

— Да? Что-то не заметила, чтобы ты придумал что-нибудь получше, — съязвила я в ответ, быстро шагая вперед, и, пока Джимми соображал, как бы ответить, расстояние между нами увеличилось, и ему пришлось догонять меня чуть ли не бегом. Мне же хотелось показать ему, что я говорю дело и раздражена всерьез.

— Что с тобой? — спросил Джимми. — Я же

ничего такого не хотел сказать…

— Не в этом дело, — ответила я.

— А в чем?

— Ни в чем, — отрезала я. Затем сказала: — Они достали скафандры уже полчаса назад. Вени помахала мне рукой. А ты с этим Митчеллом уткнулся в стол…

— Надеюсь, они взяли самые маленькие скафандры, — сказал Джимми. — Я забыл их предупредить.

Коснувшись рукой его локтя, я остановилась.

— Постой-ка. Давай лучше вернемся и обойдем кругом. — Я показала на коридор впереди. — Не хочу, чтобы эта старая ведьма снова наорала на меня. На лице Джимми появилось бесовское выражение. Оно ему удивительно идет, получается отличная комбинация с рыжими волосами и оттопыренными ушами.

— Давай рискнем, — предложил он. — Давай пробежим по коридору, а если она выйдет, то вообще не будем останавливаться.

Ну, настал и мой черед! Коридор протянулся перед нами, словно брошенная перчатка. Дверь в кабинет старухи Кейтли была открыта, но мы находились далеко, вполне хватало места разогнаться, чтобы преодолеть примерно тридцать

ярдов, отделяющих ее дверь от угла, за которым мы окажемся в полной безопасности.

— О'кей!

И, чувствуя себя маленькой белокурой Съюзи Денджерфилд, бегущей между рядов враждебных ирокезских воинов, я рванула с места в карьер.

Джимми бегал быстрее, он легко меня обогнал и несся скачками на шаг-два впереди. Пробегая мимо кабинета старухи, я бросила взгляд направо. Кабинет был пуст.

— Эй, подожди! — задыхаясь, проговорила я. — Ее там нет!

Уже добежав до угла, Джимми оглянулся…

И вдруг врезался в кого-то на всем скаку. Он отпрянул, стукнулся о стену, но не упал, и я, затормозив, остановилась рядом.

На полу сидела старуха Кейтли, седые волосы и все такое, с выражением оскорбленного достоинства на лице. Она подняла на меня взгляд.

— Здравствуйте, — сказала я. — Хороший денек, не правда ли? Перешагнув через нее, я двинулась по коридору самым что ни на есть степенным шагом. Еще не пришедший в себя Джимми тоже сделал самое лучшее: — Приятно было с вами увидеться, — вежливо сказал он милой старушенции, и мы дружно бросились прочь, оставив

мегеру безмолвно глядеть нам вслед.

Тяжело дыша, мы добрались до лестничной площадки и рухнули там, корчась от хохота. Нам в самом деле было ужасно смешно, но, если честно, сюда примешивалось и чувство облегчения.

Переведя дух и перестав смеяться, я взглянула на Джимми.

— Не знаю, как ты, но отныне я собираюсь ходить туда длинной дорогой, в обход.

— Весьма очевидное умозаключение, — ответил Джимми.

— Не очень-то я храбрый человек…

— Кто тебя в чем винит? Я тоже намерен быть поосторожнее, — серьезно сказал Джимми.

У шлюзовой нас ждала Эллен. Проверив коридор в обоих направлениях, она шагнула к черной двери и постучала. Этот стук, конечно, был сигналом, а не небрежным постукиванием какого-нибудь прохожего, одержимого желанием стучать во все черные двери. Дверь распахнулась на несколько секунд — мы едва успели протиснуться внутрь, — и сразу же Атилла ее захлопнул. Помещение было тесным, пустым, стены были выкрашены в зеленый цвет.

Выходная дверь шлюза располагалась прямо напротив входной. Скафандры висели на специ-

альных кронштейнах.

Джимми с удовлетворением огляделся.

— Ага, — произнес он. — Замечательно. Давай, Миа, надевать скафандры. Посмотрев на Вени, Эллен и Ата, я спросила:

— А где Ригги?

— Я не сумел его отговорить, — хмуро ответил Ат. — Он принес лишний скафандр. Вы же знаете, он тоже хотел выйти наружу. Ну и вышел.

Джимми переменился в лице.

— Почему ты его не остановила, Вени? Ты же могла его заставить не брать лишний скафандр.

— Ты сам знаешь, каким он бывает бешеным. Мы все его отговаривали, но он уперся — и ни в какую, — сказал Ат.

— Он заявил, что имеет такое же право идти туда, как и вы, — добавила Вени.

— А, ладно, — сказала я.

— Он хотел сделать вам сюрприз. — Эллен, казалось, выглядела озабоченной меньше остальных.

— Я так и предполагал, — кивнул Джимми с кислым видом.

— Ну давай, Миа, займемся тем, что осталось от нашего приключения.

Он явно был крайне недоволен, но старался это-

го не показывать. Или, вернее, он это показывал, но ровно настолько, чтобы не терять при этом достоинства. Я его понимаю.

Мы надели скафандры. Они были так же похожи на водолазные костюмы старых времен, описанные в моих любимых романах, как Корабль похож на ту дурацкую парусную лодку, в которой меня однажды затошнило. (Попутно я хочу заметить, что мне иногда казалось очень странным, что на Корабле никто никогда не писал романов. Никто — за много-много лет. Все, что мне довелось читать, было написано еще на Земле, до войны. Сейчас я уже не помню, почему я так любила эти книги. Объективно говоря, в большинстве своем они того не заслуживали. Может быть, в этом проявлялся мой эскапизм…) Скафандры были оснащены таким же дискретирующим устройством, как и сам Корабль, конечно, меньших размеров. Если провести аналогию (и допустить, таким образом, неточность), здесь можно припомнить старинную присказку: чтобы вывернуть кошку наизнанку, надо засунуть внутрь нее руку и ухватить за хвост. Тут то же самое: Корабль как бы хватает за хвост Вселенную, выворачивая ее наизнанку так, чтобы удобнее было попасть в нужную точку. Это

исключительно местный эффект, но из-за него переход отсюда-туда становится относительно простым мероприятием. В скафандрах эффект работает немного иначе. Они сами по себе — миниатюрные вселенные. Как написано в книгах, изобрели их специально для войн: запаковать солдата в такой скафандр — отличный способ превратить его в неуязвимую боевую единицу. Поэтому-то скафандры были очень легкими, имели автономный запас воздуха, обогрев, систему кондиционирования, освещение и прочее, плюс к тому — они защищали практически от всего, начиная от отравляющих газов и кончая лазерным лучом. И конечно же, оказалось, что эти скафандры куда полезнее для мирных целей (например, для строительства Кораблей), чем для военных. Да и с военной точки зрения их создание кончилось полным провалом — на старой Земле все, кто в них сражался, давно уже погибли. Но мирные модели использовались по-прежнему. Наша вылазка лишнее тому доказательство.

Открыть шлюз, чтобы выйти наружу, довольно просто. Сначала нажимаешь кнопку приоритета, чтобы не попасть в неловкое положение, столкнувшись с кем-нибудь, кто идет в обратную сторону, потом наполняешь шлюз воздухом, вхо-

дишь в него, задраиваешь дверь, откачиваешь воздух и — путь свободен.

В обратном направлении порядок действий меняется, но смысл тот же. И, поскольку Ригги, выходя из Корабля, выпустил из шлюза воздух, мы, заблокировав управление (это гарантировало, что внешний люк Корабля будет герметически закрыт), накачали его до нормального давления. Затем мы вошли в шлюз, и Ат сказал:

— Не сердитесь на Ригги, ладно? По крайней мере, подождите, пока не окажетесь в безопасности.

Джимми кивнул, и все проговорили:

— Желаем удачи!

Честно говоря, я боялась отчаянно и на «удачу» только и рассчитывала. Именно потому я почти не разговаривала, что мне вообще-то не свойственно. Дверь шлюза закрылась, отрезав нас от веселой голой комнатки и друзей.

Воздух, подчиняясь нажатию кнопки, заструился вокруг, и Джимми сказал:

— Если Ригги откуда-нибудь выскочит и закричит «бах!» или отмочит еще какую-нибудь глупость, притворись, что ты его вообще не замечаешь. Игнорируй его начисто.

Зетея Ригги мне не нравилась, и я согласно

кивнула:

— Ладно.

Воздух из шлюза вышел, и Джимми открыл люк у наших ног. По идее, раз мы находились на Первом Уровне, спускаться нам было больше некуда, здесь, согласно планировке, был самый-самый «низ» Корабля. И все же, чтобы выбраться наружу, спускаться нам пришлось.

— Иди первой, — сказал Джимми, показывая на лестницу в люке. Вид этой лестницы о чем-то мне смутно напоминал, но о чем именно, вспомнить никак не получалось.

Я ухватилась за первую ступеньку…

И вот тут-то вспомнила сразу две другие лестницы: на Шестой Уровень и в лодку. Вот именно. Проклятые лестницы.

Примерно на середине семи-восьмифутовой трубы я вдруг почувствовала головокружение, желудок мой перевернулся вверх тормашками, и я вдруг обнаружила, что почти ничего не вешу и…

Стою на голове. Это была зона, где исчезала внутрикорабельная гравитация и вступало в силу ничтожное притяжение маленького астероида. «Низ» на Корабле и «низ» на поверхности астероида находились в противоположных на-

правлениях, и, выбравшись наконец из трубы, я легко перевернулась, встала на ноги и, превозмогая головокружение, огляделась.

Над головой сияла режущая глаза серебряная пелена, исчерченная черно-пурпурными полосами и точками. Глаза заболели почти сразу. Зрелище несколько напоминало негатив фотографии, хотя имело оттенки, которых ни на каком негативе быть не могло. Мне очень хотелось зажмурить глаза и отвернуться, но отворачиваться было некуда: неровная каменистая поверхность астероида-Корабля была того же жуткого, размытого серебряного цвета. Скала выглядела абсолютно мертвой и безжизненной, как будто никогда раньше здесь никто не бывал и не будет впредь. Эдакая игровая площадка — в мире, лежащем в ином измерении… И было очень странно думать, что всего в нескольких футах отсюда находится другой мир, теплый, светлый и родной… Словно подтверждая впечатление иного измерения, из люка рядом вдруг высунулись ноги Джимми. Я помогла ему выбраться. Присев у края трубы, словно бы для того, чтобы прийти в себя, он огляделся по сторонам — точь-в-точь, как я.

Около нас, явно обозначая место шлюза, возвышался восьмифутовый пилон. На нем был

пульт управления шлюзом, опознавательный номер и шутливая надпись, оставленная кем-то, возможно, давно уже умершим: ПО ГАЗОНАМ НЕ ХОДИТЬ! Сделана надпись была от руки и заглавными буквами. Прочитав ее, я ощутила трепет. И даже не знаю, трепетала ли я больше перед вероятным возрастом этой надписи, от странного ее окружения вкупе с собственным головокружением, или от всего вместе.

Молча мы оглядывались по сторонам, и наконец Джимми нарушил тишину:

— Что это там? — спросил он.

За пилоном, в отдалении, находился ряд гигантских труб, выступавших над неровной скальной поверхностью, словно жерла огромных пушек, нацеленных на вселенную. В принципе, до них было рукой подать, поскольку из-за кривизны поверхности Корабля линия горизонта находилась очень близко.

— Наверное, стартовые трубы разведкораблей, — сказала я.

— Я и не подозревала, что мы всего в двух шагах от разведдоков.

— Да, похоже, — согласился Джимми, но как-то вяло.

— По-моему, тебе худо, — заметила я, вглядыва-

ясь сквозь шлемное стекло его скафандра.

— Есть немного… Желудок выворачивает… У тебя самой тоже вид не блестящий…

— Просто такой свет, — ответила я, но это была неправда. Голова у меня кружилась, к горлу поднималась тошнота. Я боялась, что меня вырвет, а скафандр для этого — наихудшее место. Нужно было закругляться с этим приключением, и я спросила: — А где Ригги? Пора бы ему проявиться со своим дурацким сюрпризом.

Джимми медленно огляделся.

— Тут есть и другие шлюзы. Может, он туда спустился? Чтобы мы гадали, куда он делся?

— Может быть, — согласилась я. — Но лучше нам его поискать. Мы должны.

— А если он прячется? Может, это и есть его сюрприз?

Вокруг было столько разбросанных в беспорядке скал, что, если Ригги действительно спрятался, найти его будет отнюдь не легко. Среди множества серебристых сверкающих глыб человек выглядит просто еще одной глыбой, ничем не отличающейся от других.

И тут на все наши вопросы пришел ответ.

— Что это было? — спросил Джимми.

Я ответила недоуменным взглядом.

Звук раздался снова, и на сей раз я поняла, что он означал — это был ужасный звук рвоты. Приемник и передатчик в моем скафандре были настроены на малую громкость, но все равно, я только с большим трудом удержалась… Желудок встал на дыбы, и, казалось, даже голова закружилась сильнее.

— Ты где, Ригги? — спросил Джимми.

— Я его не вижу, — сказала я.

Ответом нам был очередной жуткий звук. Это мне не понравилось. Джимми подпрыгнул в «воздух». При такой малой гравитации он поднялся на огромную высоту, футов, наверное, на сорок, а затем медленно стал спускаться. Приземлился он легко, но вслед за тем сказал:

— Я его тоже не увидел. Ничего не смог заметить. Давай-ка, Миа, пройди футов сто — сто пятьдесят к средней из этих труб. А я начну с другой стороны.

Я заковыляла по камням к трубе разведдока, несколько раз оступилась, спотыкаясь, а рвотные потуги невидимого Ригги отнюдь не вдохновляли. Выключить приемник я не решалась, потому что тогда я не смогла бы слышать Джимми. Оказавшись на нужном расстоянии от пилона, я пошла по кругу.

Тут Джимми спросил:

— Ты готова, Миа?

— Уже начала прочесывать, — ответила я.

— Ригги, — мрачно произнес Джимми, — если ты меня слышишь и если ты не хочешь остаться здесь, то лучше поднимись на ноги, чтобы мы нашли тебя побыстрее.

Больше всего мне хотелось закрыть глаза от этого сияющего серебра или хотя бы просто присесть, но это было невозможно, и мне оставалось только бороться с тошнотой, резью в глазах и все усиливающимся звоном в ушах. Ощущения отчасти напоминали то злополучное плавание в лодке, но тут было намного хуже, даже ноги шли не туда, куда я хотела. С огромным трудом я ориентировалась в сверкающем безмолвии, стараясь одновременно высматривать Ригги, но, по-моему, у меня мало что получалось. Я совершенно убеждена сейчас, что абсолютное оружие — это то, которым можно просто нарушить у врага чувство равновесия, заставив его упасть в грязь и блевать. Такое оружие, вероятно, навсегда уничтожит понятие героики.

Прыгая с камня на камень, я вдруг подвернула ногу. Стопы разъехались, я свалилась. При нормальной гравитации и без защитного ска-

фандра дело наверняка бы кончилось плохо. Конечно, будь у меня возможность попрактиковаться в более спокойной обстановке, без этого изматывающего головокружения, проку от моих гигантских прыжков было бы больше.

Лежа на грунте, я прислонилась к камню, который ужасно напоминал самую отвратительную скульптуру, созданную моей матерью, — уродливый бюст ее вдохновителя, старины Лемоэля Карпентера. Единственной деталью естественных пропорций у бюста был нос, но именно нос был самой безобразной штукой на лице Лемоэля.

Хоть я и лежала совершенно неподвижно, голова не прояснялась. Я снова заставила себя встать — и вдруг увидела Ригги. Он стоял на коленях, закрытый со стороны пилона тентообразным нагромождением камней, и все еще пытался рыгать.

— Джимми, я его нашла, — сказала я и сразу же, поскольку это уже не имело значения, а мне хотелось, по возможности, сберечь желудок, отключила приемник. Потом я поставила Ригги на ноги и медленно, осторожно ступая, повела к шлюзу. Думать я могла только о том, чтобы скорее добраться до пилона, и даже не заметила, как рядом со мной оказался Джимми.

Мы устроили Ригги возле шлюза, и Джимми набрал на кнопках пульта нужную комбинацию. Теперь мы могли возвращаться.

— Полезай, — показала я Джимми жестом. — Я его тебе передам.

Джимми пролез головой в люк и исчез. С минуту подождав, я крепко ухватила Ригги за лодыжки и сунула туда же. На миг у меня возникло ощущение, словно я пытаюсь свести два магнита одинаковыми полюсами, но затем я почувствовала, как Джимми потянул Ригги на себя. И сразу отправилась следом.

Джимми включил подачу воздуха, давление сравнялось, и дверь в шлюзовую открылась. К этому моменту я успела откинуть шлем своего скафандра — и вовремя, потому что в распахнутую дверь я сделала всего только два шага желудок изверг все свое содержимое. Это было несказанное облегчение!

Мы с Джимми пробыли снаружи минут двадцать, Ригги — вдвое больше. Свой вестибулярный аппарат мы восстановили довольно быстро, но Ригги еще долго мог лишь сидеть, держась за голову и наводя тоску несчастным видом. Когда меня вырвало, Вени посмотрела на меня очень внимательно.

— Убирать тут тебе придется самой, — сказала она. — Я не буду.

Очевидно, она считала, что у нее и так было достаточно черной работы в столь невеликом приключении. Я ее не винила. У меня не было сил. Закрыв глаза, я сползла по стене, благословляя небо, что снова вернулась в свой мир, и никакая Вени не отравит мне этой радости.

Мы с Ригги сидели молча, не обращая внимания на вопросы. За нас отвечал Джимми.

— Если кто-нибудь хочет выйти, я могу отдать ему свой скафандр, — слабым голосом произнес Ригги долгое время спустя.

— Вряд ли твой скафандр теперь вообще кто-нибудь наденет, — сказала Эллен, и это была сущая правда. Сам Ригги и внутренность скафандра были в невозможном состоянии.

— Надо здесь убрать и поскорее смыться, — сказал Джимми.

Мы извлекли Ригги из скафандра и попросили Вени проводить его до дома. Эллен и Ат забрали скафандр, чтобы потом почистить, а мы с Джимми вымыли шлюзовую. Не знаю, как Джимми сумел удержать свой желудок в повиновении, но ему это удалось. Надо полагать, тут он должен благодарить свой железный организм.

Я никогда раньше не представляла себе, что «приключение» требует так много сил, стольких приготовлений, да еще и уборки. В романах такого не встретишь. Кто достает еду и готовит? Кто моет тарелки и нянчит младенцев? Кто чистит скребком коней и шомполом ружье? Кто хоронит трупы? Кто чинит одежду и, в конце концов, кто привязывает ту веревку, за которую главный герой схватится в самый подходящий момент? А кто трубит в фанфары, наводит блеск на медали и красиво умирает, чтобы главный герой мог выглядеть этим самым героем? Вообще кто это финансирует? Нет, конечно, я верю в героев, но я должна вам сказать, что все они либо паразиты, либо, потратив уйму времени на организацию своих мелких, дурацких приключений, они ими не наслаждаются ни в коей мере. Вот так.

Уборка, и то, что все у нас пошло наперекосяк, лишили нас всякого задора. Перебросив скафандры через плечо, мы с Джимми вялым шагом направились в Ремонтную. Настроение у нас было подавленное — может быть, поэтому я забыла знаменитое правило: беда не приходит одна. Так и случилось: по пути мы наткнулись на Джорджа Фахонина. Мы как раз поворачивали за угол и никак не могли его видеть — ладно, хоть

не сшибли с ног. Просто мы вдруг обнаружили, что — вот он, совсем рядом, и нам уже не успеть спрятать скафандры, не говоря о том, чтобы уйти незамеченными.

— Привет, Миа, — сказал Джордж.

— Здравствуйте, — отозвалась я. — Что вы делаете здесь, внизу? — И, видя, как неуверенно смотрит Джимми на гиганта, добавила вполголоса: — Это Джордж Фахонин. Он пилот разведкорабля и иногда летает с моим Папой.

— А, — вздохнул Джимми.

— Кажется, вас-то я и ищу, — сказал Джордж, подходя совсем близко. — Я сегодня дежурный констебль. Примерно час назад я получил жалобу от миссис Кейтли из Инженерной на двух невоспитанных недорослей. Один — рыжий мальчик с оттопыренными ушами, я думаю, это ты, — Джордж ткнул пальцем в Джимми, второй, вернее, вторая — черноволосая девчонка. О том, кто она такая, я даже догадок не строил. — Джордж многозначительно посмотрел на меня. — Так что, наверное, нам лучше пройти туда, где мы сможем спокойно поговорить. А пока мы идем, вы мне объясните, что вы делаете с этими скафандрами.

— Мы их возвращаем, — сказала я.

Джордж вопросительно поднял брови.

Не хочу вдаваться в подробности. Мистер Митчелл был до глубины души потрясен, узнав, что его просто использовали. Я это заметила, когда он вручал нам значки, которые и впрямь получились очень красивыми.

Это произошло в Папином кабинете, где присутствовал сам Папа, мистер Митчелл, мистер Мбеле и мисс Бранкузик — воспитательница Джимми. Они сидели вдоль одной стены комнаты, мы с Джимми — у другой. Слава Богу, миссис Кейтли не пришла, встреча и без нее оказалась достаточно неприятной. Отныне нам было велено строжайшим образом ее избегать. Мистер Митчелл — я видела — был крайне обижен, но почему — я не понимала. Пришлось взрослым объяснять нам это по складам. С моей точки зрения, он стоял у нас на пути и мог помешать, если бы мы просто попросили скафандры. Но по мнению мистера Митчелла, все выглядело иначе: мы, так сказать, использовали его как носовой платок. Что поделаешь, я мыслила категориями вещей, а не людей, и мне трудно было поставить себя на чье-то место. Но, сделав это, я поняла, как подло поступила. Этого Папа и добивался, по-видимому.

Они не спросили нас о том, кто пользовался третьим скафандром. Но кое-что зато рассказали.

— Наверное, мне стоило бы похвалить вас за предприимчивость, — сказал Папа. — Но я с ужасом думаю о том, что в результате этой своей вылазки вы могли навсегда потерять природное чувство равновесия. Ваше счастье, что вы вовремя вернулись на Корабль. Иначе вы никогда больше не смогли бы двигаться без головокружения.

Одной этой мысли было достаточно, чтобы вызвать приступ тошноты. В конце концов Папа наказал меня тем, что запретил куда-либо ходить целый месяц. Фактически это был домашний арест. Тридцать дней подряд — после занятий с мистером Мбеле или класса выживания — я должна была ехать прямо домой, и ни шагу за порог. Мисс Бранкузик тотчас же приговорила к такому же наказанию и Джимми.

В некотором смысле это был самый тяжелый месяц в моей жизни. В то время, как другие ребята играли в футбол, ходили вечерами на танцы или собирались в Общей Зале, — я сидела взаперти. Джимми тоже. Однако и в этом положении были свои плюсы. Например, у меня появилось время поразмышлять о недостатках своего характера.

Их было немало, но я твердо решила не быть глупее, чем требует необходимость… И еще — я гораздо лучше узнала Джимми: времени болтать по видику у нас было хоть отбавляй.

Первое, что мы сделали, когда истек срок нашего заточения, — отправились в Ремонтную (стороной обойдя владения миссис Кейтли) и извинились перед мистером Митчеллом. Это был один из самых трудных поступков, которые мне когда-либо приходилось совершать. Но я не считала себя вправе носить свой значок «Хаверо», пока не восстановлю с ним хорошие отношения. Потом с этим был полный порядок.

Осенью, когда Первый Класс отбыл на Испытание, мы автоматически перешли из Шестого Класса в Пятый. Одновременно начала тренировки еще одна группа ребят помладше. За первые полгода наших занятий нам всем поочередно исполнилось по тринадцать лет. Я была не только самой маленькой в классе — кстати, против этого я отнюдь не возражала, образ хрупкой, миленькой, черноволосой Мии Хаверо давал кое-какие преимущества, — но и день рождения у меня был у самой последней. В субботу, 29 ноября. Одно из достоинств постоянного календаря в том и заключается, что у вас есть возможность рассчи-

тать все далеко вперед.

В день моего рождения моя мать совершила поступок — пришла к нам с Папой в гости. Мне она подарила одну из своих скульптур. Я, конечно, поблагодарила, но почему-то благодарность моя пришлась ей не по вкусу, и одна довольно скоро ушла. Хотя, могу поклясться, я была абсолютной паинькой.

Папа, который отнюдь не всегда размышлял только о делах, как вы можете подумать, сделал то, чего я совершенно не ожидала: он позвонил в библиотеку, и они, перерыв все свои фонды, прислали ему прекрасные копии записей пяти пьес для старинной флейты. Хотите — верьте, хотите — нет, но я всегда считала, что, например, книги Эндрю Джонсона известны только мне, и никто больше не подозревает об их существовании. Обнаружить, что их читают другие, было для меня равносильно шоку. Подаренные Папой записи пьес не вызвали у меня такого же чувства, чувства утраты чего-то, принадлежащего мне одной. Но мне и во сне не могло присниться, что кому-то когда-то пришло в голову записывать звучание старинной детской флейты… В порыве благодарности я чмокнула Папу в щеку. В детстве я никогда не демонстрировала своих чувств, не

выставляла их напоказ, но с тех пор, как мы переехали в Гео-Куод, это получалось как-то легче. Впрочем, и многие другие вещи тоже.

Но самый большой сюрприз мне в день рождения сделал Джимми. Он пригласил меня в театр. Выглядел он при этом на редкость робко, запинался, и это меня удивило. Я всегда думала, что он видел во мне в лучшем случае «товарища по оружию», а вовсе не девочку.

Пьесу играли в Амфитеатре, в том самом, где происходят Корабельные Ассамблеи, и мы действительно туда пошли, вместо того чтобы смотреть то же по видику. Показывали «Школу злословия» Ричарда Б.Шеридана, и, если не считать вспотевших ладоней, чего никогда не случалось дома и чему виной было только мое волнение, я получила огромное удовольствие.

А взволнована я была весь вечер.

Когда мы добрались до дома (Джимми меня провожал), он вдруг взял меня за руку и коснулся пальцем ладони.

— У тебя рука потная, — сказал он.

Подняв на него глаза, я кивнула.

Он добавил:

— У меня тоже, — и показал свою руку.

Так оно и было.

И тут Джимми поцеловал меня — и я совсем не удивилась. Конечно, я не ожидала поцелуя, хотя сейчас понимаю, что тогда во мне жила подсознательная надежда… Какие, однако, тайные страсти можно возбудить в человеке! Впервые меня кто-то поцеловал — и от этого сердце у меня заколотилось, а руки еще сильнее вспотели. Что угодно я могу забыть, но только не тот день рождения!

Так получилось, что между Джимми и мной возникла довольно тесная связь, эдакое взаимопонимание без лишних слов. Мы больше не препирались друг с другом попусту и ссорились, лишь когда уже не было сил терпеть. Это понятно: нельзя же ругаться из-за пустяков с человеком, с которым украдкой целуешься. По крайней мере, я обнаружила, что мне такое не под силу. И разумеется, я никому ничего не рассказала — незачем им знать, что я взрослею.

Мне стукнуло тринадцать лет, до Испытания осталось меньше года, но почему-то теперь меня эта мысль совсем не так ужасала, как бывало раньше. Испытание уже не казалось мне невыразимо страшным событием, хотя я знала, что возвращаются с него не все. Класс выживания придал мне удивительную уверенность в себе,

именно там мы получили представление о том, с чем же нам предстоит встретиться. А как известно, неведомая опасность пугает больше, чем та, которая хотя бы немного знакома. Правда, иногда на меня находили вполне обоснованные сомнения в том, что Испытание будет эдаким милым приключением. Особенно часто сомнения посещали меня в дни, когда нам показывали фильмы про планеты — и страшные звери с жуткими белоснежными клыками кидались через весь экран, чтобы растерзать какую-нибудь скачущую во весь дух тварь размерами втрое больше их самих. «Ам!»

Но класс выживания научил нас совершенно невероятным вещам. Многие из них имели весьма отдаленное отношение к Испытанию — танцы, вязание, прыжки с парашютом… Но в том-то и штука — когда ты обнаруживаешь, что умеешь делать множество странных, требующих большого мастерства вещей, неизвестное уже не внушает тебе панического ужаса. И, кстати, когда вас просят построить деревянную хижину, от вас не требуется возражений и сомнений, что, мол, не понадобится это на Испытании. Вы просто должны это сделать. И только сделав, вы осознаете, что можете это (приобретя попутно пару

навыков, которые когда-нибудь действительно вам пригодятся).

В декабре группу из сорока двух ребят, которые были ровно на год старше нас, разбросали по Западному полушарию Новой Далмации. Их высаживали по одному, с лошадьми, рюкзаками, но без каких-либо объяснений о том, где они находятся и на какой именно планете. На прощанье им просто помахали ручкой.

И в том же декабре, неделю спустя, на Новую Далмацию отправился наш класс — тридцать один человек; нам предстоял трехдневный поход с мистером Марешалем и его помощником по имени Писарро. Но между нами и теми ребятами была существенная разница. Мы знали — куда направляемся, что там увидим, что будем делать и когда все это кончится. Согласитесь, это немаловажно. Мы взяли с собой четырех лошадей — крупных вьючных животных. Все ребята явились в разведдок с крепкой обувью на ногах, тепло одетые и с рюкзаками за спиной. Всем этим нас обеспечили еще в самом начале занятий в классе выживания. Правда, обувь стала мала, мне выдали новую пару, и я уже собиралась попросить одежду побольше размером.

Поднимаясь на борт корабля, я заметила, что

мистер Марешаль и мистер Писарро считают всех входящих. Делали они это украдкой — класс выживания был делом добровольным и они свято соблюдали правило не проверять нас. Но, видимо, они хотели знать, скольких ребят берут с собой, — кто-то должен будет давать объяснения, если на Корабль вернется меньше половины.

Мистер Писарро был нашим пилотом. На борт поднялись все, тридцать один человек, никто не пожелал пропускать поход, даже Роберт Брайни поднялся с постели (у него от удара лошадиным копытом треснуло ребро), чтобы пойти вместе со всеми.

Наконец убрали трап, и мы отчалили. Некоторые ребята нервничали и потому слишком громко болтали и рассказывали анекдоты, но мистер Марешаль проявил достаточно терпимости и не делал никому замечаний.

Я выбрала кресло у перегородки, отделяющей кольцевую дорожку от загона, подальше от всех. Я никогда не чувствовала себя уверенно в больших компаниях. Среди нескольких человек, которых я неплохо знаю, я еще могу себя показать, но в толпе моментально теряюсь на заднем плане. Кроме того, мне было чем заняться. Впрочем, Ат и Джимми не оставили меня в покое.

— Что ты такое пишешь? — спросил Ат.

Я отложила блокнот.

— Заметки по этике, — ответила я. — Записываю кое-какие идеи. Нам с Джимми нужно сделать работу — задание мистера Мбеле.

— И как успехи? — спросил Джимми.

Я взяла его руку и провела пальцем по тыльной стороне ладони.

— Я же не спрашиваю об этом тебя. Увидишь, когда закончу.

Тут рослый Ат присел рядом со мной.

— И что это за работа?

— Ничего особенного, — ответил за меня Джимми, одновременно пытаясь растрепать мои волосы. — Этика.

Я мотнула головой, уворачиваясь от руки Джимми.

— Ты, кажется, нервничаешь, Атилла? — спросила я.

— Есть немного, — признался он. — Я никогда не бывал ни на одной планете. Не понимаю, как ты можешь так спокойно сидеть и писать.

— Царапать, — поправил Джимми.

— Мне не в новинку, — сказала я. — Я уже была однажды на планете.

— Папа брал ее с собой, — пояснил Джимми.

Через несколько минут Джимми и Ат уселись играть в карманные шахматы, а я вернулась к своим заметкам. И еще до посадки на Новой Далмации покончила с утилитаризмом.

Этика — это ответвление философии, которое занимается изучением человеческого поведения с точки зрения понятий добра и зла, правды и лжи. Хоть это и довольно грубое определение. Почти каждую этическую систему — а их несметное множество, потому что даже философы одной школы во многом не согласны друг с другом, и их концепции иногда сильно различны — можно рассмотреть как описание и предписание: что делают люди? что следует делать людям?

Что касается утилитаризма, то краткое выражение этой доктрины: «Максимальное благо для максимального числа людей».

Это делает ее отчасти похожей на ближайшую родственницу, экономическую философию коммунизма, который в некотором смысле является общественным устройством Корабля. Общий принцип утилитаризма: «Да — удовольствию, нет горестям».

На мой взгляд, утилитаризм далек от истины, хотя, конечно, утилитаристы утверждают обратное. Иногда люди ведут себя вопреки принципу

удовольствия они знают о приятном, но выбирают болезненное. Утилитарист скажет, что здесь искажен самый смысл слов «удовольствие» и «боль», и это правда. Но этот стандарт слишком субъективен, чтобы удовлетворять критерию истинности.

Как предписание утилитаризм мне тоже не нравится. Трактовка удовольствия и боли как качеств, по которым может быть измерено «добро», мне кажется слишком механистичной, и люди здесь становятся просто еще одним фактором, вставляемым в уравнение. Прагматически говоря, есть смысл в тезисе о спасении ста жизней ценой одной или двух. Утилитарист скажет так всегда, он обязан так говорить. Но кто ему дал на это право?! Ведь этого одного никто ни о чем не спрашивал, у него нет никакого выбора, и его запросто приносят в жертву ради, скажем, сотни грязеедов, о существовании которых ему даже не ведомо… Если бы речь шла, например, о Папе или Джимми и даже тысяче грязеедов, я не сделала бы утилитарный выбор, и вряд ли меня можно было бы легко убедить в том, что суд можно вершить по количеству фунтов человеческой плоти. Люди — не предметы.

Мы совершили посадку возле освещенного

ярким утренним солнцем большого скопления деревьев. Воздух был чист и свеж.

Все кругом цвело, как бывает в начале лета. Гравитация была чуть ниже обычной, это ощущалось, но никаких неудобств не доставляло. Недалеко от места посадки текла тихая небольшая речка. Наш берег был пологим, из пружинистого ковра почвы росли огромные деревья, но противоположный берег представлял собой шестидесятифутовый обрыв с изрезанным краем, испещренный выступами скал, клочками зелени и камнями.

Схватив за лямки свой рюкзак и перекинув его через плечо, я вместе с остальными вышла по трапу на солнышко и свежий воздух, немного прохладный после привычной температуры разведкорабля. В рюкзаке у меня лежало много чего: смена одежды, смена обуви, зубная щетка, расческа, спальный мешок и еще всякие мелочи. На мне была надета теплая рубашка, под ней — рубашка полегче. Поскольку карман в наружной рубашке был мелким, свой блокнот я сунула за пазуху. Никуда он не денется, пока я буду застегнута на все пуговицы и подпоясана. Ступив на землю, я сощурилась от солнца.

Деревья безмятежно тянулись вверх, как будто

никто и никогда не нарушал их спокойствия; река бесшумно текла мимо, делая впереди плавный изгиб; лучи солнца, пробиваясь сквозь кроны деревьев, образовывали пятна света и тени, световые столбы, в которых можно было увидеть танец пылинок. Единственным звуком, кроме наших разговоров, было щебетание птиц.

Большинство ребят никогда раньше не бывали на планетах, и сейчас они переживали мягкое, приятное знакомство с чужим миром. Подул легкий ветерок, поиграл моими волосами и рукавом и снова стих.

Следом за нами вывели лошадей со всей упряжью, и мистер Марешаль велел нам собраться около него.

— Первые пятнадцать человек, по алфавиту, будут работать с мистером Писарро, — сказал он. — То есть до Матура. Морлок и остальные — работают со мной. Каждой группе предстоит построить деревянную хижину. Управимся за сегодня — хорошо, нет — будем продолжать и завтра. Мистер Писарро считает, что его группа построит хижину быстрее. Что ж, посмотрим, кто кого?!

Это было своеобразным вызовом, но на забаву не походило, так что я даже не хихикнула. Джим-

ми, Ригги, Роберт Брайни, тот парень — Фармер и Гершкович, все они были в моей группе. Вени, Эллен и Ат — в группе мистера Марешаля. Джимми дернул меня за рукав, и мы последовали за мистером Писарро на нашу, так сказать, «строительную площадку». Присев на камень, мистер Писарро предложил нам рассесться на земле вокруг. У него было молодое узкое лицо и пушистые рыжие усы.

— Ну вот, — сказал он. — Мы с вами должны построить бревенчатую хижину пятнадцати футов в ширину и двадцати в длину. Понадобится около шестидесяти бревен. Конечно, хорошо бы все приобрели опыт по валке деревьев, но этим по большей части займутся мальчики. Вот как будет выглядеть сруб… — Мистер Писарро начертил прутиком на земле эскиз. — Это — самое лучшее, что мы в состоянии сделать за столь короткое время. У хижины будет пол, двери и окна. Но у нее будет и один серьезный недостаток. Кто-нибудь догадывается какой?

В ответ поднялась чья-то рука, и мистер Писарро кивнул.

— Когда мы повалим деревья, бревна будут сырые. Они высохнут неровно, и в стенах образуются трещины.

— Верно, — сказал мистер Писарро. — Поэтому мы обстругаем бревна как можно лучше.

Еще несколько минут поговорив о деталях, мистер Писарро повел нас с холма вниз, к ровному месту на берегу реки. Здесь уже были намечены контуры хижины и в почве выкопаны пильные ямы. Группа мистера Марешаля собиралась работать неподалеку.

— Мы с мистером Марешалем прилетали сюда в прошлую субботу. Это мы приготовили площадки и сделали зарубки на выбранных деревьях, — пояснил мистер Писарро. — Просто для ускорения работы. И когда вы будете валить деревья, попробуйте сообразить, почему мы выбрали именно эти, а не какие-нибудь другие, хотя вокруг — целый лес.

Затем он раздал задания: кому валить деревья, кому управлять лошадьми, чтобы перевозить бревна волоком, кому зачищать уже срубленные стволы и много другое. Я даже запуталась. Джеку Фернандесу-Фрагозо и мне поручили копать землю и готовить обед. Быстро растолковав нам наши обязанности, мистер Писарро принялся объяснять задания остальным. У мистера Марешаля двое ребят тоже получили аналогичные нашим поручения, и, посмотрев на них, мы с

Джеком дружно взялись за работу.

Главные детали в срубе — бревна, лежащие в основании, на них держится вся постройка. Они должны быть тщательно подогнаны, и самый лучший способ этого добиться — вкопать их наполовину в грунт.

Взяв лопаты, мы с Джеком прокапывали неглубокие траншеи по контуру хижины. Траншеи должны быть прямыми и одинаковой глубины. Работа была не особенно тяжелой, за несколько месяцев тренировок мы уже привыкли пользоваться ручным инструментом, и руки у нас уже не так покрывались волдырями, как раньше. Гораздо труднее было постоянно вымерять траншеи с помощью колышков и шнуров, отклоняться от заданных размеров мы не могли.

Но, рано или поздно, всякая работа бывает сделана, и, покончив с траншеями, мы стали выравнивать земляной пол. Работая, мы слышали в лесу звон топоров, голоса, а иногда — грохот падающих деревьев.

Не успели мы покончить с полом, как прибыл мистер Писарро, ведя в поводу двух лошадей — каждая волокла по бревну в основание сруба. Бревна очистили, обрубили сучья, распилили по размеру, и мы с Джеком увидели, как в око-

нечных частях вырубают пазы. Потом поперек этих бревен положат другие, короткие, тоже — с вырубленными пазами, и стены хижины будут расти попеременно: длинные короткие, длинные — короткие. И каждый следующий ряд бревен будет держаться в пазах нижнего.

Насобирав хворост, мы с Джеком стали готовить обед. К тому времени, как он поспел, все четыре базовых бревна уже лежали на своих местах: длинные наполовину заглубленные в вырытые нами траншеи, короткие — сверху, и довольно много бревен было подвезено к пильной яме. Группа мистера Марешаля сделала примерно столько же, но я не знала — быть может, они обогнали наших в лесу.

Поев раньше всех и раздав еду остальным ребятам, я присела рядом с Джимми и Ригги. Джимми валил деревья, Ригги обрубал ветки, они здорово устали и были довольны, что мистер Писарро объявил после обеда час отдыха. Хорошая доза физического труда стимулирует мышление, и у меня появились кое-какие новые соображения по теме стоицизма в моих занятиях по этике.

Достав блокнот, я их туда переписала, пока Джимми и Ригги просто отдыхали. Как мне кажется, изъян стоицизма заключается в том, что

он усыпляет.

Утверждая незыблемость порядка вещей, стоицизм, таким образом, кладет конец всякому честолюбию, всяким переменам. Он заявляет, как заявляло тысячу лет назад христианство, что цари — да пребудут царями, а рабы — рабами, и сдается мне, такая философия определенно привлекательнее для царя, чем для раба.

Это здорово смахивает на дискуссию по вопросу о предопределении и свободе воли. Предопределены ваши действия или нет, вы должны действовать, исходя из посылки, что свобода воли у вас все же есть. Если действия предопределены, то вы все равно ничего не теряете. Но зато если они НЕ предопределены, а вы будете действовать, исходя из обратного, то на вас смело можно ставить крест. В происходящих событиях вы будете никчемным нулем.

Я не никчемный нуль. Я стала другой, и думаю, что отчасти в этом есть и моя личная заслуга. И пока я хоть на что-то надеюсь, я никак не могу быть стоиком.

К полудню подошла и моя очередь срубить дерево. Вместе с Джимми и мистером Писарро я шла вдоль борозды, проложенной по берегу реки бревнами, которые здесь волокли. Солнце

сияло, и воздух потеплел. У меня даже мелькнула мысль, что на этой планете не так уж и плохо, хоть и не похоже на дом.

Через несколько сотен ярдов мы повернули в сторону от реки и поднялись на гребень холма. Подлесок был очень редкий, и почву покрывал ржаво-коричневый ковер палой листвы.

Мальчишки, рубившие до обеда деревья, снова вернулись к своей работе. Несколько поваленных стволов с уже обрубленными ветками дожидались волокуши.

— Вот твое дерево, — сказал мистер Писарро, показывая на серый ствол с белеющей зарубкой. Отовсюду доносился звон топоров и визг пил.

Задрав голову, я обошла дерево кругом. Наконец, точь-в-точь как нам объясняли и показывали, я выбрала направление, в котором я хотела, чтобы оно упало. Дерево не должно было никого задеть, и потом, нужно, чтобы его удобно было обкорнать от сучьев и уволочь на стройку.

Покрепче упершись ногами в землю, я взмахнула топором и сделала засечку маленький подруб с той стороны дерева, на какую вы хотите его свалить. Топор еще раз ударил по дереву, отлетела большая щепа, и я остановилась передохнуть.

— Очень хорошо, — похвалил меня мистер Пи-

сарро. — Когда закончишь, пришли сюда Соню. А что потом тебе надо делать, ты знаешь?

— Знаю, — ответила я.

Кивнув, мистер Писарро пошел дальше. Он наблюдал за всеми ребятами, смотрел — кто как справляется, и к тому же сам делал большую часть самой тяжелой работы. Казалось, он поспевал всюду: вот только что он стоял рядом с тобой, а в следующую секунду вдруг исчезал. Он даже успел попробовать суп, когда я готовила его сегодня утром. Поразительно!

— Берегись! — крикнул кто-то, и все вокруг посмотрели наверх.

Подрубленное дерево стояло футов на тридцать ближе к реке, чем мое, нас разделял овраг, и дерево должно было упасть именно туда. Все, кого могло задеть, бросились врассыпную (мистер Писарро тоже), и когда мальчик — я не разглядела его лица — увидел, что все убрались подальше, он толкнул дерево ногой и сделал шаг назад.

Подруб был сделан под самым главным вырубом, и достаточно было легкого толчка, чтобы сломать штырек древесины между ними. Дерево качнулось и с величавой медлительностью начало заваливаться вперед. В тишине, воцарившейся после перестука топоров, раздался треск

ломающихся веток, скрип, а затем громовой удар. Ствол грянулся оземь, поднялся столб пыли. И снова топоры взялись за дело.

Я обошла свое дерево кругом и принялась за главный выруб. Время от времени я останавливалась, чтобы перевести дух и откинуть влажные ароматные щепки. Наконец дерево заколебалось, и я поняла, что оно «готово».

— Эй, берегитесь все! Отойдите дальше! — крикнула я. И проверила, все ли послушались.

Толкнув дерево, я отступила было назад, но нога моя поскользнулась на щепке, и, не сводя с дерева глаз, я плюхнулась наземь. Сперва я решила, что ошиблась и дерево вовсе не собирается падать, но затем — медленно-медленно оно наклонилось, с шумом рухнуло, и комель, высоко подскочив, грохнулся об землю всего в нескольких футах от меня. Вершина дерева съехала в овраг.

С победоносным видом я оглянулась вокруг, потом поднялась, отряхнула пыль со штанов, подняла топор и отправилась туда, где поднималась хижина. Проходя мимо Джимми, я помахала ему рукой.

Из пятнадцати подростков семеро были девочки. Пятеро срубили свои деревья еще утром, и единственными, кто этого не сделал, были я и

Соня. Когда я ее нашла, она вместе с Ригги мастерила дверь для хижины. Пильная яма теперь изготавливала доски из бревен средних размеров. Доски на самом деле были половинками бревен, плоские с одной стороны и полукруглые с другой. Они шли на изготовление ставен, двери, крыши и пола хижины. Дверь делалась просто: палки, нарубленные с утра, прибивались к плоским сторонам шестифутовых досок, скрепляя их друг с другом. Отдав Соне свой топор и отправив ее искать мистера Писарро, я с минуту понаблюдала за пильной ямой, а затем снова взялась за работу.

В пильной яме обычно работают по двое. Один человек спускается вниз, другой стоит наверху, а между ними закрепляется бревно. У того, кто находится наверху, есть одно преимущество: ему на голову не сыплются опилки. Но если пильщики меняются местами, то равенство полное.

Мое задание после обеда было следующим: взять глину и мох, принесенные специальным нарядом (Хуанитой), и замазать щели между бревнами. К тому времени, когда я вернулась к хижине, двое мальчиков уже укладывали на стенах третий ряд бревен. Накинув на бревна веревки, они втаскивали их наверх по наклонным направляющим. Весело улыбаясь и размышляя

об этике, я принялась неторопливо заталкивать в щели мох и глину.

После того, как Ригги закончил дверь и ставни, появился мистер Писарро. Стены настолько поднялись, что я даже почувствовала себя ими окруженной. Чтобы замазать верхние щели, мне уже приходилось вставать на чурбан.

Затем мистер Писарро и Ригги прорубили окна. Сделав по два пропила для каждого окна, они просто выбили ненужные части бревен. Лазить внутрь и обратно сразу стало легче, и это было очень кстати, потому что устанавливать бревна на место становилось все труднее. Теперь стены ставили трое мальчиков, мистер Писарро и плюс я, когда у Хуаниты не хватало для меня глины и мха.

Уложив еще два ряда бревен, мальчики тем же способом, что и окна, прорубили дверь, и хижина вдруг перестала быть тесной коробочкой. Все ребята уже вернулись из леса, и мы с Хуанитой проделали еще один, последний, рейс за глиной. Потом все разом поднажали, и наружная обмазка была закончена. Работали мы весело, и под конец просто кидались глиной друг в друга. Большим комом я попала Джимми по спине, он отплатил мне тем же, и надо было видеть,

как пятнадцать человек носились сломя голову, швыряясь глиной, а мистер Писарро с ухмылкой стоял в сторонке.

Когда наши запасы глины иссякли, он осведомился:

— И что вы теперь собираетесь делать? Ведь у вас только одна смена одежды.

Посмотрев на реку, Джимми выставил указательный палец.

— Мы собираемся вон туда!

Он понесся к реке и прямо в одежде, пробежав по мелководью, нырнул в глубину.

В тот же миг я скинула обувь, вытащила из-за пазухи свой блокнот и побежала следом. Вода была чистая и холодная, течение не быстрое, и плавать в реке было одно удовольствие. На этот раз я чувствовала себя совсем иначе, чем некогда на Грайнау. Хоть ситуация была похожа — я купалась в открытом водоеме планеты, но ощущения — день и ночь… Мы плескались, крича и визжа, вздымая тучи брызг в лучах клонящегося к закату солнца, — развлекались, так сказать, старомодно, и очень скоро к нам присоединились ребята из группы мистера Марешаля, которые, хоть и были покрыты не глиной, а грязью и опилками, поняли нас сразу, лишь только увидели, что мы делаем.

В воде мы бултыхались, пока нас не позвали.

Мистер Марешаль и мистер Писарро согласились сделать уступку добрым традициям цивилизации, и чтобы побыстрее высушить одежду, мы отнесли ее на разведкорабль. В остальном наш уик-энд доставил бы искреннее удовольствие сэру Генри Торо,[6] который, я убеждена, был вполне милым дядюшкой, спутавшим каникулы в деревне с реальной жизнью.

Поев и переодевшись в чистое, ощущая приятное тепло и приятную же усталость, я прогулялась с Джимми до другой хижины. Она была готова настолько же, насколько и наша — то есть стены стояли, щели были замазаны, дверь и окна прорублены, но выглядела она странно. Одна из длинных стен была выше другой, и это придавало всей постройке какой-то незаконченный вид, словно хижина была горбатой.

У нас имелись надувные палатки, которые в сложенном виде помещались в карман, но мы не стали их разбивать. Раскатав вокруг костра спальные мешки, мы рискнули улечься спать под открытым небом.

---

[6] Примечания: 6

Генри Дэвид Торо — выдающийся американский мыслитель и писатель (1817–1862); здесь автор имеет в виду книгу Г.Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854)

Жребий выпал и на меня — я оказалась в числе тех ребят, которые должны были дежурить ночью. Но мне повезло: мне достался второй час охраны, и, сменив Гершковича и побродив часок вокруг лагеря, не увидев ничего, кроме засыпающих ребят, я разбудила Вишну Матура, а сама отправилась спать.

На рассвете небо было серым, холодным, над головой нависли тучи. Но затем облака стали рассеиваться, распадаясь на белые клочья, разбегаться в стороны, и небо снова озарилось ярким солнцем.

Довольно быстро мы подогнали ставни и дверь, уложили коньковые бревна для двускатной крыши. И вдруг кто-то, посмотрев на соседнюю хижину, застыл, обнаружив, что марешальцы настилают плоскую односкатную крышу — с высокой стороны на более низкую.

— Так не честно! — закричала я. — Вы строите сарай, а не хижину!

— Хо-хо! Тем хуже для вас! — откликнулась Вени. Мы загикали.

На подогнанные доски мы положили ветки, днем раньше собранные Ригги и Соней. Так получилась крыша. Я внутри хижины помогала укладывать пол. Доски клались полукруглой

стороной вниз ребро к ребру, чтобы пол получился без щелей. Будь у нас время, мы бы сделали плоские стороны досок гладкими. Но времени как раз не было. Так что по этому полу я не советовала бы ходить босиком, если, конечно, у вас нет страстной любви к занозам. Но все же это был добротный, сплошной пол. Джимми на крыше укладывал доски, забивал мхом щели, стелил ветки. Немного мха провалилось внутрь, но скоро крыша совсем закрылась и стала выглядеть ничуть не хуже, чем наш пол. Группе мистера Марешаля мы явно проиграли: она закончила работу почти на час раньше. Марешальцы даже успели нас подразнить. Но все же мы успели закончить работу до полудня. Потом я и еще несколько любопытных ребят интереса ради сравнили постройки, и я честно, то есть объективно должна сказать, что предпочла бы нашу хижину их сараю. Наша была сработана лучше. После обеда мы отдыхали, бродя по окрестностям, а потом снова искупались, но на сей раз уже в купальниках, а не в одежде. А затем я снова достала свой блокнот и сделала еще несколько заметок по этике. Тема была легкой: философия силы.

По существу, философия силы утверждает, что следует делать все, что можно сделать безнака-

занно. Вот если тебя наказывают, тогда ты не прав. Но только в этом случае.

Спорить тут не о чем. Это замкнутая на себя система, логически самосогласующаяся. Она не обращается ни к какому внешнему авторитету и не спотыкается о собственные определения. Но мне она не нравится. Хоты бы потому, что не подразумевает никакой разницы между «хорошим» и «лучшим», естественно, в этическом плане. Важнее, однако, другое: сторонники философии силы напирают именно на принцип безнаказанности, результаты действий для них совершенно не важны. А это, извините, философия срывающего злость двухлетнего ребенка.

Ту ночь мы провели в хижине, заперев дверь на засов и испытывая жуткое довольство собой от того, что ночуем в доме собственной постройки. Могу еще добавить, что пол оказался гораздо тверже почвы, хотя, может быть, я просто не так устала в этот день.

Утро было туманное, и потом, когда туман поднялся, серые облака по-прежнему висели низко над головой. Мы объединились в одну группу во главе с мистером Марешалем. Мистер Писарро шел позади и нес канаты. Если смотреть в сторону реки, наша хижина была слева, а сарай — справа;

мы ходили за бревнами вверх по реке, а марешальцы — вниз. И сейчас, все вместе, мы шли вниз по течению, давно уже миновав то место, где следы волокуш марешальцев отворачивали от реки по склону холма; позади остался и плавный речной изгиб; обе постройки скрылись за поворотом. День был пасмурный, но настроение бодрое, и наша шестерка вновь сбилась в тесную команду.

Больше мили мы двигались, выбирая дорогу, иногда уходя далеко от берега и углубляясь в лес, так что получилась неплохая прогулка. Наконец, выбравшись на песчаный пляж, мы увидели на противоположном берегу сравнительно пологий и подходящий для подъема склон.

— Придется нам поплавать, — сказал мистер Марешаль и вошел в воду по пояс — такая глубина была примерно на четверти ширины реки.

Потом начали переправляться мы, а оба наших руководителя нас страховали. Вода была холодной, и на этот раз никакого удовольствия от вынужденного купания мы не получили. И можете мне поверить, куда приятнее сушить одежду, сняв ее с себя, а не прямо на теле. Короче, выбравшись на берег, я дрожала мелкой дрожью, и капли с меня стекали, словно с дерева под до-

ждем. Потом реку переплыли мистер Марешаль и мистер Писарро, и, продираясь сквозь подлесок и беспорядочно наваленные камни, мы стали подниматься по склону. И когда я добралась до самого верха, то уже, по крайней мере, не дрожала.

Стоя среди деревьев на краю обрыва, мы смотрели с высоты на пологий лесистый склон на другой стороне реки. Он был похож на огромный, темно-зеленый, стелющийся вверх ковер. Затем мы свернули в лес, довольно долго шли и наконец снова оказались на краю обрыва, как раз напротив лагеря. Между нами и кажущимся таким уютным лагерем пролегла глубоко внизу река.

На самом краю стоять было неприятно — страшно. Подобравшись на коленках, я заглянула в бездну. Да уж, падать здесь было высоковато. Чтобы убиться, такая высота совсем не нужна; и точное знание числа этих метров представляет в данном случае интерес чисто академический. Казалось, там, внизу, на крохотном пятачке сможет уместиться всего лишь один человек, не больше. Но, как нам затем объяснили, здесь, наверху, к деревьям будут привязаны два каната, и каждый из нас должен будет спуститься с обрыва, обвязавшись канатом вокруг пояса. Глядя вниз, я находила эту затею не очень-то удачной.

— Ну? — осведомился мистер Марешаль. — Кто первым собирается это испробовать?

— Я и Миа, — сказал Джимми.

Мистер Марешаль посмотрел на меня, и я кивнула — «да». Мне не нравилась затея, но это должен был проделать каждый, значит, моя очередь рано или поздно все равно бы настала. И я не видела причины возражать против того, чтобы покончить с делом поскорее.

Канаты привязали к деревьям, затем — сложным образом обвязали вокруг наших поясов. Мистер Марешаль продемонстрировал нам с Джимми, как все это срабатывало. Фактически нам предстояло сесть в движущуюся петлю, которая, свободно скользя по канату, спускалась до самой земли.

По сигналу мы встали спинами к реке, туго натянув канаты. Я посмотрела вниз, вздохнула, зажмурилась — и сделала шаг назад… Несколько мгновений я просто травила канат, затем остановилась и покачалась на месте, упершись ногами в отвесную стену обрыва. Я даже удивилась, как все здорово сработало. Снова оттолкнувшись, я спустилась еще футов на шесть-семь. Мне стало весело, и, посмотрев на Джимми, я рассмеялась. И вдруг, чуть ли не раньше, чем я это осознала,

я оказалась внизу. На ногах. Берег был гораздо шире, чем казался сверху, футов пять или шесть шириной. Джимми приземлился почти одновременно со мной. Освободившись от канатов, мы помахали ребятам наверху.

— Это очень легко! — крикнул Джимми.

— И не страшно! — добавила я.

Канаты поползли вверх. Джимми предложил:

— Какой смысл здесь стоять, а? Давай переплывем через реку.

Так мы и сделали и, усевшись на крыльце хижины, стали смотреть, как спускается с обрыва следующая пара.

— Кстати, спасибо, что ты меня…

Завербовал, — сказала я.

— Я знаю, — сказал Джимми. — Ты — сорви-голова из-под палки. Но разве это не ты ползала по воздуховодам?

— То другое дело, — ответила я. — Там была моя идея.

В конце декабря, как раз перед самым праздником Конца Года, на Корабль вернулась группа, проходившая Испытание на Новой Далмации. Из сорока двух человек не подали сигнал о подъеме семеро. Одним из них был Джек Брофи, которого я немного знала еще по Альфинг-Куоду. И конечно,

я не могла не задуматься: а вернусь ли я сама на Корабль через год? Но довольно скоро я выбросила из головы эти мысли. Конец Года — слишком веселый праздник, чтобы думать о неприятном. И кроме того, я обнаружила нечто совершенно сногсшибательное — оно завладело моими мыслями и заставило по-иному взглянуть на мать.

Конец Года — это пять или шесть дней празднеств. В 2198 невисокосном году — пять. В одной из прочитанных книг я обнаружила, что до реформы календаря день високосного года приплюсовывали к февралю. (Это было частью мнемонических правил, которые помогали вам запомнить, сколько дней должно быть в каждом из месяцев. Моя интерпретация этих правил для нашего календаря гласила бы: по 30 дней — в январе, феврале, марте, апреле, мае, июне, июле, августе, сентябре, октябре, ноябре, декабре. У меня вообще неповоротливая память, слоновая, говорил Папа, хотя я даже не знаю, что значит «слоновая».) Украшение нашей квартиры к Концу Года я взяла на себя. Мы с Джимми проделали специальное путешествие на Корабельный склад

на Втором Уровне, выбрали пинъяту[7] в виде гигантского цыпленка и выкрасили ее в красный, зеленый и желтый цвета. В инте у Джимми, конечно, тоже была пинъята, но безликость инта отнимает у праздника половину веселья, и я договорилась с Папой, что Джимми проведет Конец Года с нами. Совместными силами мы с ним довольно мило разукрасили квартиру и распланировали вечеринки на второй день (для нашей шестерки и еще нескольких друзей). Предполагалось также грандиозное празднество под Новый год: открытый дом для каждого, кто захочет прийти. Поскольку это снимало все заботы с Папы, у которого нет никакой склонности к праздничным приготовлениям, он был очень рад нашей подмоге.

В Альфинг-Куоде я почти никогда не приглашала к себе домой своих друзей. Теперь же у нас в квартире постоянно бывали другие ребята, чаще всех Джимми, который тоже жил в Гео-Куоде. У Папы свой распорядок жизни, он предпочитает уединение, и я думала, что ему вряд ли понравится, что посторонние все время путаются под

[7] Примечания: 7

пинъята (pinata) — в странах Латинской Америки чучело птицы или зверушки, начиненное подарками, игрушками и сластями; готовится к праздникам

ногами. Но Папа ни разу не возразил, не возмутился (хотя, наверное, было чем) и даже отступил от своих правил, ясно дав понять, что он одобряет Джимми.

— Он хороший мальчик, — сказал Папа. — Я рад, что ты с ним часто видишься.

Конечно, я не очень-то удивилась, поскольку у меня сложилось отчетливое впечатление, что Джимми был одной из причин, по которой мы переехали именно в Гео-Куод. И то, что нам одновременно назначили учителем мистера Мбеле, тоже не могло быть случайностью. Я также подозреваю, что разговор с Корабельным Евгеником показал бы: наша с Джимми встреча запрограммирована… Но меня это не особенно беспокоило. Я чувствовала, что Джимми мне нравится.

Частично мои выводы подтвердились (попутно я сделала еще одно важное открытие), когда я просматривала Корабельные Анналы. При каждой Общей Зале в каждом Куоде имеется библиотека. Пользоваться ею приятно: когда держишь в руках настоящую книгу, то в душе чувствуешь себя эдаким первооткрывателем. Есть что-то особенное в самой форме книги, в формате, в весе… Удивительно, как, пробегая глазами по рядам книг, ты выбираешь из них одну, потому что

именно она таинственным образом притягивает твой взгляд. Но элементарная ограниченность пространства не позволяет физически собрать в одном месте все имеющиеся на Корабле книги. Поэтому обычно их названия и краткое содержание просматривают по видику, а потом, если она вам действительно нужна и вы хотите ее прочесть, заказывают отпечатанный экземпляр. В определенные издания, вроде Корабельных Анналов, большинство людей не заглядывает ни разу за всю жизнь, благо нет на то причин, и хотя у меня тоже не было особой причины, кроме любопытства, мне очень хотелось в них заглянуть. Чтобы получить такую возможность, я даже готова была использовать Папино положение на Корабле.

— Тебе в самом деле нужны эти книги? — недоверчиво спросил библиотекарь. Они, знаешь ли, совсем не интересны. И я даже не уверен, стоит ли мне их тебе давать…

Клянусь, я не сказала ему, что мой Папа, Майлс Хаверо, Председатель Совета Корабля, разрешил мне просмотреть Анналы. Честное слово, я ему этого не сказала. Но я готова была любым путем настоять на своем, и, боюсь, у библиотекаря могло создаться впечатление, что я-таки сослалась

на Папу… Хотя это не так. Но, короче говоря, я получила доступ к Анналам, и это — главное.

Как я уже говорила, я нашла там некоторые интригующие рекомендации Евгеника. Этим рекомендациям было лет двадцать. Но когда я добралась до себя, точнее, до матери и Папы… Вот тут у меня волосы дыбом встали: У МЕНЯ БЫЛ БРАТ!

Да, это был удар. Я выключила видик, слова на экране растаяли, я легла на постель и долго лежала, свернувшись в клубок, размышляя. Почему мне никто ничего не рассказывал о брате — было непонятно. Смутно я припомнила, что кто-то однажды уже интересовался, кто-то прощупывал меня насчет моих братьев и сестер. Кто? Вспомнить я не могла.

Так и не разобравшись в собственных воспоминаниях, я снова включила видик. В Анналах было записано все.

Его звали Джо-Хосе. Он был почти на сорок лет старше меня и умер больше пятнадцати лет назад.

Покопавшись, я узнала кое-что еще. Джо-Хосе, видимо, не хуже меня сознавая аховое положение с художественной литературой на Корабле, сделал то, что я бы не сделала никогда — он на-

писал роман. (Позднее я его прочла. Он был не просто плох, он был ужасен — о современной жизни на Корабле. И это дало мне основания считать, что Корабль — не самая лучшая тема для художественного произведения.) В других сферах Джо был намного компетентней. Считалось, например, что он подавал большие надежды в физике. Смерть его была результатом совершенно дурацкой случайности, несчастного случая. Его нашли слишком поздно, оживлять было уже бессмысленно. Мать очень сильно переживала его смерть.

И вот теперь, когда я все узнала, нужно было что-то предпринимать. Я просто обязана была выяснить, почему от меня скрывали факт существования брата.

Улучив спокойную минуту, я подошла к Папе и как можно безразличнее задала вопрос. Папа посмотрел на меня озадаченно.

— Миа, ты же все отлично знаешь про Джо, — сказал он. — Ты давно меня не спрашивала, но в свое время я рассказывал тебе о нем раз двадцать.

— Неделю назад я даже не знала о его существовании.

— Миа, — серьезно сказал Папа, — когда тебе

было три года, ты, бывало, просто умоляла меня рассказывать тебе сказку про Джо.

— А теперь я этого не помню, — заявила я. — Сейчас ты мне расскажешь о нем?

И Папа рассказал мне о брате. По его словам, мы были похожи — и внешне, и внутренне.

Матери я не сказала ничего. Тут был какой-то барьер: я не могла говорить с ней на серьезные темы. Единственным человеком, кроме Папы, которого я посвятила во все, был Джимми, и он заметил, что, может быть, я не помнила о брате потому, что не хотела о нем помнить… И возможно, «находка» записей в Анналах тоже не была такой уж случайностью. Сначала меня это взбесило, но затем я подумала, что в словах его есть доля истины. Но с Джимми мы два дня не разговаривали.

И вот тут-то, размышляя над психологическими категориями, я задумалась о матери: почему она держит меня на расстоянии вытянутой руки? Почему она чувствовала себя несчастной, когда я жила с ней? И я решила, что, видимо, причиной тому являюсь не я сама, Миа Хаверо, как личность; из колеи ее выбивает самый факт моего существования, и она до сих пор переживает смерть Джо, хотя прошло уже столько лет. Это

было похоже на правду.

Не могу сказать, что я полюбила ее сильнее, но мы сумели наладить друг с другом более теплые отношения.

За ту зиму изменилось еще кое-что. Мое мировоззрение. Это стало прямым результатом написанных мною и Джимми работ по этике.

Моя работа представляла собой сравнительный анализ полудюжины этических систем. Главное внимание я уделяла их недостаткам, заканчивая утверждением, что, хотя это и не бросается в глаза, все рассматриваемые этические системы создавались, так сказать, постфактум. То есть люди всегда поступают так, как они склонны поступать, но затем им обязательно хочется почувствовать собственную правоту, а некоторым нужно самооправдаться, и поэтому они изобретают этические системы, подгоняя их под свои склонности. Конечно, здесь нужно учесть, что, хоть я и находила выражения типа «Человечество — цель, а не средство» совершенно очаровательными, но ни одной этической системы, которая удовлетворяла бы моим собственным наклонностям, я не нашла.

Джимми пошел по иному пути. Вместо того, чтобы критиковать чужие этические системы,

он попытался сформулировать свою. Она была гуманистической, но кардинально отличалась от исследованных мной. Джимми утверждал, что истинная гуманность является благоприобретаемой, но не наследуемой. К этому утверждению можно было придраться, если бы не главный козырь Джимми: он говорил скорее о категориях отношения к жизни, но не постулировал принципы. Для принципов слишком легко найти исключения. Слушая Джимми, я испытывала все возрастающее беспокойство. Не от того, что он говорил, это вполне соответствовало его взглядам на вещи, но из-за того, какого типа работу он написал. Он-то написал, а я, которая собиралась стать синтезатором, которая собиралась строить замки из отдельных кирпичиков, этого не сделала. Тут и дошло до меня, что я не делала этого никогда. Изготовление значков, постройка хижин, сборка чего угодно — все это было не по моей части, не было здесь ни грамма моей инициативы. И мне давным-давно следовало это понять.

Я не строитель, подумала я. И даже не настройщик. Это было мгновение чистого, необъяснимого откровения.

— Давайте теперь обсудим, — предложил ми-

стер Мбеле, когда Джимми закончил. — Какие замечания приходят в голову тебе, Миа?

— Ладно, — сказала я. И повернулась к Джимми. — Почему ты хочешь стать именно ординологом?

Он:

— А почему ты хочешь стать синтезатором?

Я замотала головой.

— Я спрашиваю серьезно. Мне нужен ответ.

— Не вижу смысла отвечать. Какое отношение это имеет к этике? И вообще, о чем мы говорим?

— К этике никакого, — ответила я. — Но это имеет отношение к твоей работе. Ты не слушал самого себя.

— Миа, может быть, ты выразишься попонятнее? — попросил мистер Мбеле. — Я не уверен, что поспеваю за ходом твоих мыслей.

— Просто я задумалась о том, какую работу проделал Джимми, и какую — я. У нас был свободный выбор. И если бы Джимми действительно хотел стать ординологом, он написал бы работу вроде моей, критическую. А я, если бы действительно была создана для профессии синтезатора, написала бы работу как у Джимми, творческую. То есть все наоборот…

— Понимаю, — кивнул мистер Мбеле. — Пожа-

луй, ты права.

— Но я-то хочу быть ординологом, — возразил Джимми.

— Это ты из-за своего деда, — сказала я.

Мистер Мбеле согласился со мной почти сразу же, но Джимми слишком давно нацелился стать ординологом, чтобы так легко изменить своей мечте. Чтобы смысл, а главное — неизбежность «измены» дошли до него, потребовалось время. Он не обладал критичностью мышления, и в этом, конечно же, была вся суть. Я же ясно дала понять, что теперь я намерена стать ординологом, и мистер Мбеле принял это. Мне было тем легче совершить поворот, потому что, размышляя о своем будущем, я думала о профессии синтезатора как бы в скобках и с вопросительным знаком. И, изменив цель, я чувствовала, что поступила правильно.

Впрочем, и Джимми, когда попривык к этой мысли, тоже последовал моему примеру. Иначе и не могло быть. Он — человек творческий.

— Твое дело, — сказала я ему, — придумывать всякие сумасшедшие авантюры. А мое — думать, почему из них ничего не выйдет.

— Ладно, — согласился Джимми. — Будешь ты ординологом, а я синтезатором.

— Отлично! — Я поцеловала его в щеку. — У нас тогда еще не все потеряно, мы все еще сможем быть партнерами!

Решение о перемене жизненной цели стало этапом моего взросления. Разумеется, я не испытывала недостатка в признаках перемен, они следовали один за другим. Например, один из них обнаружился, когда мы с Эллен Пак отправились на Корабельный склад выбрать себе одежду.

В жизни на Корабле есть свои нюансы. Одна из проблем в том и заключалась, как сделать существование людей труднее, чем оно могло бы быть. Если бы жизнь не требовала от нас никаких усилий, то рано или поздно мы скатились бы к растительному существованию. Поэтому, например, вещи для себя нужно было выбирать лично, а не заказывать с ленцой по видику.

Мы с Эллен оказались на Корабельном складе вовсе не потому, что износили свою одежду. Просто мы из нее выросли. Последний год я росла постоянно, правда так никого в росте и не догнала, ведь остальные ребята росли тоже. Мне теперь приходилось носить лифчик, это было ново и неудобно, и стиль мой по части одежды уже не ограничивался легкими рубашками, шортами и сандалиями. Отчасти благодаря Эллен. У

нее хороший вкус, и она регулярно заботилась о моей внешности.

По дружбе, конечно.

— Ты ведь красивая, — говорила она мне. — Но кто это видит, если ты ходишь все время в одном и том же?

Лично мне было все равно. Я довольствовалась тем, что живу, себя не стесняя, и совсем не испытывала желания потрясти мир. Но для некоторых людей я была не прочь выглядеть попривлекательнее, и поэтому безропотно отдала себя в руки Эллен. Ей-Богу, я не пожалела! Например, Эллен заставила меня надеть розовый костюм, который великолепно подходил к моим черным волосам. Сама я никогда бы его не выбрала. Это был для меня приятный сюрприз.

— Всего-то и нужно подчеркнуть твои лучшие стороны, — сказала Эллен довольно.

У нее были причины гордиться. Даже Папа заметил во мне перемену, и Джимми тоже. От Джимми, конечно, не последовало никаких комплиментов, хотя от Папы я удостоилась их услышать. Ну да ладно.

Мы примеряли одежду, смеясь и дурачась перед зеркалами, но между делом я нашла кое-что и для Эллен, для ее белокурой головы и восточных глаз.

Она, конечно, сама отлично знает, что ей идет, и тем приятней мне было найти для нее вещь, которая ей на самом деле понравилась.

Перебирая вешалки с одеждой, я вдруг увидела знакомое лицо.

— Эй! — махнула я рукой.

Это была Зена Эндрюс. Выглядела она уже не такой пухленькой, как когда-то. Вид у нее был взволнованный, она явно кого-то искала. Заметив мой жест, она подошла ближе.

— Привет, Миа, — поздоровалась она. — Ты не видела мою мать?

— Нет, — ответила я. — У тебя что-нибудь случилось?

— А, — сказала она. — Ничего такого. Просто я получила повестку. На следующей неделе начинается мой класс выживания.

— Да? Это хорошо, — сказала я.

Когда она ушла, мы с Эллен переглянулись. Время летит. И кажется, у нас это было только вчера.

Постепенно подошла и кульминация в занятиях по выживанию: мы перешли в Первый Класс и отправились охотиться на тигра, на Третий Уровень. По замыслу это должно было придать нам большую уверенность в себе. Так оно и слу-

чилось. Ничто так не способствует ощущению уверенности в своих силах, как охота на тигра чуть ли не с голыми руками. Если, конечно, ты сумеешь пережить эту охоту.

Однако мы сумели.

Спуск на Третий Уровень с рюкзаками на плечах стал к тому времени для нас делом обычным. Мы с Джимми отправились из Гео-Куода челноком. Я была не в лучшем настроении (поджилки-то вибрировали!) и мрачно наигрывала что-то на своей старинной детской флейте.

— Ты ведь не собираешься брать ее с собой, а? — спросил Джимми.

— А почему бы и нет?

— Ну, надо признать, у тебя уже неплохо получается. Но если ты будешь и дальше играть в том же духе, ты нас всех ввергнешь в депрессию.

— Сегодня вечером у меня дивертисмент «У Лагерного Костра», — сказала я. Традиция выступать у костра возникла у нас после второй экспедиции, это помогало скоротать вечера.

— Ты собираешься играть на флейте?

— Нет, — сказала я. — Я собираюсь рассказывать сказку. Но ты чуть было не заставил меня передумать.

— Ты боишься? — Джимми говорил не о дивер-

тисменте у костра.

— Знаешь, не очень меня вдохновляет мысль о том, чтобы швырять камни в тигра. — Я грустно улыбнулась. — Но ничего, как-нибудь привыкну. А ты как?

— Я всегда волнуюсь, — ответил Джимми. — Поэтому-то я и люблю поговорить или сыграть в шахматы.

Из челнока мы вышли у знакомых Ворот № 5 и присоединились к ребятам, которые как раз получали ранцевые вертолеты. Там же находился мистер Марешаль, и ему снова помогал мистер Писарро, отрастивший рыжую бородку в тон своим пышным усам. Мистер Марешаль держал на поводке двух собак. Затем собак и еду загрузили в транспортер, и, построив нас, мистер Марешаль окинул всех пристальным взглядом.

— Я хочу, чтобы каждый понял, — сказал он, — никто из вас не обязан идти…

Мы кивнули, но никто не шевельнулся, чтобы выйти из строя.

— Ножи есть у всех?

— Да.

Ножи были единственным оружием, которое нам разрешалось иметь.

— Я еще раз хочу предупредить, что по крайней

мере одному из вас предстоит получить тяжелое, может быть, даже смертельное ранение. Вам предстоит охота на тигра, который почти столь же коварен и опасен, как те животные, которых вы можете повстречать на Испытании. Там, на Испытании, я надеюсь, у вас хватит здравого смысла их избегать. Но сейчас вам предстоит выследить тигра, захватить его и убить своими руками. Вы сможете сделать это, потому что вы сильнее его. По крайней мере, как группа. Я гарантирую вам, что кто-то из вас будет ранен, но, когда вы закончите охоту, тигр будет мертв. И вы удивитесь, обнаружив, какое удовлетворение это вам доставит. А теперь пошли.

Районы, отведенные дикой природе на Третьем Уровне, столь же, наверное, малоприятны, как пейзажи любой из планет. Местность тут не такая тяжелая, но дикие животные — самый, пожалуй, серьезный фактор. На эту последнюю «увеселительную» прогулку мы отправились без надувных палаток и ультразвуковых пистолетов, разрешенных на Испытании, и мы нарочно искали самое опасное животное, которое только есть на Корабле. Это не просто пролог к Испытанию. Здесь вам ясно показывают цену жизни и необратимость смерти. Здесь вы рискуете по-крупному.

Быть может, вы сочтете способ, с помощью которого нас в этом убеждают, сомнительным, но, как я уже говорила, цель этих действий состоит в приумножении в нас уверенности в себе и своих силах. И в данном случае — цель оправдывает средство. Поднявшись, словно стая огромных птиц, с территории Тренировочного Центра к самому потолку, мы полетели над парковой зоной, поглядывая на раскинувшиеся внизу деревья и дорожки для верховой езды, и скоро миновали колючую изгородь, отгораживающую дикие земли. Сперва картина не слишком отличалась от той, которую мы привыкли видеть в парковой зоне, но вот мы пролетели над табуном мустангов… Шум винтов и наши тени напугали их, и они во весь опор помчались по прерии. Вел группу мистер Марешаль, мистер Писарро летел замыкающим на транспортере. Мы продвигались все дальше, в глубь дикой страны, держась на одном расстоянии от потолка, а местность под нами менялась, становясь изрезанной и холмистой.

Приземлились мы по сигналу мистера Марешаля на невысоком холме, поросшем кустарником и случайными деревьями. Прерии остались далеко позади. Собак выпустили из транспортера, они затявкали, натянув поводки, но мистер Писарро

их привязал. Сразу же выставив часовых, мы начали разбивать лагерь, и только-только успели собрать хворост и развести костер, как яркий свет с потолка стал меркнуть, ветер замер, воздух похолодал. Температура упала не сильно, и костер нужен был не для обогрева, а для приготовления еды и, конечно, безопасности.

После ужина все собрались вокруг огня, включая мистера Марешаля и мистера Писарро, и теперь был мой выход. Я собиралась рассказывать историю, которую подготовила специально для этого случая. Это была старая-старая сказка, она называлась «Леди из Карлайла».

Подождав, пока все успокоятся, я встала в мерцающем свете костра пред сидящими ребятами и начала:

— Это произошло давным-давно в местечке, которое называется Карлайл и где водились дикие львы. Тигры, как вы знаете, живут в одиночку, но те львы жили стаями и терроризировали всю округу.

В Карлайле жила одна леди, которую ее покойная матушка напичкала странными идеями. Леди была молода и очень красива, и за ней ухаживали все окрестные холостяки, считая ее весьма выгодной партией из-за ее красоты и

богатства. Но матушка внушила ей, что быть красивой — значит быть особенной и не следует бросаться на шею первому встречному или даже второму, который подвернется. Она должна ждать молодого человека из хорошей семьи, богатого, честного и смелого.

— Женихов надо испытывать, — говорила мать.

Ну, а поскольку ее папа нажил состояние, продавая хлебные крошки…

— Да брось ты, Миа, — сказал кто-то. — Кто же захочет покупать хлебные крошки!

— Так оно и было, — ответила я. — Эти крошки покупали дети, которые ходили в лес. Они их бросали на землю, чтобы потом отыскать дорогу домой. Короче, отец оставил этой леди достаточно денег, и она могла себе позволить год за годом сидеть, раз в неделю — по воскресеньям после обеда — принимая своих ухажеров. И каждого она отвергала, для каждого находилась причина ему отказать. Так провела она много лет, забавляясь тем, что давала женихам от ворот поворот. Причины же она выдумывала одну другой чуднее. Настал момент, когда в округе сорока миль не осталось ни одного мужчины, которому она хотя бы однажды не сказала «нет». И когда в городе

появлялся чужак, местные парни обязательно посылали его получить свою порцию. Город был маленький, и розыгрыш служил постоянным развлечением.

Но однажды… В одно прекрасное воскресенье в городской таверне сидели и пили вино два молодых человека. Один из них был лейтенантом в шляпе и красном мундире, на груди у него сверкали медали. Второй был флотским капитаном; несмотря на молодость, он уже успел совершить три кругосветных путешествия. Оба были из безупречных семей, оба были людьми чести, с карманами, полными денег, у каждого были медали и другие свидетельства храбрости. И оба они были холостяками. Короче, из всех кандидатов в женихи, которые когда-либо появлялись в Карлайле, эти двое были самыми подходящими. Местные парни даже не старались выбрать из них лучшего, они просто и без обиняков изложили ситуацию, а оба молодых человека уже порядочно выпили, чтобы найти идею привлекательной и вполне подходящей для решения вековечного спора между армией и флотом. И они отправились к леди с визитом, а леди как раз оказалась дома и согласилась их принять.

Даже спустя столько лет она была очень кра-

сивой женщиной. Таких красивых женщин молодым людям встречать не приходилось, хотя повидали они немало стран. В свою очередь, офицеры показались ей именно того сорта мужчинами, которых ее мать велела высматривать и ждать. Правда, они оба явились одновременно, и это сильно осложняло дело, но наконец леди придумала, как решить задачу — по методу своей матушки…

— Я дам каждому из вас задание, — сказала она. — Тот, кто выполнит его, станет моим мужем.

И они втроем уселись в карету, запряженную парой лошадей. Местные оболтусы, дожидавшиеся во дворе, последовали за ними по дороге, веселясь и заключая пари. Экипаж перевалил через холм, спустился под гору и через некоторое время подъехал к логову тех львов, которые так досаждали местным жителям. Тут прекрасная леди остановила лошадей. Она сошла на землю и внезапно рухнула пластом на дорогу. Ее подняли, отряхнули с нее пыль, усадили обратно, но еще добрые четверть часа она не произносила ни слова. Молодые люди спросили у местных, что, мол, случилось, и те ответили, что на леди иногда находит…

— А что с ней случилось?

— Не знаю, — сказала я. — Так написано в сказке. Может, она была истеричкой.

— Да тише вы! — шикнул кто-то. — Дайте ей досказать.

— Наконец леди пришла в себя. И первым делом закинула свой веер прямо в львиное логово. Звери, понятно, зашевелились, зарычали, начали нервно расхаживать, а леди, весьма довольная собой, осведомилась:

— Ну-с, кто из вас, господа, хочет завоевать мою руку и сердце, вернув мне мой веер?

Местные принялись заключать новые пари, а двое молодых людей смотрели на логово львов, на леди, друг на друга, обдумывая ситуацию и пытаясь найти решение. В конце концов лейтенант, заслуживший каждую из медалей, которые носил, но усвоивший от своей матери кое-что относительно здравого смысла, покачал головой и сказал, что лучше он вернется в город и выпьет еще пинту пива. И он побрел по дороге, ворча под нос на женщин и их глупые причуды.

Тогда все посмотрели на капитана, гадая, как он поступит, и под их взглядами капитан снял китель, чтобы тот не помялся, расправил воротничок и сказал:

— Я это сделаю.

И стал спускаться в логово. Кто-то сказал, что у него больше смелости, чем мозгов, другие утверждали, что он просто слишком много выпил, но никто не думал, что он вообще вернется назад. Все напрягали зрение, пытаясь рассмотреть что-нибудь внутри логова, но тщетно. Оттуда доносилось лишь перерыкивание львов. А затем внезапно появился капитан. Вид у него был немного помятый, но зато в руке он держал веер.

— А вот и я! — сказала леди и приготовилась уже броситься к нему в объятия.

Но капитан, посмотрев ей прямо в глаза, проговорил:

— Если вам нужен веер, достаньте его сами.

И он швырнул веер обратно в логово львов.

Затем он вернулся в город, поставил лейтенанту еще пива, после чего каждый из них пошел своей дорогой. Получила ли та леди свой веер обратно, я не знаю. Вот такая сказка.

Джимми, когда ему представился случай поговорить со мной наедине, шепнул:

— По-моему, это здорово, что мы здесь по веской причине. Разве нет?

Утром, при полном свете, загасив костры и спрятав ранцевые вертолеты, предвкушая охоту,

мы двинулись выслеживать тигра, ведя собак на поводке. По пути я подбирала камни с ладонь величиной и швыряла их во все стороны, стараясь во что-нибудь попасть, — для тренировки.

— Не так, — сказал Джимми. — Смотри, как надо.

Его бросок был более плавным и точным, но чем он отличался от моего, я не понимала.

— Так ты же неправильно делаешь, — сказал Ат. — Дергаешься всем телом.

— Вот-вот, — кивнул Джимми. — Ты бросаешь всем плечом, а предплечье почти не работает. А нужно, чтобы работало, и запястье тоже. Резче нужно…

— Снова притворяешься мило беспомощной, Миа? — осведомилась, подкравшись, Вени Морлок.

Я бросила камень, который держала в руке.

— Вот так-то лучше, — сказал Джимми.

Вени заслуживала достойного ответа; я уже повернулась к ней и открыла рот, как вдруг залаяли собаки. Это было не обычное гавканье — в лае слышалась напряженная, даже музыкальная нота, словно собаки почувствовали, что им есть о чем петь.

— Идите все сюда, — позвал мистер Писарро, и

мы собрались вокруг него.

Мистер Марешаль, стоя на коленях прямо в глине, показывал на отпечаток-след. След был дюйма четыре в поперечнике и намного больше в длину.

— Вот мы и у цели, — сказал мистер Марешаль. — Обратите внимание на песчинки внутри следа. Ему не более двух часов. А скорее всего, меньше, — добавил он, изучив ветерок.

Мистер Писарро спустил с поводков собак. Дрожа и внюхиваясь в следы, собаки замерли на мгновение, а потом рванулись вперед, заливаясь лаем. Теперь, когда они взяли след, лай их стал более деловитым, что ли, и мы, подхваченные азартом, побежали за ними рысью, вверх-вниз по песчаным холмам. Я радовалась, что догадалась надеть сандалии, из них песок высыпался так же быстро, как и залетал.

Поразительно, какое разнообразие ландшафтов и растительных форм могут производить небольшие различия в силе ветра, температуре и влажности. Мы бежали по песчаным склонам оврагов, проламывались сквозь кустарник, где можно было — огибали его, уходя все дальше от покрытой травой долины. По всей видимости, тигр вышел в степь поохотиться и затем вернулся

в заросли, где у него было логово.

Иногда мы теряли собак из виду и бежали только на лай. А однажды собаки сами потеряли след и вынуждены были вернуться назад.

Бежать стало труднее. И вдруг мы услышали, как собаки зашлись лаем, — они настигли тигра. Перемахнув через гребень очередного холма, мы успели заметить, как пурпурного цвета тигриный хвост исчезает за торчащей из песка скалой.

Если бы Третий Уровень в том виде, в котором он существует, создавался бы лишь как скопище земли и камней, это не стоило бы затраченного труда. Возьмите калькулятор и подсчитайте, сколько бы для этого понадобилось разведкораблей. Транспортировать землю с планет — огромный до абсурдности труд. Но Корабль, по сути, — не что иное, как гигантская скала, пронизанная коридорами и коммуникациями, словно голландский сыр. Поэтому для создания Третьего Уровня потребовалось лишь раздробить скалу и размельчить осколки до приемлемых размеров. Наш тигр исчез за осыпью, оставленной когда-то на этом месте гигантским камнепадом. Собаки последовали за ним.

С воинственным кличем мы бросились вниз по склону. В скалах тропа раздваивалась; одна

узенькая тропка вела вверх и явно прочь от лающих собак, другая вела прямо «в яблочко».

— Несколько человек — туда! — запыхавшись, махнул рукой мистер Марешаль в сторону верхней тропы.

Я последовала за ним прямо вперед, и через мгновение мы выскочили на открытое пространство между скал, и там нас ждал облаиваемый, рычащий и бросающийся на собак тигр. Он был пурпурного цвета, мощные плечи — черные, клинообразная голова выглядела устрашающе, а зубы казались слишком велики для такой узкой морды. Вообще, в этой обстановке он выглядел столь же чужеродным существом, как, например, профессиональный футболист, но одновременно вид его внушал восхищение: тигр был функционально совершенен и так же, как футболист, импозантен.

Мы образовали круг. Собаки с лаем подскакивали к тигру с боков, но сразу отпрыгивали за пределы досягаемости, лишь только он поворачивался в их сторону. Зверь попытался было прорваться с противоположной стороны кольца — и здесь собаки не давали ему ни одного шанса. Но внезапно одна из собак замешкалась, не успела отскочить — и мгновенно была превращена

в дергающуюся, окровавленную кучку мяса и костей.

Наверху, на камнях, появились мистер Писарро и четверо ребят. Одним из четверых был Дэвид Фармер, почти такой же увалень, как и Ригги Аллен. Молча взирая на кровь, шум и пыль внизу, Дэвид Фармер картинно позировал на вершине красноватой скалы и, я ничуть не сомневаюсь, уже собирался крикнуть, дабы обратить на себя наше восхищенное внимание, но вдруг оступился, потерял равновесие и, скользнув по скале, тяжело рухнул совсем рядом с тигром. Тигр даже испугался. Наверняка поэтому он, рыча, внезапно бросился в атаку, прямо через нашу последнюю, припавшую к земле собаку.

К несчастью, на его пути оказалась именно я. Сработал, наверное, древний инстинкт: не задумываясь, лишь прикинув вес камня в руке, я швырнула его — не знаю даже, правильно или нет, — и он попал тигру прямо в морду. Это послужило сигналом. На зверя обрушился град камней, и бедный, сбитый с толку тигр снова вернулся на исходную позицию, хотя сверху на него тоже сыпались булыжники всех размеров.

Круг ребят стал сужаться, но никто не смел решительно выйти вперед и встретиться с тигром

один на один, предпочитая набираться смелости у стоящих рядом. И вдруг, действуя так же, как собаки, Джимми взмахнул ножом перед тигриной мордой, зверь отвлекся, и Ат, от которого я совершенно этого не ожидала, прыгнул ему на спину и всадил меж ребер кинжал.

Рыкнув от боли и выгнув плечи, тигр сбросил Ата с себя, но уже в следующий миг он был погребен под нашими телами. Замелькали ножи, и через несколько секунд тигр был мертв. Мы отвалились в стороны, а он остался лежать неподвижной грудой меха, и пурпур его был исполосован струями крови.

Дэвид Фармер вышел из этой истории со сложным переломом ноги. У Билла Наймена было порвано когтями и сломано плечо, тигр ударил его лапой уже перед самой смертью, я отделалась крошечной царапинкой и средних размеров порезом на руке, в свалке кто-то случайно задел меня ножом. Но те, кто придумал эту охоту, были правы. Она действительно дает ощущение мощи; отныне вы знаете, что способны убить тигра — прекрасное, совершенное, и в то же время опаснейшее существо. Правда, ощущение собственного могущества может возникнуть и когда вы нажимаете кнопку, убивая зверя с рас-

стояния пятьсот ярдов… Но мы убили тигра на его собственных условиях. Мы преследовали его на собственных ногах и, догнав, убили его.

У охоты есть также и еще одна сторона: вы вдруг узнаете кое-что новое о себе самом — например, какие мысли возникают у вас при виде когтей в футе от вашего лица. А еще вы обнаруживаете, что при охоте на тигра можно сорвать голос.

Какой бы положительный эффект ни произвела на наши души охота на тигра, тем не менее весь ноябрь беспокойство и напряжение во мне нарастало. Веселое настроение куда-то испарилось, и, хотя разум твердил мне (который уж месяц), что Испытание, скорее всего, окажется элементарной прогулкой, душа моя отказывалась в это верить. Я старалась вести себя с людьми ровно, но к концу месяца едва могла заставить себя с кем-нибудь заговорить. Про вежливость я вообще молчу. Кроме того, я стала плохо спать, а однажды ночью проснулась от собственного крика. Такого не случалось уже много лет.

Хуже всего было ожидание. К середине ноября я уже мечтала, чтобы Испытание началось как можно скорее. Но оно не начиналось, и я становилась все раздражительнее.

Я даже умудрилась испортить отношения с

Джимми, а это было нелегко сделать: Джимми очень добродушен, и еще — в последнее время мы стали с ним очень близки. Хотя выбрасывают нас на Испытание раздельно, после высадки можно объединить силы, это допускается, и я собиралась идти в паре с Джимми. Уверена, что и он хотел того же, но ссора прикончила все наши замыслы.

Началась она с очередного моего непримиримого замечания о грязеедах. Как обычно, я сказала то, что думала, но, может быть, желая подчеркнуть, перестаралась в гиперболах. Мистера Мбеле это очень задело.

— Я думал, ты уже переболела этим, Миа, — произнес он. — Мне не нравится твоя сверхупрощенная категоричность. Моих предков на Земле преследовали, например, только за то, что у них кожа была темного цвета. Из-за этого их считали низшей расой, недочеловеками…

Мистер Мбеле, с моей точки зрения, сказал явную глупость. Ведь моя кожа, между прочим, была еще темнее, чем у него, а я не чувствовала себя ниже кого бы то ни было.

— Но цвет кожи — несущественное отличие, — возразила я. — А образ жизни существенное.

По пути домой Джимми попробовал со мной

спорить:

— Ты помнишь те работы по этике, которые мы с тобой делали прошлой зимой?

— Да.

— Мне казалось, ты была согласна с Кантом в том, что к людям следует относиться и как к целям, и как к средствам…

— Да, помнится, я не возражала.

— Почему же ты так презрительно говоришь о колонистах?

— Так ты что же, действительно считаешь, что грязееды — люди?

— О! Знаешь, я словно бы услышал сейчас твоего отца… — проговорил Джимми.

Вот тут-то и пробежала меж нами черная кошка. Джимми никогда ни с кем не дрался, я, по крайней мере, этого не видела; сама я тоже больше года уже не пускала в ход кулаки, но тогда мы подошли к этой грани очень близко. Обошлось, конечно, но отныне мы ходили разными дорогами и не разговаривали при встречах. И я вернула Джимми его значок «Между гор». Это произошло в пятницу вечером, за день до моего дня рождения.

Джимми на день рождения не пришел. И день моего четырнадцатилетия прокатился, не оста-

вив в памяти ничего интересного. Это было в воскресенье. А в понедельник мы отбыли на Испытание.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Существует два способа пройти через Испытание: метод черепахи и метод тигра. Метод черепахи заключается в том, что вы зарываетесь в какую-нибудь нору и сидите в ней весь месяц, не высовываясь ни под каким видом. По методу тигра вы, наоборот, рыщете по всей округе, все исследуете, во все переделки ввязываетесь. Несомненно, метод тигра опасней, но, с другой стороны, он несравненно увлекательней. Ни один из наших инструкторов никогда не брал на себя ответственность рекомендовать нам тот или иной способ. Быть черепахой не считалось зазорным, хотя, конечно, прослыть тигром было престижно.

Иногда мы это обсуждали. Ригги, например, твердо решил быть черепахой.

— Я хочу вернуться домой, — говорил он. — И я хочу, чтобы у меня было на то максимум шансов.

Вот что происходит, когда безрассудный человек начинает задумываться. Ат о своих планах

не распространялся, но Джимми уверял, что он собирается быть тигром. Я, еще когда рассчитывала после высадки объединиться с Джимми, тоже склонялась к этой мысли. Но, решив идти в одиночку, сразу убавила свою запроектированную тигриность процентов на шестьдесят. Если хотите, можете звать меня «скромным тигром».

Первого декабря я встала пораньше и отправилась на кухню смастерить себе что-нибудь поесть. Но оказалось, что на кухне уже ждут меня Папа и завтрак, приготовленный им собственноручно. Ели мы в подавленном настроении.

И когда я уже готова была идти, Папа сказал:

— До свидания, Миа. Мы с матерью встретим тебя, когда ты вернешься домой.

— До свидания, Папа, — ответила я и поцеловала его в щеку.

На челноке я добралась до Ворот № 5 на Третьем Уровне. На мне была крепкая обувь, штаны, легкая и теплая рубашка. С собой — нож, ультразвуковой пистолет, надувная палатка, спальный мешок, несколько личных вещей, несколько смен одежды, желто-зеленая с красным матерчатая куртка, еда и, самое главное, мой сигнализатор подъема. Этот маленький приборчик, три дюйма на два, был единственной моей связью с развед-

кораблем. Без него, без поданного в нужное время сигнала, я, с точки зрения людей на Корабле, буду мертва. Жива я или мертва на самом деле — значения иметь не будет: раз я не подаю сигнал, они не могут меня подобрать, и, следовательно, на Корабль я уже не вернусь.

Я забрала Филю, свою глупую, но сильную лошадку, упряжь и сложила все в транспортный челнок. Потом я помогла сделать то же Рэйчел Юнг, и мы вместе отправились на Первый Уровень, в разведдок. Загрузив лошадей и снаряжение в разведкорабль, мы вышли наружу подождать остальных. Не было никаких оркестров, никаких торжественных проводов, разведкорабли спокойно стояли на дюзах, люди деловито сновали по гигантскому залу. Никто не обращал на нас внимания. Мы могли не вернуться, но это было в порядке вещей.

Один за другим подходили ребята, грузили на борт своих лошадей и вещи, присоединяясь затем к нашей группе. Все вели себя тихо, кроме Ригги, который, рассказав анекдот, потом долго смеялся над ним, и голос его эхом разносился вокруг.

Больше не смеялся никто.

Мы должны были отбыть в восемь часов. В без четверти восемь появился мистер Марешаль,

пожелал нам удачи и пошел своей дорогой. Его новый класс выживания должен был собраться сегодня в полдень на первое занятие, и, по-моему, он уже старался запомнить новые ребячьи имена.

Нас было шестнадцать девочек и тринадцать мальчиков. Дэвид Фармер и Билл Наймен отсутствовали, они еще не поправились после охоты на тигра. Их очередь настанет через три месяца, хотя я лично этой их отсрочке не слишком завидовала. Вернувшись, мы уже будем взрослыми, а они — будут ждать и завидовать. Психологически это неприятно.

Перед самым стартом прибыли Джордж Фахонин и мистер Писарро. Бодрый и веселый, несмотря на ранний час, Джордж остановился рядом со мной.

— Ну наконец-то настал великий день, — сказал он. — Я пожелал бы тебе удачи, Миа, если бы думал, что она тебе нужна. Но мне кажется, что за тебя можно не волноваться, а?

Не помню, оценила ли я его уверенность, потому что в этот момент мистер Писарро позвал с трапа:

— Подняться всем на борт!

И прежде, чем войти в разведкорабль, я обвела

вокруг долгим взглядом. Быть может, я видела все это в последний раз. Затем, когда ребята заняли свои места, Джордж убрал трап.

— Поехали, значит, — сказал он по общей связи. — Старт через десять секунд.

Воздух из дюз выдуло, крепежные полосы втянулись, и мы…

Рухнули вниз. Желудок у меня чуть не выпрыгнул из горла. Джордж не должен был этого делать. Если бы Папа был на борту, он никогда бы не осмелился на такое. Наверное, у него что-то с чувством юмора, странное оно у него. Он словно уверен, что это забавно — быть лихим пилотом, особенно если за это никто не наказывает.

Сидевший рядом Ат вдруг повернулся ко мне с таким видом, как будто решился наконец выговорить нечто труднопроизносимое.

— Миа, — сказал он. — Я хотел бы знать… Ты не согласилась бы пойти в паре со мной?..

С минуту подумав, я ответила:

— Извини, Ат, но мне кажется, это лишнее.

— Джимми?

— Нет. Просто я хочу сама по себе.

— А, — произнес он и через несколько минут встал и отошел.

В тот день я явно пользовалась успехом — спу-

стя некоторое время ко мне подошел Джимми. Задумавшись, я его даже не сразу заметила. Он кашлянул, и когда я подняла глаза, сказал извиняющимся тоном:

— Миа, мы когда-то хотели с тобой объединиться после высадки… Если хочешь, я готов.

Но я еще не могла простить ему тот выпад насчет моего снобизма. Получив короткое «нет», Джимми молча ушел.

Это меня расстроило. Если бы он действительно хотел идти со мной в паре, он попытался бы настаивать, стал бы спорить, а если бы он меня поуговаривал, я, скорее всего, передумала бы… Те его слова продолжали меня терзать. Зачем-то Джимми понадобилось припутывать сюда Папу, хотя Папа никогда ничего подобного не говорил. Колонисты на планетах не могут быть настоящими людьми. У них нет возможности узнать и научиться — какими должны быть настоящие люди, и они обречены стать подобием тех типов, с которыми я встречалась на первой своей планете — Грайнау. И дома, на Корабле, я слышала множество аналогичных рассказов. Так что если и вы, и ваш отец приходите к одному и тому же, основанному на фактах, выводу, то это не значит, что ваш отец вас в этом убедил. У каждого чело-

века есть собственное мнение. И скажите мне, разве это снобизм, не выносить людей, которые не являются людьми?

Планета, на которую нас выбрасывали, называлась Тинтера. Это единственное, что Папа сообщил мне за завтраком, подойдя к самой границе запретного. Но едва ли с его стороны это было важным признанием, поскольку он хорошо знал, что я никогда не слышала об этой планете. Последнее наше посещение ее (а мы знали, что никто другой ее не посещал тоже) состоялось почти сто пятьдесят лет назад. Мы знали, что колония все еще существует — и только. Совет долго сомневался разрешать ли высадку на Тинтере, все-таки слишком долго с планетой не было контактов. Но Тинтера находилась совсем рядом, и в конце концов они решили дать добро. Чтобы Совет запретил высадку, Папе нужно было выдвинуть какой-нибудь веский довод, но из-за меня он не мог возражать.

Войдя в атмосферу, Джордж перемахнул через море, снизился над серо-зелеными, поросшими лесом холмами и посадил корабль на первой же лесной проплешине.

— О'кей, — сказал Джордж по внутренней связи, одновременно выпуская трап. — Первый, на

выход.

Порядок покидания разведкорабля произвольный. Каждый выходит, когда захочет. Джимми, приготовив свое снаряжение еще до посадки, как только был спущен трап, сразу же махнул мистеру Писарро, что выходит, и повел свою лошадь вниз. Чего и следовало ожидать от Джимми. Мистер Писарро отметил его выход, и через минуту мы снова были в воздухе.

Тут и я — в который уже раз — начала проверять свое снаряжение. Бессмысленное занятие — все давным-давно сложено, собрано и проверено, и если сейчас чего-нибудь не окажется, никакой возможности раздобыть это уже нет. Но я нервничала и ничего не могла с собой поделать.

На следующей остановке я успела опередить Вени, сказав мистеру Писарро, что выхожу. Вени села на место, а я, взяв Филю под уздцы и перебросив вещи через седло, спустилась по трапу. Торопливость моя не имела никакого отношения к Джимми. Я просто хотела выйти. Я не могла больше ждать.

Я помахала Джорджу, показывая, что уже отошла от корабля; он помахал в ответ и поднял трап. Разведкорабль поднялся в воздух (я покрепче схватила Филю, чтобы он не выкинул

какой-нибудь фортель) и через секунду исчез. Выкрашенный в серо-голубой цвет, он был почти неразличим на фоне покрытого облаками неба. И я не смогла бы сказать, когда я видела его в последний раз.

Я осталась одна. Законченная Юная Девушка, Настоящая Фурия. Я могла построить одну пятнадцатую часть бревенчатой хижины, убить одну тридцать первую часть тигра, умела целоваться, вязать и даже (теоретически) убить кого-нибудь голыми руками. О чем же мне беспокоиться?

Так я прожила свой первый день Испытания — первый из тридцати. День был нежарким, так что я сразу надела свою цветную куртку. Затем пристегнула седельные сумки, приторочила спальный мешок и запрыгнула в седло. Решив не торопить события, я медленно поехала через лес, составляя список дел и размещая их по степени важности. Список выглядел следующим примерно образом:

первое — остаться в живых. Нужно найти еду, с собой у меня был лишь небольшой запас. Любое убежище лучше надувной палатки, нужно найти его или, в конце концов, построить;

второе — осмотреть территорию. Надо узнать, что за местность вокруг и на кого похожи або-

ригены;

третье — найти других ребят. Меня высадили не так уж и далеко от Джимми. А Вени или кто-то еще — тоже недалеко, только в другой стороне. Гравитация Тентеры была меньше привычной, и против этого я не возражала. Куда приятнее чувствовать себя легче, чем тяжелее.

Будет очень плохо, если Филя собьет себе ноги, подумала я. Земля под кронами деревьев была очень неровной. Временами мне приходилось слезать с Фили и идти пешком, продираясь сквозь заросли и огибая кучи камней.

На ночлег я остановилась довольно рано. Чувствуя себя одиноко и неуютно от того, что пришлось мне сменить теплый, благоустроенный Гео-Куод на этот серый, холодный, поросший дурацким лесом мир, я готова была развести костер, поесть и лечь спать в такое время, которое дома показалось бы мне до смешного детским.

Отыскав небольшую ложбинку с ручьем, я установила надувную палатку. Еще до сумерек успев покончить с едой, я забралась внутрь и легла, не включая света. Но даже в укрытии меня трясло в необъяснимом ознобе и тело чесалось сразу в нескольких местах. Нечто похожее уже было со мной однажды — целую неделю после

укола комбинированной прививки. Если бы не было слишком рано по срокам, я бы решила, что наступил период месячных, или — что уж совсем маловероятно — что настигла-таки меня какая-то болезнь. Но на самом деле все было проще — я была несчастна.

И я заплакала, свернувшись в клубок в своем спальном мешке. Я ненавидела эту мерзкую планету, злилась на Джимми за то, что он позволил мне остаться такой одинокой, и злилась на себя — меньше, конечно, чем на него. Никак я не могла ожидать, что Испытание окажется столь тоскливым. Еще днем в лесу я спугнула каких-то животных — неуклюжих существ с узловатыми коленями и квадратными рогатыми головами. Заметив меня и Филю, они мгновение смотрели на нас в упор, а в следующий миг уже мелким галопом мчались сквозь заросли… Они почуяли во мне чужака, а я лишний раз почувствовала, что они правы.

Заснула я не без труда.

Утро было холодноватым, но день обещал быть ясным. Пока я суетилась вокруг палатки, солнце поднялось выше, и стало совсем хорошо: жар солнечных лучей и прохладный ветерок нейтрализовали друг друга. Самочувствие мое

лучше не стало, это уж точно, но заботы немного отвлекали от невеселых мыслей. Только теперь я полностью начинала осознавать все минусы способа черепахи, которые прежде просто не принимала в расчет. Стань я черепахой, и у меня появилось бы столько времени для размышлений об ужасах планет вообще и специфических кошмарах именно Тинтеры, что я бы этого не вынесла, только бы извелась. И еще прибавьте сюда одиночество и чувство покинутости. Я просто обязана была стать тигром, хотя бы лишь затем, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

С утра пораньше упаковавшись, я пустила Филю по расширяющейся спирали. Это самый эффективный способ поиска, обязательно на что-нибудь да наткнешься. Местность была все еще пересеченной, Филя спотыкался, и мне много раз приходилось с него слезать и вести в поводу.

Неожиданно наперерез мне выскочило какое-то небольшое животное. Пару раз я уже видела других мелких зверьков и странных существ, планировавших между деревьями, но так близко — никогда. Я выхватила пистолет в то же мгновение, но первый выстрел прошел мимо, четко видимый луч ударил левее, потому что Филя выбрал именно этот момент, чтобы мотнуть своей

глупой каурой головой. Выстрелив второй раз, я наконец попала в зверя.

Ультразвуковой пистолет — неплохое оружие для ближнего боя.

Подведя Филю поближе, я нагнулась было за добычей, как вдруг рядом в кустах послышался треск. Я повернулась туда — и обомлела: в зарослях стояло совершенно поразительное существо — у него были две ноги, тело покрывали длинные серо-зеленые волосы, а вместо лица была зверская, плоская, квадратная морда. И мне показалось, что я только что убила обед, который он наметил себе.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, затем Филя всхрапнул и начал пятиться назад. Я бросила поводья, надеясь, что он не убежит, и, глубоко вздохнув, чтобы успокоить заколотившееся сердце, с пистолетом в руке пошла прямо на это существо.

— Кыш! Пошел вон! — крикнула я и замахала руками. — Пошел вон!

После второго окрика, немного помедлив, зверь мотнул головой и нырнул в заросли.

Переведя дух, я схватила Филю за повод, чувствуя себя удивительно приподнято. Почему-то мне пришло вдруг в голову, что, будь у меня вы-

бор, я лучше бы отправилась на Испытание без пистолета, чем без прививок. Держу пари, что на старушке Земле больше исследователей погибло от чего-нибудь эдакого прогрессирующего да скоротечного, чем было убито животными, туземцами и погибло от несчастных случаев, причем от всего этого вместе взятого.

Я продолжала свое путешествие, пока не начало смеркаться. Убитое животное оказалось съедобным, но это — дело везения. Во время тренировок в классе выживания мне приходилось есть вещи совершенно отвратительные; хотела бы я знать, кто бы по собственной воле захотел их есть. Суть тут, конечно, в том, что даже самая невероятная пакость может помочь вам сохранить жизнь, только нужно себя преодолеть. Добывание пищи, как выяснилось, отняло у меня больше сил, чем я думала, и когда, поев, я устало прилегла в палатке, то заснула безо всяких затруднений.

А на следующий день я наткнулась на дорогу. Подгоняя Филю, я неслась вперед и напевала про себя. Мне, кстати, совсем не нравятся люди, которые не подпевают, оставаясь наедине с собой в хорошем настроении. Слишком они серьезные. По крайней мере, мурлыкать себе под нос может любой — это вовсе не недостаток. Короче,

я скакала, напевала и, вынесшись на вершину холма, посмотрела вниз и сквозь деревья увидела дорогу.

Я повела Филю вниз по склону, временами теряя дорогу из виду, — мешали деревья и скалы. Затем, оставив позади коричнево-зеленый лесной полог, я вышла на нее между двумя поворотами — следуя причудливым складкам и рельефу местности, дорога изгибалась впереди и позади, явно проложенная без мысли о более удобном и коротком пути. На узкой колее виднелись следы повозок и лошадей и еще какие-то, которые я не могла распознать, и кроме того, на дороге лежал помет. Не лошадиный.

Мы перелетели океан с запада, и я знала, что и сейчас нахожусь недалеко от побережья. Вполне вероятно, что одним концом эта дорога упирается именно в берег океана, и, естественно, я туда не поеду. Хватит с меня океанов, один я уже видела. Моя квота океанов уже исчерпана. Но любая дорога куда-нибудь ведет, это аксиома, поэтому, сориентировавшись, я направилась на восток, в глубь материка.

Три часа спустя я встретила первых путников. Повернув за скрытый деревьями поворот, я сразу потянула поводья на себя. Впереди, в том же

направлении, от моря, ехали пятеро всадников, гоня перед собой стадо жутко уродливых существ. Твари эти издавали нечленораздельные, унылые, низкие звуки, и нестройной толпой брели по дороге. Я посмотрела на них, и сердце мое затрепетало. На миг мне даже захотелось повернуть назад, к тому месту, откуда я начала свой путь. Но я знала, что рано или поздно мне все равно придется встретиться с аборигенами, раз уж я решила быть тигром. И, в конце концов, они всего лишь грязееды. Всего лишь грязееды.

Я пнула Филю, он двинулся шагом. Подъехав ближе, я получше разглядела этих тварей. И мне показалось, что они явно в родстве с тем существом, которое я днем раньше испугала в лесу. Это были совсем не люди — зеленые и гротескные, с приземистыми телами, шишковатыми суставами, длинными конечностями и квадратными головами. Но они ходили на задних лапах, а передние лапы у них вполне были приспособлены для хватания, и это делало их настоящей карикатурой на человека.

У всех всадников к седлам были приторочены ружья в чехлах, и выглядели эти люди нервными, словно кошки с котятами. Один, ведший в поводу несколько вьючных лошадей, оглянулся, заметил

меня и окликнул другого, который, вероятно, был у них старшим. Тот развернул своего коня и поехал ко мне медленным шагом. Это был мужчина среднего возраста, рослый, с твердыми чертами лица. Лицо было жесткое, и это бросалось в глаза. Приблизившись, он натянул поводья, но я продолжала двигаться вперед, и волей-неволей ему пришлось снова развернуться и ехать за мной.

Я лично верю в то, что характер человека обязательно проступает у него на лице. Со своим лицом человек ничего не может поделать, он способен менять лишь выражения лица. И если некто выглядит подлецом, я верю, что так оно и есть, если, конечно, у меня нет причин считать иначе. Этот тип как раз и выглядел подлецом, и именно потому я продолжала ехать вперед. Я, если честно, испугалась.

— Что ты здесь делаешь, мальчик? С ума сошел? В этих местах могут быть беглые лосели, — сказал он.

Волосы у меня подстрижены коротко, одета я была в свою холщовую куртку но все же я удивилась. Правда, я не собиралась спорить с ним по поводу моего пола и даже вообще возле него задерживаться. Поэтому я не ответила. Кажется, я говорила уже, что в компании или в присутствии

незнакомых людей на меня нападает молчанка.

— Откуда ты? — спросил он.

В ответ я показала на дорогу позади себя.

— И куда ты едешь?

Я показала вперед. Других вариантов здесь не было.

Он обозлился. Иногда у меня это получается…

— Может, тебе лучше ехать с нами? Мы защитим тебя, если что, — сказал мужчина, когда мы поравнялись с остальными всадниками и стадом. Он странно коверкал слова, словно у него был полный рот каши. Но его местный диалект я поняла хорошо: он желал, чтобы я сделала то, чего мне совсем не хотелось делать.

Еще один всадник подъехал к нам. Наверное, они за нами все время наблюдали.

— Он же совсем мал, Хорст, — сказал он, обращаясь к твердолицему. — Я даже сомневаюсь, что лосель его вообще заметит. Давай оставим его тут. Всадник посмотрел на меня. Видя, что я не проявляю ужаса пред такой перспективой (я была испугана, но не собиралась им это показывать), он пожал плечами, а еще один рассмеялся. Твердолицый заявил остальным:

— Этот парень поедет с нами до Мидлэнда. Мы будем его защищать. — Он улыбнулся, и

впечатление, которое у меня сложилось о нем, усилилось. Он был кошкой, хитрой, хищной кошкой. Я посмотрела на несчастных тварей, которых они гнали, и одно из созданий глянуло на меня в ответ тускло-золотистыми, абсолютно пустыми глазками. Почему-то я почувствовала себя неуютно под этим взглядом.

— Я так не хочу, — сказала я и покачала головой.

То, что потом сделал этот человек, меня удивило.

— А я хочу, — проговорил он и потянулся к своему ружью.

Я выхватила пистолет так быстро, что он застыл с отвисшей челюстью, не успев даже наполовину вытащить из чехла винтовку. Пистолет — весьма внушительный аргумент, и у него не было никакого желания испытывать на себе его действие.

— Медленно выньте свои ружья и бросьте их на землю, — велела я ему и всем остальным.

Они повиновались, глядя на меня с опаской.

— Отлично. Теперь поехали, — скомандовала я, когда все винтовки оказались в пыли.

Но пятерка не двигалась с места. Они не хотели оставлять свои винтовки. Я это видела. Хорст молча следил за мной, и я подумывала уже, что

лучше бы мне побыстрее со всем этим покончить и смыться.

— Послушай, мальчик… — произнес один из пятерых льстивым голосом.

— Заткнись! — рявкнула я как можно более грозно, и он заткнулся-таки. Это меня удивило. Вряд ли я казалась им такой уж страшной, но, может быть, они решили, что этот псих-мальчишка в самом деле начнет стрелять, если они будут слишком упорствовать, с него станется…

Через двадцать минут легкой рыси наших лошадей и тяжкой поступи зеленых тварей я сказала им, всем пятерым:

— Ладно. Если вам нужны ваши стрелялки, можете за ними вернуться.

И, вонзив пятки Филе в бока, поскакала по дороге вперед.

Кажется, я даже разок хихикнула. Что ж, иногда я даже сама себя убеждаю, что я — Настоящая Фурия.

Мне было девять лет, когда Папа подарил мне семейную реликвию — разукрашенную деревянную куклу, взятую с Земли еще моей прабабушкой, ту самую, с одиннадцатью маленькими куклами внутри. Открыв ее в первый раз, я была просто потрясена. С тех пор, подсовывая

эту куклу другим людям, я любила наблюдать за их лицами. Очень занятно! Мое лицо, наверное, было примерно таким же, когда я скакала по дороге, все дальше оставляя позади место своей высадки.

День клонился к закату. Дремучий лес вокруг превратился в широкую долину, деревья уступили место полям, на которых под охраной и наблюдением работали зеленые волосатые твари. Это меня немного удивило: те зеленые, которых я видела раньше на дороге, вряд ли были способны досчитать хотя бы до одного, не говоря уже о работе, хотя бы и под руководством. Однако камень с души у меня спал — для мясного скота они были чересчур похожи на людей.

В долине дорога стала шире, ее дважды пересекали другие, поменьше. Я обогнала еще нескольких путешественников, а один раз мне навстречу проехала телега, запряженная парой быстроногих лошадей. И все чаще мне попадались встречные повозки, всадники и просто идущие по обочинам люди. Я проехала и мимо какого-то придорожного табора: между краем дороги и полем стоял фургон, рядом — палатка, и женщина развешивала между ними белье. Никто не задавал мне никаких вопросов. Обогнав

очередной, тяжело груженный фургон, которым управлял самый старый человек из всех, кого я когда-либо видела, я заметила, как он, посмотрев на меня, помахал мне рукой. Рука была грубой и морщинистой, ладонь в мозолях.

— Хелло, — произнес старик.

Я помахала ему в ответ.

— Хелло.

Он улыбнулся.

В полдень я въехала в город. Сперва он выглядел просто туманным пятном на горизонте, но в конце концов я до него добралась. Как до последней куклы. И когда я выехала с другой стороны, я была совершенно потрясена. Ладони у меня взмокли, голова кружилась — и вовсе не от счастья от увиденного.

Городок назывался Мидлэнд, на въезде в него стоял соответствующий щит. Он выглядел так, словно его целиком сделали вручную, грубо вылепив из глины. Он словно бы существовал вне времени, и никто здесь как будто не слыхал ни о чем, кроме самых простейших приспособлений.

Мальчишки играли в пятнашки прямо посреди уличной грязи; одно из зданий служило газетой — в широком окне висел огромный лист бумаги, на котором огромными же буквами было напе-

чатано (или написано) слово: ВТОРЖЕНИЕ! Перед витриной стояли мужчины в грубой одежде, соображая, наверное, что это слово означает.

Проезжая по городу, я рассматривала все, но особенно внимательно — людей. Девочки (я видела двух), не в пример мальчишкам, чинно гуляли со своими родителями. Как вы знаете, я уже не раз говорила, мне многое не нравится. Например, носить штаны. Сейчас я, правда, была рада, что они на мне надеты, в них было тепло и уютно ногам, но я никогда не надела бы их, если бы не необходимость. В городе все мужчины и мальчики носили штаны, все до одного. Женщины и девочки — нет. Одежда у них была странная, в чем-то даже женственная, но они ковыляли в ней так, словно у них были связаны ноги, и я бы не взялась пройти в их одеждах и ста ярдов. О езде верхом нечего было и думать. И я решила, что в данном случае штаны — наилучшая из альтернатив.

Количество детей на улицах просто ошеломляло. Они так и кишели, играя повсюду целыми толпами и стаями. И только — мальчики.

Группу девочек я встретила тоже: одинаково одетые, они пришибленно семенили под бдительным оком нескольких попечительниц.

Школьницы, догадалась я.

Из всех встреченных мною людей в городе больше половины были детьми. Почему? — недоумевала я, пока не увидела всю семью в сборе. Тут-то меня и осенило. Отец, мать и целая бригада детей — восемь голов, одна другой меньше… Семейное сходство было несомненным.

Эти люди были Бесконтрольно Рождающими!!!

Открытие ошарашивало. Самое первое, что усваиваешь еще в раннем детстве, это то, чем кончается политика Бесконтрольной Рождаемости. Мы не протянули бы и одного поколения, если бы размножались, словно кролики. Планета — всего лишь увеличенный до гигантских размеров Корабль, а эти люди, так же, как и мы, наследники цивилизации, уничтоженной не так уж и давно именно Бесконтрольной Рождаемостью. Им следовало бы избрать лучший путь.

Хотя, конечно, планета — не Корабль, и человеческую популяцию на планете нет нужды ограничивать столь же жестко, как у нас. Но элементарное планирование — необходимо! Не может быть оправдания восьми детям в одной семье! И это — считая только тех, которых я видела. Кто знает, сколько их еще, помладше да постарше? Это просто безнравственно. До тошноты. И

вообще, все увиденное в городе преисполнило меня отвращением. Я была просто в бешенстве. Жизнь, которая царила вокруг, я не могла ни одобрить, ни понять. Шагом добравшись на Филе до противоположной окраины городка, я хлестнула его в сердцах и отпустила поводья.

Лишь отъехав на приличное расстояние, я снова пустила Филю шагом. Невольно мне захотелось поговорить с Джимми… Как же мне выяснить, что происходит в этой чужой до отвращения стране? Подслушивать? Это паршивый метод. Во-первых, разве люди говорят лишь о том, что ты хочешь услышать?

А во-вторых, наверняка попадешься. Спросить кого-нибудь? Кого? Здесь нельзя ошибиться. Сделаешь ошибку, свяжешься с каким-нибудь Хорстом и в лучшем случае отделаешься больной головой и пустыми карманами. Самое лучшее, что я смогла придумать, — это воспользоваться библиотекой. Но вряд ли у них тут есть столь культурное заведение. В Мидлэнде я не видела ничего похожего, разве что каменное здание с выбитым над входом девизом: «Истина — наш щит. Правосудие наш меч». Еще там было написано: «Здесь судят по Закону», а может, и еще что-то, столь же скучное. Вряд ли мне могли там

помочь.

Вдоль дороги были расставлены указатели расстояний до каких-то других городов. Самыми большими буквами было написано название: ФОРТОН. Довольно долго я колебалась, никак не решаясь выбрать между старым желанием — быть тигром — и возникшим вдруг новым — превратиться в черепаху, причем как можно скорее. На старушке Земле черепахи иногда жили по сто лет и даже больше, тиграм и не снилось такое долголетие. Наконец я решилась: стукнула Филю пятками по бокам и поехала по дороге вперед. Мне нужен был большой город. Там я смогу, не раскрывая своего происхождения, получить ответы на все вопросы, и если понадобится, то просто затеряюсь среди людей. Такая возможность — ценная штука, я это знала по опыту.

После полудня, когда солнце стало клониться к закату, а прохладный воздух похолодал еще больше, произошло одно странное событие. К тому времени я снова оказалась в горах, правда склоны их были гораздо положе и кое-где даже расчищены. Вот тут-то я и заметила высоко в небе разведкорабль. Заходящее солнце окрашивало его в красный цвет.

Естественно, мне пришла в голову мысль, что

что-то пошло не так и нас хотят отсюда забрать, Испытание прервано. Сунув руку в седельную сумку, я достала свое сигнальное устройство. Разведкорабль болтался в небе так, что у людей на борту уже давно должно было повыворачивать желудки, это уж наверняка. Так небрежно мог вести корабль либо очень плохой пилот, либо очень хороший, вроде Джорджа Фахонина. Не испытывая по поводу Тинтеры особого огорчения, я включила приводной маячок.

Описав дугу и оказавшись над дорогой прямо у меня над головой, корабль сорвался в штопор. Я даже ахнула. Потом он стал тормозить резкими рывками, и я окончательно поняла: его вел вовсе не лихой пилот, а обыкновенный болван с дубовыми руками, у которого глупости сесть за пульт управления. Приглядевшись внимательнее, я закусила губу. Это был не наш корабль. Похожий, но не такими у него были обводы…

Сердце у меня дало перебой, тело снова зачесалось. Не стоило мне надеяться, что это будет Джордж. Я же отлично знала, что за нами просто не вернутся до срока. Пока не пройдет месяц.

Но возникал вопрос: откуда этот корабль? Конечно же, его сделали не здесь. Даже если бы они обладали знаниями, а мы бы не дали их грязе-

едам, разведкорабль так просто не построишь. Нужна развитая технология.

Спустя несколько минут, все еще гадая над этой проблемой, я наткнулась на лагерную стоянку, похожую на ту, какую видела раньше: такой же колодец и такой же загон с высокими бревенчатыми стенами. Несколько человек уже разбивали там лагерь, и я не смогла устоять против искушения. Выбрав сначала местечко возле загона, я скоро оттуда ушла — слишком там плохо пахло. И не успела я поужинать, как в лагерь свернул фургон, на котором ехал тот самый старик, который так приветливо мне помахал на дороге. Футах в тридцати стоял шатер, в нем жили родители с тремя детьми. Детишек, видимо, заинтересовала моя палатка, и один из них уже собирался со мной заговорить, но появился отец, бросил на меня подозрительный взгляд и уволок ребят прочь.

Ближе к ночи у фургона старика люди разожгли большой общий костер, все собрались вокруг него, и я услышала пение — не очень мелодичное, но звучало оно как-то трогательно. Поразмыслив, я решила подойти тоже. Дети из соседнего шатра сидели впереди на земле, а их матери, бледному жалкому созданию, уступили пень. Я же устроилась позади всех, привлекать к себе внимание

мне было ни к чему.

Вскоре отец ребятишек решил, что матери самое время вести их обратно и укладывать спать, и, конечно, ребята уходить не хотели. Тогда седой старик предложил рассказать им сказку — последнюю, — а затем они пойдут спать без разговоров.

— Договорились? — спросил он.

Мне, сидящей позади всех, эта сказка показалась очень к месту. Может быть, причиной тому были странный акцент старика и мерцающий свет лагерного костра.

— Эту историю рассказала мне моя бабка, — начал старик. — А ей рассказывала еще ее бабка. Теперь я рассказываю эту историю вам, а вы, когда состаритесь, тоже кому-нибудь ее расскажете…

Это была сказка о хорошенькой девочке и ее мачехе с железными зубами и отвратительными намерениями. У девочки был платочек, жемчужина и гребешок, унаследованные от покойной матушки, и доброе сердце, принадлежащее ей самой. Как оказалось, этого вполне хватило, чтобы заполучить принца и дворец, и все были счастливы, кроме мачехи, которая упустила свой обед.

Едва старик закончил, а ребята с неохотой поз-

волили себя увести в постель, на дороге у края лагеря возникла суматоха. Я повернулась в ту сторону, но глаза мои привыкли к свету костра, и я ничего не могла разглядеть в этой темноте.

— Будь я проклят, если я хочу пережить еще один такой день, Хорст, — произнес голос в той стороне. — Нам следовало быть здесь два часа назад. Это твоя вина, и это правда.

— Вы нанялись на работу. Плохую или хорошую, но на работу, — огрызнулся Хорст. — И если ты хочешь сохранить свои зубы, брось свои сучьи повадки и заткнись!

Вот тут-то я начала понимать, для чего использовали этот загон. И самое время для меня было покинуть сие благодатное местечко, это я тоже поняла. Пока Хорст и его люди гнали животных мимо костра к частоколу, я тихонько вернулась к своему Филе, достала спальник из палатки и выпустила из нее воздух. Действительно, убираться отсюда нужно было как можно скорее. Но, увы, мне это так и не удалось.

Уже надевая на Филю седло, я вдруг почувствовала на плече чью-то руку. Я резко обернулась.

— Ну и ну! Глянь, Хорст, кого мы тут нашли, — позвал мужчина. Это был тот, который шутил, что лосели сочтут меня ниже своего достоинства.

Пока он был один, но…

Размахнувшись изо всех сил, я двинула его седлом. Он вскрикнул, упал, затем поднялся, и тогда я швырнула в него седло и потянулась за пистолетом под куртку. Седло попало в цель, он снова упал, но в этот момент кто-то обхватил меня сзади, прижав мои руки к бокам. Я уже собралась завизжать — визжу я очень громко, — но грубая, вонючая и грязная рука зажала мне рот прежде, чем я успела издать хоть один звук. Я сильно куснула ладонь — при хорошем укусе развивается давление пять тысяч фунтов на квадратный дюйм — рука не отпускала. Я стала вырываться, но и это не принесло мне ничего хорошего. Одной рукой зажимая мне рот, другой — обхватив поперек, Хорст потащил меня, и ноги мои волочились по грязи. Оказавшись за загоном и вне пределов слышимости людей у костра, он швырнул меня на какую-то груду земли.

— Только пикни, — предупредил он. — Я сделаю тебе очень больно.

У него был странный способ выражаться, но эта фраза убедила меня лучше, чем если бы он пригрозил сломать мне руку или оторвать голову. Он мог, если бы захотел, сделать со мной все, что угодно.

— Мне тебя давно следовало отлупить, — сказал он, разглядывая в лунном свете укушенную руку. — Счастье твое, что крови не видно… Потряхивая головой и ругаясь, к нам подошел тот, которому досталось седлом. Второй удар получился удачным, да и упал он неловко, но сожалений по этому поводу я не испытывала. Увидев меня, он занес было ногу, дабы отвесить пинка сапогом, но — спасибо Хорсту — он толчком опрокинул меня на землю и сграбастал того, другого.

— Нет, — сказал он. — Пойди лучше посмотри, где у этого парня вещички. Неси все сюда и приведи лошадь.

Мужчина не шевельнулся. Он стоял, и глаза его пылали.

— Иди, Джек, — произнес Хорст с угрозой, и Джек наконец убрался прочь. Мне показалось, что Хорст не столько возражал, чтобы меня пинали, сколько доказывал то, кто именно должен здесь раздавать пинки.

Но я еще не была выбита из седла. Я не питала больших надежд, что мне удастся справиться с Хорстом, несмотря на все знания и долгие тренировки, но мой пистолет по-прежнему был у меня под курткой.

Хорст снова повернулся ко мне, и я сказала:

— Это вам так просто не сойдет с рук…

Глупая фраза, но должна же я была хоть что-нибудь ему ответить!

— Послушай, мальчик, — сказал Хорст. — Быть может, тебе невдомек…

Я хочу сказать, ты попал в скверную историю. Лучше не доставляй мне лишних хлопот…

Он все еще принимал меня за мальчика. Но не время было исправлять его ошибки.

— Я подам на вас в суд!

Хорст расхохотался весело, и я поняла, что опять сморозила какую-то глупость.

— Мальчик, мальчик! Забудь о суде! А я буду добр, так и быть. Я возьму из твоего добра лишь то, что мне пригодится. А тебя отпущу на все четыре стороны. Но если ты пойдешь в суд, там у тебя заберут все, и к тому же посадят. Цени я оставляю тебе свободу.

— Почему? Почему это суд так сделает? — спросила я, медленно просовывая руку под куртку и нащупывая рукоятку пистолета.

— Каждый раз, когда ты открываешь рот, всем становится ясно, что ты с одного из Кораблей, — ответил Хорст. — Этого достаточно. Одно вашего выродка уже запрятали в тюрягу в Фортоне.

Я уже собиралась вытащить пистолет, когда

подошел Джек, ведя Филю в поводу. Мысленно я его поблагодарила.

— Неплохое у паренька снаряжение, — сообщил Джек. — Я только не пойму, зачем вот это. — Он держал в руке мое сигнальное устройство.

Хорст повертел его, потом отдал обратно.

— Барахло, — сказал он. — Выбрось.

И тут я навела на них пистолет. (Настоящая Фурия снова наносит удар!) Ну-ка дайте это сюда. И поосторожней!

Оба посмотрели на меня, и Хорст издал негодующий рык.

— Не поднимай шума, — посоветовала я. — А теперь передайте эту штуку мне.

Джек осторожно отдал мне сигнальное устройство, и я, спрятав его в карман, положила руку на облучок седла.

— Кстати, как зовут того парня, который сидит в тюрьме Фортона?

— Нам рассказывали об этом в Мидлэнде, — сказал Хорст. — Я не помню его имени.

— А ты вспомни, — велела я.

— Погоди, дай подумать, может быть, сейчас вспомню…

Меня вдруг ударили сзади по руке, плечо онемело, пистолет полетел на землю. Джек прыгнул

за ним, а Хорст заметил подошедшим сзади:

— Неплохо.

Я почувствовала себя полной дурой.

Хорст не спеша подошел, сунул руку мне в карман и вынул сигнальное устройство, единственную мою надежду на связь с Кораблем и на то, что я когда-нибудь окажусь там снова. Он бросил прибор на землю и сказал ледяным тоном:

— Можешь забрать себе то, что останется…

Он с силой опустил каблук на прибор, но тот остался цел, даже не треснул. Рассерженный Хорст топнул сильнее, потом еще и еще, и мое сигнальное устройство превратилось в кучку обломков.

— Дважды угрожать мне пистолетом! Дважды! — воскликнул Хорст и отвесил мне такую оплеуху, что у меня зазвенело в голове. — Ах ты, глупый маленький негодяй…

Посмотрев ему прямо в глаза, я сказала звонким голосом:

— А ты — большой ублюдок.

Лучше бы мне придержать язык за зубами. Последовала молния боли, когда его кулак врезался в мою челюсть, и больше я ничего не помню.

В мозгах мало проку, если ими не шевелить.

Я смутно помню боль, тошноту и то, что меня

куда-то несли. Следующее воспоминание: я вдруг очнулась на постели в чужом доме с неясным ощущением, что лежу здесь уже довольно долго. Голова сильно болела, лицо тоже, и я поморщилась, случайно прикоснувшись пальцем к щеке. Где я нахожусь, я не знала, почему у меня все так болит — тоже.

Затем словно что-то лопнуло, мгновение раздвоилось, и память вернулась.

Хорст и избиение.

Избиение и Хорст…

Я пыталась выкарабкаться из постели, когда в комнату вошел тот самый старик, который рассказывал у костра сказки.

— Как вы себя чувствуете, юная леди? — спросил он.

— Не очень, если честно, — призналась я. — Давно я тут лежу?

— Два дня, — ответил он. — Доктор говорит, что ты скоро встанешь на ноги. Меня зовут Даниэль Куцов. А тебя?

— Миа Хаверо.

— Я нашел тебя на земле у лагеря. Тебя избил Хорст Фангер.

— Вы его знаете?

— Не только я. Его все знают. Очень неприят-

ный человек. Таким, собственно, и должен быть пастух лоселей.

— Те зеленые твари и есть лосели? Но почему люди их боятся?

— Стадо, которое ты видела, было одурманено. Иначе они не подчинились бы. Иногда попадаются крепкие экземпляры, наркотик на них плохо действует, и они убегают в леса. Если им дать слишком большую дозу, они не смогут работать, понимаешь? Так что некоторые убегают и частенько нападают на людей, на таких, как Хорст Фангер, который скупает их в порту прямо с Кораблей. Корабли их привозят из-за океана. Периодически на беглых лоселей устраиваются облавы, тогда их убивают почем зря.

Я устала, в мозгу царил туман, а от нечаянного зевка голова заболела еще сильнее.

— Похоже на рабство, — сонно произнесла я. — Приучать их к наркотикам, заставлять работать и все такое…

— Только Бог может разрешить этот вопрос, — тихо ответил мистер Куцов. Разве это рабство, когда твои лошади работают на тебя? Я не знаю никого, кто стал бы так утверждать. Человек — другое дело. Вопрос в том, что есть лосель скот или человек? И воистину, я не могу дать ответ. А

теперь ложись-ка ты снова спать, а я пока приготовлю тебе что-нибудь поесть.

Он вышел, но я, хоть и чувствовала себя совершенно разбитой, никак не могла уснуть. Мне здесь не очень нравилось. Старик был мил, добр, но он был грязеедом. Я нервничала, не в состоянии совместить эти несочетаемые друг с другом вещи. Тщетно я старалась примирить их, но мысли путались, и наконец я провалилась в беспокойный сон без сновидений.

Позже мистер Куцов принес мне еду и даже помог держать ложку. Руки у него были мозолистые.

— Почему вы для меня все это делаете? — спросила я в промежутке между глотками.

— Ты когда-нибудь слыхала притчу о добром самаритянине? — ответил он вопросом на вопрос.

— Да, конечно, — ответила я. — Я много читала.

— Смысл этой притчи в том, что даже низкие и дурные люди иногда бывают источниками добра. Но в некоторых книгах говорится, что рассказ этот был изменен, очень давно. В первоначальном варианте именно человек у дороги был самаритянин — один из самых плохих людей, которые когда-либо жили на свете. И тот,

кто его спас, не побрезговал сделать благо даже такому негодяю. Может быть, ты — с одного из Кораблей…

Но мне нравится, когда бьют детей. Поэтому я обращаюсь с тобой, как с самаритянином.

Я совершенно не знала, что ответить. У меня в голове не укладывалось, как он может плохо думать о нас.

Наверное, оценив мой потрясенный вид, мистер Куцов добавил:

— Прости. Я отнюдь не ненавижу Корабли, как некоторые. Без Кораблей мы все никогда бы не родились, это тоже надо помнить в наше скверное время. Не бойся, я никому не скажу, что ты девочка с Корабля. Отдыхай спокойно. Мой дом — твой дом.

На следующий день мистер Куцов предложил — ради моего же блага — научиться говорить на местном диалекте. Это было разумно. Туман в голове немного рассеялся, и я уже начала беспокоиться о том, как бы найти способ связаться с Кораблем, время шло. Чтобы это сделать, мне наверняка понадобится сходство с туземцами. А если я не свяжусь с Кораблем, тогда роль туземца засветит мне пожизненно, черт побери!

И все-таки мистер Куцов был искренен не до

конца. На уме у него было явно больше, чем он говорил, я это чувствовала. Неужели же он просто так делает добро презренной «самаритянке»? Вряд ли. Тут есть что-то еще. По какой-то причине я интересовала его сама, лично.

В тот день мы пару часов упражнялись в произношении. Некоторые отличия имели закономерность, например, замещение гласных, замена «п» на «б», а также употребление «быть» вместо «есть»; зато другие казались мне начисто лишенными логики. Хотя, допускаю, лингвист может со мной не согласиться. Мистер Куцов сказал просто:

— Я не знаю, почему мы так говорим. Говорим — и все.

Он настойчиво упрашивал меня заниматься, а я продолжала гадать, что же у него на уме. Почему он так обо мне заботится?

Через некоторое время я начала делать первые успехи. Система в их диалекте все-таки была, но так глубоко запрятана, что я уловила ее, наверное, только подсознательно.

Через несколько дней, когда дело у меня здорово продвинулось вперед, мистер Куцов сказал:

— Уже почти хорошо, только ты так произносишь слова, словно у тебя рот манной кашей

набит.

Ничего удивительного, подумала я, потому что только ею он меня и кормил. Но в любом случае я повторяла только то, что слышала от него. Его дикция была моей дикцией, и исправлять мистеру Куцову оставалось только самые грубые мои ошибки.

Но главное, во время наших бесед я выяснила причину неприязни этих колонистов (я уже почти не называла их про себя грязеедами) к людям с Кораблей.

— Тут все непросто, — сказал мистер Куцов. — Мы же видим, когда вы высаживаетесь на планете, что вы совсем не так отсталы и бедны, как мы. Когда на этой планете основывалась колония, среди поселенцев не было ни одного техника или ученого. Я могу их понять. С какой стати им покидать Корабль ради планеты, ведь там они могли заниматься любимым делом, а здесь для этого нет ни оборудования, ни возможности. Нам казалось, что все люди, пережившие конец Земли, являются равноправными наследниками всех знаний и достижений человечества. Но вышло иначе. И потому, если в спокойные времена Корабли игнорируют, то в плохие, как сейчас, ненавидят, видя в них источник бед. Людей с

Кораблей преследуют, и можешь считать, что тебе еще повезло…

Я слышала его голос, но понять ничего не могла.

— Но мы же никому не мешаем, — сказала я. — Мы просто живем, как и все остальные…

— Я вас не виню, — медленно произнес мистер Куцов. — Но я не могу не видеть, что вы совершили ошибку, и в конечном счете она потребует расплаты.

Почувствовав себя лучше, я прошлась по дому мистера Куцова. Это был небольшой домик на самой окраине Фортона, чистый, окруженный деревьями и садиком. Мистер Куцов жил один; когда не было дождя, работал в своем садике, в дождь, наоборот, уходил в дом, к лампе и книгам. На фургоне он проделывал с товаром регулярные рейсы к побережью и обратно — раз в две недели.

Это был не очень доходный бизнес, но мистер Куцов говорил, что в его возрасте выгода уже не так важна. Не знаю, всерьез он говорил это или нет. Сказав, что моя одежда не годится для девочки, мистер Куцов ее забрал, а взамен принес другую, местного покроя. Одежда подходила по росту, но под мышками висела совсем свободно.

— Вот, — произнес мистер Куцов удовлетворенно. — Так-то лучше.

Но мне пришлось немного ушить одежду, подогнать по фигуре.

Я бродила по дому, но выходить мне не разрешалось. Я не жалела: два дня из каждых трех лил проливной дождь, а когда он не лил, то казалось, вот-вот польет. Я все время занималась, мистер Куцов продолжал наставлять меня в манерах и правилах поведения, пока не решил наконец, что при известной осторожности я смогу в приличном обществе сойти за местную.

В доме было много книг. Когда мистер Куцов уехал в город, я просмотрела некоторые и обнаружила множество интереснейших вещей. Например, что Историю, родину лоселей, открыли всего сто лет назад. История — это континент на западе. С тех пор лоселей привозили оттуда на кораблях и использовали для простейшего физического труда. На этом континенте раньше никаких лоселей не было, но сейчас численность их быстро росла, причем не только тех, которые находились в рабстве у людей. Большое число лоселей обитало в отдаленных лесных массивах. Почти все авторы, которых я прочла, отказывали лоселям даже в зачатках разума, ссылаясь на их

неспособность ни к чему, кроме самого простейшего труда, и отсутствие у них языка и навыков пользования огнем. С другой стороны, я помнила, что рассказывал мистер Куцов об их умении узнавать своих врагов. Ничего смешного здесь нет. И честно говоря, я сейчас даже рада была, что так удачно выпуталась при встрече с тем диким лоселем на второй день после высадки.

Я сориентировалась по географическим картам мистера Куцова и, повинуясь порыву, скопировала их для себя.

И еще я обнаружила книгу, которую написал сам мистер Куцов. Это была старая книга, роман, называвшийся «Белый путь». Не очень удачное произведение — мистер Куцов пытался сказать в нем слишком многое, и это не получилось. Но его роман был намного лучше, чем книга моего брата Джо.

Сам мистер Куцов не отрицал, что он — автор.

— Знаешь, мне потребовалось сорок лет, чтобы ее написать. С тех пор я прожил еще сорок два года, пожиная политические плоды этого труда. Это были очень интересные сорок два года, но я не уверен, что, вернись я в прошлое, я стал бы писать эту книгу снова. Прочти ее, если тебе интересно. В книге была сплошная политика, и

по кое-каким намекам мистера Куцова у меня сложилось впечатление, что последние сорок два года он жил так бедно и трудился так много совсем не случайно. Отчасти — из-за книги. Странная вещь — политика…

Потом я нашла свою одежду там, где мистер Куцов ее спрятал, и — очень важно! — ответ на вопрос, который я ни разу не задавала старику. Ответ содержался в газете, в последней фразе одной из статей: «После вынесения приговора Дентремонт отправлен в территориальную тюрьму города Фортона отбывать свой трехмесячный срок».

Обвиняли его в нарушении границы. Мне подумалось, что подстрекательство к беспорядкам обошлось бы Джимми дешевле, и самое малое, что им следовало бы сделать, это правильно написать его фамилию. Что это именно Джимми, у меня не возникало никаких сомнений.

И, лишь только представился случай, я, надев собственную одежду и куртку, ускользнула в город. Первым делом я выяснила, где находится тюрьма. По пути мне пришлось пройти мимо того места, где занимался своим бизнесом Хорст Фангер: там были дом, загон, сарай, конюшня и помост аукциона, и все это располагалось в самом

худшем районе города. А худшим этот район был как раз потому, что именно там проживали Хорст и ему подобные.

Когда я вернулась, мистер Куцов встретил меня очень сердито.

— Нельзя, — выговаривал он мне, — ходить по улицам в такой одежде. Она же не женская.

Потом он несколько дней внимательно за мной следил, пока я наконец не убедила его, что отныне буду вести себя паинькой.

В один из дней, когда я, демонстрируя примерное поведение, сидела дома, я и обнаружила тот портрет-фотографию. На ней были изображены мистер Куцов, мужчина помладше, женщина и девочка примерно моего возраста, но гораздо упитаннее. Это был явно семейный портрет. На мой вопрос старик коротко и мрачно ответил:

— Они все умерли.

И все. Я и представить не могла, что этот портрет дает ключ к тому, зачем он ухаживает за мной и так оберегает. Мистер Куцов был милым и умным стариком, но в том, как он обращался со мной, было что-то необъяснимое. Быть может, он думал, что я останусь в его доме, хотя должен был бы знать, что я не сделаю этого, я просто не могу остаться. Когда я убежала в город, он выглядел

очень несчастным, но потом… Просто жалко было смотреть на взрослого уже и пожилого мужчину. Сколь мало понадобилось заверений, чтобы все стало по-прежнему. Я думаю, он обманывал себя, причем — сознательно. Но, собираясь в очередное свое путешествие к побережью, он не мог взять меня с собой. Не позволяла, видимо, старомодная, пуританская натура. И — очень удачно! — мистер Куцов решил, что лучше я буду дожидаться его возвращения дома.

Старик долго объяснял мне — где что лежит и что делать, если кончится запас масла и яиц; я кивала в ответ, и он остался доволен моей понятливостью.

Но сразу, как только в полдень он уехал на своем фургоне загружаться товаром, я отправилась в город.

Чтобы добраться до тюрьмы, мне пришлось пройти пешком почти весь Фортон. Хоть он и был территориальной столицей, тем не менее это был скорее городок, чем город — в том смысле, как я понимала это слово. День стоял серый, влажный, именно такая погода заставляет меня ненавидеть планеты, и когда я дошла наконец до тюрьмы, над головой уже нависали тяжелые тучи.

Тюрьма была крепким, солидным зданием,

выстроенным из крупных каменных блоков и окруженным железной оградой с острыми пиками. Все окна, от подвала до верхнего этажа, перекрывались двойными решетками. Как и в первый раз, я обошла все здание кругом. Оно выглядело неприступным. Между оградой и стеной пролегала дорожка, по которой неустанно бегали две огромные, полосатые и очень злые на вид собаки. Одна из них даже сопровождала меня лично вокруг всего здания…

Я уже собиралась пойти на второй круг, когда неожиданно начался дождь. Это послужило толчком, и, собравшись наконец с духом, я подбежала к главному входу и нырнула в дверь.

Не успела я отряхнуть с одежды дождевые капли, как вдруг из одного из кабинетов вышел человек в зеленой форме. Сердце у меня екнуло, но он лишь мельком взглянул на меня и пошел дальше, чеканя шаг, направо и вверх по лестнице — на второй этаж. Пронесло, подумала я и решила разнюхать подробнее, что здесь к чему.

Пока я читала записки на доске объявлений, в коридор вышел еще один человек. На нем была такая же зеленая форма, и…

Он направился прямо ко мне. Его походка очень живо напоминала походку миссис Кейтли

из Инженерной. Я не стала ждать, двинулась навстречу, и когда мы поравнялись, спросила невиннейшим голоском:

— Не могли бы вы мне помочь, сэр?

— Ну, это смотря в чем. А какая помощь тебе нужна?

Это был крупный мужчина, жесты его были неторопливы, речь тоже. На одном из карманов его форменной рубашки виднелась нашивка углом, а на другом пластинка с надписью: РОБАРДС. Вблизи этот самый Робардс казался добродушным и совсем не похожим на миссис Кейтли.

— Понимаете, Джерри должен написать о мэрии, Джимми должен взять интервью у мэра, а мне достались вы…

— Погоди, погоди. Прежде всего, как тебя зовут?

— Билли Дэвидоу, — ответила я, припомнив автора какой-то газетной статьи. — Но честно говоря, сэр, я без понятия, что писать, поэтому я решил кого-нибудь попросить, чтобы мне показали, так сказать, что к чему… Конечно, если это можно.

— А ты не родственник ли Хобара Дэвидоу? А?

— Нет, — ответила я.

— Это хорошо. А ты знаешь, кто такой Хобар

Дэвидоу?

Я покачала головой.

— Да, пожалуй, ты и не можешь этого знать. Это было давно. Мы казнили его лет шесть назад или семь. Впутался в нехорошую политику. — Затем Робардс сказал: — Мне очень жаль, сынок, но мы сегодня совсем зашились. Может, ты зайдешь в другой раз, на неделе, днем? Или, может, вечерком?

Я медленно произнесла:

— Мне бы надо сдать статью на этой неделе… И замолчала. Через минуту Робардс сдался.

— Ладно. Так и быть, устрою для тебя экскурсию. Но учти, у меня мало времени, все будем делать галопом.

Кабинеты располагались в основном на первом этаже, и еще несколько — на третьем. Арсенал и тир — в подвале. На втором этаже находилось большинство камер, а кроме того, на третьем этаже было оборудовано несколько специальных боксов для опасных преступников.

— Если судья назначает максимальный срок, — рассказывал Робардс, — то мы отправляем таких на третий этаж. Остальных — на второй, если там есть место. Сейчас наверху сидит только один парень. Настоящий негодяй. Он уже убил одного

человека.

Сердце у меня екнуло, но сразу же успокоилось. Это наверняка был не Джимми с его нарушением границы.

В коридор третьего этажа можно было попасть через три двери, сделанные из стальных решеток. Между ними и вдоль стен стояли часовые, держа весь этаж под наблюдением. Коридор освещался желтым светом керосиновых ламп. Мы не прошли и за первую решетку, сержант Робардс показал мне все издали.

— Через неделю здесь все будет заполнено, — печально сказал он. — Антиредемпционисты[8] снова отбились от рук, придется охладить им немного головы. Э-э, не записывай это в блокнот!

— О, простите, — сказала я, зачеркивая только что написанные строчки. Обыкновенные камеры на втором этаже охранялись намного проще. Я шла между рядами камер по коридору, в ногу с сержантом Робардсом, вглядываясь в лица заключенных, и когда, не в силах с собой совладать, уставилась прямо в лицо Джимми Дентремонту, он, казалось, даже меня не узнал. Он просто замечательный парень! Умница!

---

[8] Примечания: 8

от англ. «redemption» — улучшение, искупление; т. е. «противники улучшения»

— Это все краткосрочники. Сидеть им от недели до месяца или двух. — Сержант позвенел ключами. — Скоро я их выпущу.

— Они не доставляют вам беспокойства?

— Эти? Эти нет. Они сидят недолго. Они все хорошо понимают и ведут себя нормально. Большую часть времени, по крайней мере.

Спустившись обратно на первый этаж, я с энтузиазмом поблагодарила милого сержанта Робардса.

— Это было просто великолепно, сэр!

— Ничего особенного, сынок, — улыбнулся он. — Мне и самому понравилось тебя просвещать. Если будет время, заскочи как-нибудь, когда я буду на дежурстве. Расписание висит на доске объявлений.

— Спасибо, сэр, — поблагодарила я снова. — Может быть, я зайду.

Я побежала домой сквозь дождь, и когда мистер Куцов час спустя вернулся, я уже была переодета в надлежащую одежду и сидела, скромно листая книжку.

До посещения тюрьмы я имела лишь смутное представление о том, что можно сделать для освобождения Джимми. Я даже целый час просидела, обдумывая идею заставить Территориального

Губернатора освободить Джимми под дулом пистолета. Это было хоть и заманчиво, но глупо. Наконец я выбрала, казалось, самый простой способ. Конечно, все могло закончиться плохо, но у меня не было выбора, времени оставалось с каждым днем все меньше. И недаром же я тщательно изучила расписание дежурств в тюрьме, как советовал мне сержант Робардс.

Мистер Куцов отбыл с нагруженным фургоном два дня спустя в полдень.

— Я вернусь через шесть дней, Миа, — сказал он. — Ты все хорошо запомнила, что нужно делать?

Естественно, я его в этом заверила. И, переодевшись в розовое платье (я знала, что старику нравился розовый цвет), вышла на крыльцо. Фургон тронулся, я помахала прощально рукой, и как только он скрылся из виду, ушла обратно в дом. И сразу же села писать письмо. Я не собиралась раскрывать мистеру Куцову свои планы, это слишком его огорчило бы, но я поблагодарила его за все, что он для меня сделал. Искренне. На душе скребли кошки, я знала, что мой уход будет для него ударом, но остаться я не могла.

Записку я оставила в библиотеке. Там мистер Куцов найдет ее сразу. Затем я пошла на кухню и

начала собираться. Мне нужны были вещи, которые могли пригодиться нам с Джимми: спички, нож, свечи, топорик. Все это я сложила в сверток. И наконец я переоделась в собственную одежду.

Как только стемнело, я вышла из дома. Моросил мелкий дождик, и брызги его приятно освежали лицо. Как и прежде, для прикрытия у меня в кармане лежали карандаш и блокнот. В другом кармане были носок, несколько мотков крепкой веревки и спички.

Тюрьма была крепким орешком. Решетки, часовые, собаки, пистолеты и острые колья ограды… Все это предназначалось для того, чтобы удержать в тюрьме тех, кто был туда посажен. Но спасти от нападения снаружи это не могло. В романах-вестернах про ковбоев, которые я, бывало, читала на Корабле, герои постоянно врывались в тюрьмы, чтобы кого-нибудь из них вызволить. Это было обычным делом, банальной повседневностью. Но быть того не могло, чтобы на этой планете люди практиковали налеты на тюрьмы. И раз тут это не принято, значит, я получаю некоторое преимущество. Кроме того, когда я войду в тюрьму, то никто не увидит во мне отчаянного громилу, собирающегося отбить своего дружка-заключенного; они увидят под-

ростка, школьника, снедаемого энтузиазмом. Это, пожалуй, был главный мой козырь. Ведь люди видят лишь то, что они хотят увидеть.

И еще: я знала план тюрьмы. Неплохо, правда?

С другой стороны, основным моим оружием была я сама, не очень-то удачливая, так сказать, фурия. И если я допущу ошибку, если мне не повезет, я окажусь в тюрьме вместе с Джимми, и, скорее всего, на третьем этаже.

На подходе к тюрьме я остановилась, опустилась на колени на мокрую землю и, вынув носок, наполнила его примерно наполовину песком. Это была последняя задержка.

Теплый свет масляных ламп горел только в двух кабинетах на первом этаже. Я заглянула в ближайший — сержант Робардс был там.

— Хелло, сержант Робардс! — сказала я. — Как дела сегодня?

— Хелло, Билли, — поздоровался он. — Сегодня вечером тихо. Но скоро будет шумно.

— Да?

— Точно. Сегодня ночью будут брать антиредемпционистов. Ребята только что за ними отправились. Так что ты долго здесь не задерживайся.

— А-а, — разочарованно протянула я.

— Как твоя статья?

На мгновение я стушевалась, но потом сказала:

— Закончил ее только днем. Завтра покажу.

— Ты все узнал, что хотел?

— Ага, — кивнула я. — Я сейчас просто так зашел, чтобы вас навестить. А помните, вы показывали мне тир? Вот было здорово! Я подумал, если, конечно, у вас есть время, вы бы могли показать мне, как вы стреляете. Помните, вы обещали?

Он посмотрел на часы, затем сказал:

— Конечно. Я, знаешь ли, местный чемпион.

— Вот это да! — восхитилась я. Точь-в-точь как какой-нибудь глупый мальчишка.

Мы спустились вниз. Сержант Робардс шел впереди, освещая дорогу лампой. Пока он подбирал ключ от тира, я вытащила свой носок. С минуту я колебалась, не так-то просто решиться кого-нибудь ударить. Но вот он стал поворачиваться ко мне лицом, собираясь, видимо, что-то сказать… Размахнувшись, я с силой опустила носок ему на затылок. Послышался шлепок, и сержант стал оседать. Он был слишком тяжел, я не могла его удержать, но потом умудрилась-таки уложить его на пол, не дав стукнуться головой. Рядом на

полу спокойно светила лампа.

Оружейная была напротив. Я вынула ключи из руки сержанта и попробовала те, которые висели на одном кольце с ключом от тира. Дверь открылась со второй попытки. Оставив ее открытой настежь, я вернулась к распростертому на полу сержанту и, ухватив его за ворот и полы куртки, поволокла через коридор в оружейную. Затем, достав веревку, я связала ему локти и колени; вытряхнула песок из носка на пол и запихала носок ему в рот. Сердце у меня стучало, дыхание прерывалось.

Затем я торопливо осмотрела то, что мне досталось в трофеи. Ничего современного, конечно, только древности, свинцово-пороховой антиквариат. О таком оружии я только читала в книгах, и естественно, никогда из него не стреляла. Понятно, что оно не останется неподвижным, когда из него стреляешь, ведь действие равно противодействию, третий закон Ньютона, и именно поэтому из всего арсенала я выбрала пару самых маленьких пистолетов. Поискав, я нашла и патроны к ним и загрузила все это к себе в карманы.

Заперев дверь и оставив, таким образом, сержанта Робардса в оружейной, я постояла минутку в коридоре, дабы прийти в себя. В руке у меня

были ключи, десять штук. Этого было явно мало, чтобы отпереть все одиночные камеры, но я помнила, как сержант, позванивая этими ключами на пальце, утверждал, что может отпереть любую. Да, задача… Может, стоило бы лучше прижать Территориального Губернатора?

С колотящимся сердцем я задула лампу и стала подниматься по лестнице. Первый этаж был пустынен, и, осторожно ступая, я поднялась на второй. Тут было темно, только с первого и третьего этажей просачивалось немного света. Сверху слышались голоса, кто-то там даже пел. Затаив дыхание, я добралась до камеры Джимми.

— Джимми! — прошипела я, и, надо отдать ему должное, он сразу вскочил и подошел к решетке.

— Я ужасно рад тебя видеть! — прошептал он в ответ.

— У меня есть ключи, — сказала я. — Который из них подходит?

— Ключ с литерой «Д». Он от всех четырех камер в этом углу.

Видно было плохо, но спичку зажигать я не хотела. Пришлось отступить к лестнице, к свету, чтобы найти нужный ключ. И наконец, стараясь производить как можно меньше шума, я открыла камеру.

— Идем, — шепнула я. — Мы должны убраться отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Выскользнув в коридор, Джимми закрыл за собой дверь камеры. Но подойдя к лестнице, мы услышали вдруг, как кто-то поднимается снизу. Джимми схватил меня за руку, и мы прижались к стене, стараясь с нею слиться…

— Робардс, вы тут? — спросил полицейский, вглядываясь в темноту. Затем он увидел нас. — Что за черт…

Я сделала шаг вперед и навела на него один из пистолетов. Он не был заряжен, в оружейной я просто сунула его в карман.

— Потише тут, — сказала я. — Мне ничего не стоит тебя пристрелить. И если хочешь жить, подними руки вверх!

Полицейский повиновался.

— Отлично. Иди сюда.

Джимми открыл камеру, и полицейский шагнул внутрь. На миг он повернулся ко мне спиной, и я опустила ему на затылок рукоятку пистолета. Эта штука потверже, чем носок с песком, и ему досталось посильнее, чем добряку Робардсу. Но совесть меня не мучила, ведь я его не знала. Полицейский со стоном рухнул на пол, и я даже не подумала помешать его падению. Я просто

закрыла камеру и повернула ключ в замке.

В соседней камере послышались голоса, и я отчетливо услышала, как кто-то прошептал:

— Заткнись…

Повернувшись, я спросила в темноту:

— Хотите получить пулю?

— Ничего, ничего, не беспокойтесь… — быстро ответили голоса.

— Может, вас выпустить? У меня есть ключ.

Их, казалось, позабавило это предложение. Затем голос ответил:

— Нет, спасибо. Меня должны завтра выпустить и так. Лучше мне, наверное, подождать.

— Ладно, брось, — сказал Джимми. — Идем.

— Нам нужно твое сигнальное устройство, — сказала я уже на лестнице. — Ты знаешь, где оно?

— У меня его нет, — ответил Джимми. — Солдаты забрали все мое снаряжение при аресте. В тюрьме только моя одежда.

— Черт. — Я закусила губу. — Тогда мы попали в беду. Мое сигнальное устройство разбито.

— Ничего себе, — встревожился Джимми. — А я рассчитывал на тебя… Придется нам попробовать вернуть мое.

Да уж, утешительная перспектива!

Забрав одежду и куртку Джимми, мы канули в ночь. И только в трех кварталах от тюрьмы мы остановились в какой-то боковой улочке, обнялись, поцеловались, а затем я отдала Джимми один из пистолетов и половину патронов. Он сразу же зарядил оружие. А потом спросил:

— Скажи, Миа, а ты бы действительно выстрелила в того полицейского?

— Я не смогла бы, — ответила я. — Пистолет был не заряжен.

Он засмеялся и спросил уже другим тоном:

— Ну, а что мы будем делать теперь?

— Украдем лошадей, — сказала я. — И я даже знаю, где и у кого.

— Надо ли? — В голосе Джимми слышалось сомнение.

— Этот человек сам вор. Он украл у меня Филю и все остальное. Он разбил вдребезги мое сигнальное устройство. И он избил меня…

— Что? Он избил тебя? — переспросил Джимми взволнованно.

— Уже все в порядке, — успокоила я его. — Больно было совсем недолго. Повсюду в этом районе висело страшное зловоние, и даже непрекращающийся дождь не мог его смыть. Сырость, наоборот, казалось, задерживала запах на месте,

и все вокруг было словно укутано вонючим туманом. Загоны лоселей тянулись вдоль всей улицы. Подойдя к участку Фангера, мы проскользнули в конюшню. Джимми закрыл дверь. Лошади вели себя тихо. Лосели — тоже, хотя они наверняка нас услышали, когда мы крались вдоль их загонов.

— Покарауль снаружи, — сказала я. — Это подлые, отвратительные люди. А я пока найду лошадей.

Джимми согласно кивнул.

Когда дверь за ним закрылась, я чиркнула спичкой и зажгла лампу, весьма кстати валявшуюся на полу. Пройдя вдоль стойл, я нашла Филю, своего старого, доброго Простофилю, седло, надувную палатку — Хорст и компания явно не разобрались, для чего она нужна и как ею пользоваться. Еще я нашла свой спальный мешок и седельные сумки. Пистолета не было, одежды тоже, и я подумала, что придется мне попросить Джимми поделиться. Для него я выбрала небольшую черно-белую лошадку. И, подчиняясь мгновенному порыву, я вырвала из блокнота листок и карандашом написала: «Я девочка, грязеед!» И повесила записку на гвоздь.

Вскочив на лошадей, мы поскакали прочь от этого гнусного места. И почему-то я подумала,

что «грязеед» — это слишком мягко сказано для Хорста Фангера.

— А как ты попался? — спросила я Джимми.

— Тут на севере недалеко есть армейский лагерь, — сказал Джимми. — Там у них есть разведкорабль с какого-то другого Корабля.

— Да, я его видела.

— Ну вот, пока я там все разглядывал, они меня и схватили. Там и находится мое снаряжение. По крайней мере, должно находиться.

— У меня есть карта, — сказала я. — Неважная, правда, копия. — И я рассказала Джимми о мистере Куцове. — Он уехал днем. Я потом собрала кое-чего, что нам может пригодиться, надо только это забрать, и чем быстрее мы уберемся из этого гадкого Фортона, тем лучше.

К дому мистера Куцова мы подъехали с тыльной стороны.

— Подержи лошадей, — сказала я Джимми. — Я сейчас вернусь.

Бросив ему поводья Фили, я поднялась на крыльцо и вошла в дом.

— Здравствуй, Миа, — сказал мистер Куцов.

Я растерянно закрыла дверь.

— Хелло…

— Я вернулся, — сказал он. — И прочел запис-

ку.

— Почему же вы вернулись?

— Знаешь, мне показалось, что это нехорошо — оставлять тебя здесь одну, на произвол судьбы, — печально проговорил мистер Куцов. — Мне жаль, что я недооценил тебя. Тот, другой ребенок, он тоже с Корабля?

— Вы не сердитесь на меня?

Он медленно покачал головой.

— Нет, я не сержусь. Я понимаю. Я и не мог удержать тебя. Я думал, что смогу, но я — просто глупый старый чудак.

Я вдруг разревелась. Никак было не остановиться, слезы катились по моему лицу градом.

— Простите, — лепетала я, — простите меня…

— Видишь, — сказал мистер Куцов, — ты даже говоришь уже по-своему, все мои уроки пропали…

В этот момент в передней раздался сигнал, удар молотка. Мистер Куцов подошел к двери, открыл — в проеме стоял полицейский в зеленой форме, лицо его в свете свечи отливало желтизной.

— Даниэль Куцов? — спросил он.

Инстинктивно отпрянув назад, я вытерла лицо рукавом. Полицейский, шагнув через порог, сказал ровным голосом:

— У меня ордер на ваш арест.

Я в страхе следила за ними обоими. Мистер Куцов, казалось, забыл о моем присутствии. У полицейского было молодое суровое лицо, и ничем, кроме формы, он не походил на сержанта Робардса. Робардс был добрым человеком, но в этом типе никакой доброты не было и в помине.

— Снова в тюрьму? За мою книгу? — Мистер Куцов покачал головой. — Ну уж нет.

— Книга здесь ни при чем, Куцов. Я ничего о ней не знаю. Это превентивный арест всех диссидентов по приказу Губернатора Морея. Известно, что вы являетесь антиредемпционистом. Идемте, Куцов. — Полицейский протянул руку и схватил мистера Куцова за плечо.

Старик вырвался.

— Нет. Я не пойду опять в тюрьму. Выступать против глупости — это не преступление. Я никуда не пойду.

— Вы пойдете со мной, нравится вам это или нет, — сказал полицейский. — Вы арестованы.

Мистер Куцов был всего на несколько лет младше моего отца, но по здешним меркам он был глубоким стариком. И я подозревала, что разум у него уже не так ясен, как когда-то, сказывался возраст. Отступив на пару шагов, старик прогово-

рил дрожащим от гнева голосом:

— Вот из моего дома!

Полицейский сделал еще один шаг. Словно завороженная, я стояла как столб, не в состоянии ни говорить, ни двигаться. Я могла только следить за происходящим. Такое со мной происходило впервые, и я поняла, что должна была испытывать Зена Эндрюс там, на лестнице между уровнями. Правда, мною владел не один лишь страх. Просто события, выйдя вдруг из-под контроля, понеслись мимо вскачь — ты словно тщетно ждешь, когда остановится бешеная карусель, хочешь соскочить с нее, но никак не можешь отважиться на прыжок…

Полицейский вытащил из кобуры пистолет.

— Вы пойдете со мной, или я вынужден буду стрелять.

И мистер Куцов ударил полицейского в лицо. Конечно, тот ответил, и если бы старик упал сразу, этим бы все и кончилось, но он не упал и получил еще удар, еще, еще… И только потом он упал.

Должно быть, я закричала, хотя я этого не помню. (Джимми потом уверял, что я кричала, именно поэтому он и вошел в дом.) Но во всяком случае, полицейский отвлекся от мистера Куцова

и уставился на меня в упор. Этот взгляд я никогда не забуду. Потом он поднял пистолет, рукояткой которого только что бил мистера Куцова, и направил на меня.

Что-то трижды щелкнуло за моей спиной; полицейский с минуту постоял, сохраняя равновесие, затем сила воли, державшая его на ногах, ослабла, и он рухнул, так и не выстрелив из своего пистолета. Еще секунду назад он мог отнять у меня жизнь; сейчас он был мертв.

Я переступила через труп, даже не взглянув на него, и склонилась над мистером Куцовым. Глаза старика открылись, и он посмотрел на меня. Держа его голову, я снова заплакала без остановки.

— Простите… — бормотала я, — простите…

Он улыбнулся и слабо, но отчетливо произнес:

— Все в порядке, Наташа.

Он закрыл глаза, словно страшно устал. И умер.

Через минуту Джимми коснулся моей руки. Я подняла взгляд. Лицо его было бледно.

— Ничего нельзя сделать, Миа, — сказал он. — Давай уходить, пока можно.

Он задул свечу. Мы сели на лошадей, а дождь все продолжал лить.

Много часов мы скакали на север сквозь ночь

и дождь. Сначала мы придерживались дороги, но когда начался подъем и местность стала пересеченной, съехали с нее и стали медленно прокладывать путь через холмы и лес. Это было тяжелое путешествие. Дождь лил не переставая, мы промокли до костей. Часто нам приходилось спешиваться и вести лошадей через мокрый и жесткий кустарник, нещадно хлеставший и царапавший ноги. Ледяной ветер визгливо выл на одной ноте в кронах деревьев, швыряясь сорванными ветками. Единственное, что радовало: при таком дожде преследовать нас было почти невозможно. Впрочем, если учесть характер местности, это было бы трудно и в хорошую погоду.

Наконец, почувствовав, что теперь уж мы точно находимся вне досягаемости погони, мы решили остановиться. До военного городка, где нас ждало снаряжение Джимми, оставался еще целый день пути, но мы выдохлись окончательно.

Я видела, что Джимми переживал: у него не было ни практики в убийстве людей, ни пороху для этого. В книгах, которые мне доводилось читать, убийство представлялось эдаким забавным действом, а трупы были просто способом учета очков. Но настоящая смерть оказалась другой, и никакому нормальному человеку убийство не

может доставить удовольствия. Конечно, кому-то может показаться элегантным навести на человека револьвер, а в плавном нажатии на курок кто-то усмотрит забавное развлечение, но результат останется неизменным… Тот полицейский больше не поднимется на ноги, никогда, и мистер Куцов тоже. Оба они были мертвы — отныне и навсегда. И этот факт терзал нас обоих, Джимми и меня.

Меня всегда занимал вопрос: каково это — быть копьеносцем в чужой драме? Кто такой копьеносец? Это тот, кто стоит в коридоре и, когда мимо проходит Цезарь, вытягивается по стойке «смирно» и стукает копьем об пол. Копьеносец безымянный персонаж, закалываемый героем, когда он рвется вперед, чтобы спасти попавшую в беду героиню; это персонаж, вставляемый в произведение в качестве половой тряпки — вытер и выбросил. Копьеносец никогда не «качает права», отбрасывая в сторону копье и заявляя: «Я ухожу в отставку. Я не хочу, чтобы меня использовали». Они и существуют для того, чтобы их использовали, они обречены быть мелким препятствием на пути главного героя. Беда, однако, в том, что каждый из нас сам для себя главный герой, живущий в мире копьеносцев. Мы не испытываем никакой

радости, когда нас используют и отбрасывают другие, мнящие себя подлинными героями. Но той несчастной и ненастной ночью я поняла, что то, как используют и отбрасывают других людей, мне не нравится тоже.

Мистер Куцов для полицейского был именно копьеносцем, который в неподходящий момент стал отстаивать свои права и потому подлежал ликвидации. Но неожиданно для себя полицейский вдруг оказался разжалованным из героев, и пьеса, в которой он так замечательно играл свою роль, кончилась…

Я не винила Джимми. Будь я тогда в состоянии действовать, я сделала бы то же самое — просто для того, чтобы остаться в живых. И Джимми не видел в полицейском копьеносца. Он всегда был более гуманным, более открытым человеком, чем я, и ему было тяжело стрелять в человека. Признаюсь, в моих глазах полицейский был скорее именно копьеносцем. Но тем не менее обе смерти на меня очень сильно подействовали.

Будь это реально, я предложила бы вот что: любого человека должен убивать только тот, у кого есть очень веские причины для совершения этого акта. Ничья смерть не может быть просто плевком. Смерть — слишком серьезная вещь,

слишком сильно она действует на душу того, кто совершает убийство, пусть даже вынужденно.

Наконец мы разбили лагерь и, как могли, позаботились о лошадях, укрыв их под кронами каких-то деревьев. Установили на ровном месте палатку, Джимми принес седла, сумки и спальный мешок, и когда мы рассовали вещи по углам, места в палатке осталось как раз на этот самый спальный мешок. Дождь выбивал по палатке барабанную дробь, ветер завывал на всех нотах. Мы не гасили в палатке свет, пока не стащили с себя всю мокрую насквозь одежду. Раздеваться было неудобно, места не хватало, а холодное седло — не самая приятная штука, чтобы садиться на него голым задом. Джимми оказался волосатым, чего я совсем не ожидала. Но в конце концов мы умудрились развесить одежду на просушку, выключили свет и забрались в спальный мешок.

Дрожа от холода, я обняла Джимми, прижавшись к нему всем телом. У него были удивительно твердые мышцы. Это почему-то успокаивало, а я как раз нуждалась в утешении. Впрочем, он, кажется, тоже.

— Знаешь, я больше не сержусь на тебя, — сказала я, коснувшись ладонью его щеки.

— Ага, — ответил он. — Я и не думал, что ты

злишься. Но ты все равно извини меня. Я должен принимать тебя такой, какая ты есть, даже если ты глупости говоришь… Ты же ничего не можешь поделать со своими убеждениями…

Он нежно поцеловал меня, и я ответила на поцелуй.

— Я рад, что ты меня нашла, — сказал Джимми. Он провел ладонью мне по спине и плечам. Я вздрогнула.

— Тебе холодно? — спросил он.

— Нет. Ты ждал, что я приду?

— Я надеялся. И я рад, что ты пришла. И что пришла именно ты.

Он подвинулся и положил руку мне на грудь, а я прижала ее своей.

— Ты очень красивая… — проговорил Джимми.

— Ты мне никогда не говорил этого раньше… Почему?

Я поцеловала его в щеку и в губы. Мне было хорошо: Джимми словно излучал тепло и безопасность, с ним рядом мне даже не хотелось вспоминать прошедшие дни. Я выпустила его руку, и она нежно заскользила по моему телу.

— Я боялся сказать, — шепнул Джимми. — Ты бы надо мной посмеялась, разве нет? А знаешь,

вот странно, когда я прикасаюсь к этой груди, я слышу твое сердце, а когда к этой — то не слышу.

— Я тоже слышу твое сердце, — сказала я. — Тум-тум-тум.

Поцеловав кончики своих пальцев, я провела ими по его лицу.

— Тебе нравится, как я выгляжу?

— Очень. Ты очень красивая. У тебя приятный голос, и тело, — Джимми погладил меня, — и волосы, у них такой запах… — Он зарылся лицом в мои волосы.

— Странно, правда? Ведь мне тоже нравится твой запах, а я раньше никогда об этом не думала. А почему ты решил, что я бы над тобой посмеялась?

— Конечно. — Джимми дернул плечом. — Сказала бы какую-нибудь гадость. Я просто не мог рисковать.

Джимми был прав. В самом деле, язык у меня подвешен неплохо, поддеть кого-нибудь мне ничего не стоило. Но я и представить не могла, что он так раним.

— Я ни за что не обидела бы тебя, если бы ты мне так сказал, — призналась я.

Он поцеловал мне грудь, пробуя, провел языком по соску, и тот набух против моей воли. Сердце,

казалось, сейчас просто разорвется на кусочки. Стиснув друг друга в объятиях, мы принялись исступленно целоваться. И я сама не заметила, как колени мои раздвинулись…

На Корабле секс — это для взрослых. Если ты взрослый, то никакого значения не имеет, с кем ты спишь. Никого это не волнует. Но, как и везде, на Корабле люди тоже довольно последовательны и небезразличны к тому, что они делают. Не думаю, что мне захотелось бы сойтись с человеком, который ставит зарубки на спинке кровати по числу женщин, с которыми он спал. Те, кто только и ищет где бы да кого бы, те, кому все равно — где и с кем, слишком легкомысленно относятся к сексу. Я так не могу, я слишком уязвима. Мне нравится секс, но я никогда не стану им заниматься без симпатии, доверия и уважения к партнеру. Я знала Джимми почти два года, и почти все это время он мне нравился, но я не стала бы заниматься с ним любовью раньше, чем это произошло, так сказать, естественным путем.

В определенном смысле мы с Джимми были предназначены друг для друга. Встретились бы мы или нет, понравились бы мы друг другу или нет, но мы обязаны были бы произвести на свет минимум одного ребенка. Такова была рекомен-

дация Корабельного Евгеника. Но это — почти механический процесс, не имеющий никакого отношения ни к совместной жизни, ни тем более к любви. И это прекрасно, что, узнав друг друга, мы смогли полюбить. В четырнадцать лет любовь еще не зрела, но не вечно же нам будет по четырнадцать лет. Официально мы еще не были взрослыми, но мы нуждались во взаимной поддержке, и к тому времени я уже не видела особого смысла в суровом соблюдении всех канонов. Если мы не вернемся на Корабль, то какое кому до нас дело? А если мы все-таки вернемся, то официально станем взрослыми, и вопрос вообще снимается.

И мы занимались любовью в палатке, под стук дождя и завывание ветра, и в объятиях друг друга мы чувствовали себя в безопасности. Это было здорово! Ни один из нас не знал — что и как нужно делать, только теоретически, и мы были неуклюжи, словно слепые котята. Но платой за нашу неопытность была радость познания, и в самой высшей точке наслаждения таился намек на нечто еще не достигнутое.

Позже, когда мы тихо лежали, обнявшись, Джимми спросил:

— Ну, как оно было?

— Нужна постоянная практика, — ответила я. И, уже засыпая, добавила: — Это здорово утешает.

На следующую ночь мы привязали лошадей в лесу — за много миль от того места, где разбивали лагерь вчера. Достигнув склона гигантской горы в конце дня, мы затем прокрались сквозь подлесок — посмотреть на армейский комплекс. Внизу, в чаще между холмов, купаясь в золотистом закатном свете, лежал городок. На окраине его, ближе к нам, находилась наша цель — военная база, которая, как и положено, охранялась часовыми со всех сторон, а на плацу стоял тот самый разведкорабль.

— Любопытство, понимаешь, меня одолело, — рассказывал Джимми, — откуда у них взялся разведкорабль. Я туда прокрался, чтобы все рассмотреть, и попался по глупости, совершенно случайно.

С трех сторон плац окружали здания. Открытый торец его был дальним от нас и, соответственно, ближайшим к городку. Среди построек базы росло несколько деревьев, и вся ее территория была обнесена частоколом из металлических пик. От ограды до ближайших зданий было примерно футов сто. Джимми показал сквозь листву:

— Видишь, вон там, прямо, двухэтажный дом? Это их штаб. Они меня держали там, пока из города не прибыла полиция. Там и должно быть мое снаряжение.

Двухэтажное из красного кирпича здание штаба было самым большим на базе. Остальные постройки почти все были одноэтажными — казармы, конюшни и прочее.

Мы засекли, сколько времени нужно часовым для обхода, — медленным шагом они промеряли свои участки из конца в конец минут за двадцать, останавливаясь поболтать при встрече на границе участков. Так они коротали дежурство.

— Если даже мы оглушим часового, больше чем на двадцать минут рассчитывать нельзя, — сказала я.

— Да, — согласился Джимми. — Но лучше никого не глушить, а проскочить незаметно.

Все тщательно осмотрев, мы уползли обратно в лес, к привязанным лошадям, и наскоро перекусили. Ошибка Джимми заключалась в том, что он сунулся в лагерь слишком рано, когда часовые были настороже. Оба мы устали от езды верхом и поэтому отправились спать задолго до темноты.

Проснулась я от толчка.

— Подъем, — шепнул Джимми. — Пора.

Мы не пожалели времени, чтобы спуститься с горы как можно тише. Я радовалась, что рядом со мной идет Джимми, вместе мы составляли отряд, и я чувствовала себя тигром и «сущей фурией» в гораздо большей степени, чем если бы шла на штурм базы в одиночку.

От кустарников до ограды было футов двадцать расчищенного пространства, и мы скорчились на последней линии кустов, с трудом различая в темноте за оградой контуры двухэтажного здания.

— Тихо, ш-ш-ш, — прошипел Джимми, сжав мою руку. — Часовой…

Дождавшись, когда часовой прошел мимо, мы, пригнувшись, подбежали к ограде. Джимми подсадил меня, и я ухватилась за острые кончики пик. Последовал толчок вверх, я подтянулась, встала на верхнюю связку между пик и легко соскочила на землю; только одна штанина, зацепившись, слегка порвалась.

Осмотревшись по сторонам и прислушавшись — не насторожил ли кого шум моего падения, я повернулась к ограде и просунула на ту сторону сцепленные в замок руки. Джимми встал на них одной ногой, я подтолкнула его вверх, и он без труда перелетел на мою сторону. Приземлился

он, правда, потяжелее, чем я, но сразу вскочил, и мы, не теряя ни секунды, помчались в тень здания штаба.

Над нашими головами неслись клочья облаков; лунный свет, и без того тусклый, то и дело пропадал, заслоненный серой пеленой туч.

Джимми шел первым. Осторожно завернув за угол здания, мы увидели пустынный плац и пару слабых огоньков в домах по сторонам. Стоящий на грязной площадке разведкорабль был едва различим. Заглянув за следующий угол, мы, словно призраки, проскользнули вдоль фасада штабного здания.

— Там должен дежурить один человек, — сказал Джимми. — Его кабинет сразу за дверью, справа.

Он показал на окно над нашими головами, оно слабо светилось, и на потолке комнаты маячила тень. Мы поднялись на крыльцо, бесшумно просочились в дверь и вытащили пистолеты. Холл был темен и тих, но дверь в комнату направо была открыта.

Джимми возник на пороге с пистолетом в руке.

— Руки вверх! — приказал он.

Сидевший за столом человек явно дремал, но,

услышав голос Джимми, моментально проснулся и посмотрел на нас.

— Опять ты, — произнес он.

Дежурный офицер оказался маленьким кругленьким человечком, на вид совсем невзрачным, одетым в зеленую форму с красными нашивками и красными же, шнурованными эполетами на плечах. В просторной комнате стояло несколько столов. Лампа, чадящая на столе офицера, была в комнате единственным источником света.

— Советую не повышать голоса, — сказал Джимми. — Я вас застрелю, если понадобится. Мне нужно мое снаряжение. Где оно?

— Не знаю, — ответил офицер, но в голосе его особой уверенности не чувствовалось. Наверное, он еще не до конца проснулся или от удивления не очухался.

Джимми кивком показал, чтобы я обошла вокруг стола, — и вовремя. Офицер попытался было подняться со стула, но я толчком заставила его сесть обратно. Больше он не дергался, только проговорил грубовато:

— Потише, ты, щенок!..

Я вытащила нож и слегка кольнула его в ухо, чуть-чуть, даже кровь не показалась, просто для острастки.

— Где снаряжение, ну?!

Человечек кашлянул, прочищая горло, которое сжалось от страха (я так полагаю).

— В разных местах, — проговорил он. — Я не знаю, где что.

— Где мои седельные сумки? — спросил Джимми.

Офицер беспомощно пожал плечами.

— В конюшне, наверное.

— А их содержимое?

— Кое-кто развлекался с этим в офицерской столовой…

— Ведите нас туда.

— Я не могу, — сказал офицер. — Я не могу оставить свой пост.

Я потыкала ножом его эполет.

— Вам придется это сделать.

— Не порежь эполет, мальчик… — заволновался офицер.

— Веди нас в столовую! — Я подняла нож перед его лицом и с удовлетворением отметила, что он не сводит с него глаз.

— Ладно. Ваша взяла, — сказал он. — Это на втором этаже.

Я взяла со стола лампу, и Джимми тычком поднял офицера на ноги. Следом за ним мы прошли

по коридору, затем поднялись на второй этаж и остановились у одной из дверей. Шаги наши эхом отдавались в пустынном здании.

— Вот, — произнес толстяк, отпирая дверь. — Рядом есть комната отдыха.

Свет лампы озарил длинный зал, в центре которого стоял почти столь же длинный стол, окруженный рядами стульев. Стол был накрыт белой скатертью. Пошли дальше, — велел Джимми.

В комнате отдыха были газеты, игры, а на одном из столов лежали…

Шахматы Джимми, та самая доска. Уж не знаю, с кем Джимми собирался здесь играть. Остальные его вещи были разбросаны вокруг.

— Джимми, — сказала я полным страха голосом, — я его не вижу…

Джимми быстро просмотрел все сам.

— Да, — сказал он и повернулся к офицеру. — Мы ищем маленький кубик. Примерно вот таких размеров. — Джимми показал на пальцах. — Вы его не видели?

— Нет. Я не занимался вашим добром.

Я ткнула его ножом.

— Вы в этом уверены?

— Уверен! — ответил он злобно. — Я не видел

ничего подобного.

— Что же нам теперь делать? — спросила я Джимми.

— Не знаю. Оно должно быть где-то здесь, но где его искать? — Он пожал плечами.

Я здорово испугалась. Мы не могли оставаться тут слишком долго без риска попасться, но если мы не отыщем сигнальное устройство, то никогда больше не увидим дом.

Мы спустились обратно в дежурку, и тут меня осенило!

— Да ведь здесь есть разведкорабль! Мы его захватим! Если уж эти люди могут на нем летать, то мы и подавно сможем!

— Черта с два! — заявил вдруг коротышка офицер. — Вы, с Кораблей, думаете, что можете все на свете, но мы вам еще покажем! Вы не захватите наш корабль! Он наш, и мы теперь померяемся силами…

— Не нужен нам ваш корабль, — сказал вдруг Джимми, беря с одного из столов пресс-папье. И это было пропавшее сигнальное устройство! Джимми повернулся к офицеру. — Так, говорите, вы не видели ничего подобного? — спросил он с усмешкой.

— Вы эту штуку искали?! Я никогда не обращал

на нее внимания…

Он очень удачно стоял ко мне спиной, и я аккуратно стукнула его рукояткой пистолета чуть ниже уха.

— Джимми, — сказала я, — раз сигнализатор у тебя, то уходим отсюда.

Мы выскочили в ночь. Но лишь только завернули за угол здания, как вдруг Джимми заставил меня остановиться и прошептал прямо в ухо:

— Часовой, видишь?

Скорчившись в тени, мы терпеливо ждали, пока часовой неторопливо шел вдоль ограды к другому концу здания. И тут, совершенно неожиданно, темноту прорезал вопль:

— Охрана!! Охрана!!

Крик доносился с крыльца. Часовой моментально обернулся, но как хороший солдат, он не покинул свой пост — тем самым отрезав нам путь к отступлению.

— Идем, — шепнул Джимми, и мы прошмыгнули вдоль какого-то домика, расположенного параллельно ограде. В углу плаца Джимми остановился. Отсюда нам была видна ограда в двух направлениях.

— Неужели ты не могла врезать этому толстяку посильнее? — спросил он. — Не хотела гробить

человека.

Отовсюду доносились крики. Что происходит, видеть мы не могли, но зато могли слышать. Что-то надо было предпринимать.

— Джимми, ты знаешь, что это за дом? — спросила я.

— Нет.

— Это же склад боеприпасов. Видишь, знак опасности? Давай устроим диверсию? Давай взорвем разведкорабль?!

Джимми улыбнулся, протянул руку и на миг коснулся моих волос. Я не ошиблась!

Мы нашли вход, и Джимми сбил замок рукояткой пистолета. О соблюдении тишины мы больше не заботились: производимый нами шум никто не заметил бы в общем кавардаке. Мы ввалились внутрь и, заперев дверь, принялись наблюдать сквозь небольшие оконца, как бегают по плацу солдаты, зажигая лампы и факелы. В их резком свете разведкорабль с выпущенным трапом был виден как на ладони. Солдаты наконец выстроились на плацу в шеренгу, и им растолковали, что произошло.

— Сейчас они начнут обыскивать все вокруг, — сказал Джимми.

Найдя небольшой бочонок с порохом, я вста-

вила в него примерно пятифутовый фитиль. Принцип действия этой нехитрой штуковины достаточно прост, я много раз читала об этом в книгах. Единственное, чего я не знала, — сколько времени будет гореть фитиль. Здесь был определенный риск.

Пока мы с Джимми соображали, что нужно делать, солдаты на плацу получали приказы. Это было похоже на старинную игру «бумага — ножницы — камень», где обе стороны сперва загадывают предмет, затем раскрывают карты одновременно, и тут выясняется, кто победил…

Я отдала свой пистолет Джимми, он его зарядил, и мы снова выскользнули через заднюю дверь, таща за собой кончик фитиля. В руках у меня был еще один, маленький, но тяжелый, бочонок с порохом.

— Начинай стрелять секунд через сорок, — велела я Джимми.

Он кивнул и, пригибаясь, побежал прочь вдоль шеренги зданий.

Скрючившись в темноте спиной к ограде, я достала спичку и, старательно загородившись от ветра, чиркнула ею о коробок. Со второго раза огонь вспыхнул, и я поднесла его к фитилю. Раздалось громкое шипение, и я, подхватив свой

второй бочонок и не теряя ни секунды, устремилась прямо на плац. Бочонок был тяжел, и я забыла обо всем, кроме своей цели — трапа разведкорабля. Не знаю, может быть, в меня даже стреляли, я ничего не замечала, сосредоточившись только на беге. И я уже ступила на трап, когда склад боеприпасов взорвался с ослепительной вспышкой и чудовищным грохотом. В воздух полетели обломки здания. Взрывная волна сбила меня с ног, но я сразу же вскочила и ринулась по трапу вверх.

Справа Джимми стрелял по солдатам из двух пистолетов, не стараясь попасть, а просто — поверх голов. Солдаты, лежа, вели ответную стрельбу, и я подумала, что Джимми догадается пригнуть голову.

Свой бочонок я установила прямо возле главного пульта, на сиденье пилота. Сквозь прозрачный купол я видела мечущихся в суматохе солдат. Никто уже не стрелял — с порохового склада огонь перекинулся на одну из казарм, и солдаты бежали за водой.

Я подпалила фитиль и бросилась вниз по трапу. На тусклом металле бортов разведкорабля метались отблески пламени и огромные тени.

— Прочь с дороги! — заорал кто-то и, толкнув

меня в бок, побежал дальше. По плацу взад и вперед сновали солдаты.

Я уже начала отчаиваться, вообразив, что придется снова подняться в разведкорабль и поджечь погасший фитиль, как вдруг послышалось глухое «бум-м-м»… Больше этим воякам не придется пользоваться своим разведкораблем.

С трудом в одиночку перебравшись через ограду, я медленно стала подниматься по косогору, петляя меж кустов и деревьев и периодически оглядываясь на освещенный армейский лагерь. Огонь перекинулся уже на вторую казарму, и люди, словно муравьи, кишели вокруг пожара. Несколько минут понаблюдав за ними, я подошла к нашей палатке. Джимми ждал меня возле лошадей.

— Все в порядке? — спросила я.

— Да, со мной все в порядке, но я обронил сигнальное устройство…

Я ахнула.

— Шутка, — улыбнулся Джимми.

Я обессиленно присела на камень, завернула порванную штанину и робко дотронулась до ноги.

— Что случилось? — спросил он.

— Да, порезалась, когда в первый раз через

ограду лезли.

Джимми осмотрел мою ногу.

— Ничего страшного. Хочешь, я ее поцелую, и все сразу пройдет?

— Правда?!

Джимми вдруг встал и показал рукой на озаренное далеким пожаром небо. Видишь, как много хлопот возникает только из-за того, что не можешь себя заставить как следует трахнуть врага по голове…

Последнее утро на Тинтере было прекрасным. Вместе с лошадьми мы сидели в окруженном со всех сторон скалами «орлином гнезде» недалеко от побережья. На небольшой площадке росла трава, струился горный ручеек; день был ясным, и только далеко в вышине плыло несколько кучевых облаков. Было тепло, и мы, сняв куртки, позавтракали, упаковали вещи и теперь просто спокойно сидели и грелись на солнце.

С одной стороны наша скала круто обрывалась к океану, серому, с белыми барашками волн, накатывавшихся на узкий пляж. Редкие птицы парили на ветру, и нам казалось, что мы слышим их крики. Взглянув в глубь материка, можно было увидеть луга в предгорьях и прорезанные долинами холмы, покрытые волнующимся мо-

рем деревьев ровного оливкового цвета. Где-то в этом море бродили дикие лосели и рыскали охотящиеся за нами люди. Лоселей мы видели, и они видели нас; они пошли своей дорогой, мы — своей. Людей за последние четыре дня мы не встречали совсем. И где-то в этом лесном море затерялись другие ребята с Корабля. Их мы не нашли тоже. Жаль. Свое сигнальное устройство — одно на двоих — мы включили рано утром.

Но прилетели за нами только через шесть часов. И все это время мы оставались настороже, изредка переговариваясь вполголоса.

Возвращение прошло удивительно буднично. Разведкорабль сел, выпустил трап, и мы, поднявшись на борт, отвели в стойла лошадей. Мистер Писарро отметил нас в списке — шестым и седьмым номерами.

— Пойду наверх, поговорю с Джорджем, — сказала я Джимми.

— Ладно, — он кивнул, — а я пока расскажу мистеру Писарро, что с нами было.

Почему-то нам казалось, что они должны об этом узнать. И, пожалуй, действительно, на нашу долю выпало больше приключений, чем хотелось бы.

— Поздравляю тебя, Взрослая, — сказал Джордж,

когда я появилась в рубке. Я так и знал, что ты преуспеешь в Испытании.

— Спасибо, Джордж, — ответила я ему. — Скажи мне, у тебя пока не было затруднений с подъемом ребят?

— Нет пока, — ответил он. — Но я беспокоюсь. Смотри. — Джордж показал на координатную сетку, которая служила ориентиром для посадок. На ней не горели двенадцать лампочек из двадцати девяти. — Последняя зажглась всего два часа назад. Боюсь, мы не досчитаемся слишком многих.

Вкратце я рассказала ему о том, что с нами произошло, и сверху наблюдала, как поднимали Вени Морлок и еще двоих. Затем я спустилась вниз и села рядом с Джимми.

— Осталось поднять только шестерых, — сказала я. — Смотри, как нас тут мало.

— Неужели так плохо?! Хотел бы я знать, что по этому поводу скажет Совет.

На борту находились всего десять ребят. Из нашей шестерки я сама, Джимми и Вени были в безопасности, но Ат, Эллен и Ригги все еще оставались внизу.

Вдруг по внутренней связи Джордж потребовал общего внимания.

— Эй! Заткнитесь и слушайте! Один из наших

там, внизу. Не знаю, кто это, но по нему стреляют. Придется нам его отбивать. Даю вам две минуты, чтобы разобрать оружие. Потом я спикирую, выброшу трапы, вы выскочите наружу и поведете настильный огонь. Ясно?

У некоторых ребят оружие было при себе, а мы с Джимми бросились к козлам со снаряжением и вытащили свои пистолеты. Я сама зарядила свой. Нас было одиннадцать человек, включая мистера Писарро. Мы разбились на группы; Джимми, я и Джек Фернандес встали у одного трапа. Затем Джордж спикировал до земли, как перышко посадив Корабль, и выбросил все четыре трапа одновременно. Мы сбежали вниз: Джимми в центре, Джек слева, я справа. Корабль опустился на вершине покрытого лесом холма, и инерция моего тела плюс наклон отправили меня по назначению — носом в землю. Но именно это мне и было нужно. Откатившись за ближайшее дерево, я оглянулась и увидела почти скрытого кустом Джимми.

Здесь, в сотнях миль от того места, где подобрали нас, в воздухе висел туман и знакомые серые облака закрывали небо. С другой стороны Корабля снизу доносилась стрельбы. Нашего парня прижали к земле в пятидесяти ярдах под

нами среди каких-то камней, которые вряд ли могли послужить укрытием кому-нибудь, кроме того маленького зверька, которого я накормила крошками от завтрака еще в «орлином гнезде». Крошечное такое было создание… Парнем среди камней был Ригги Аллен, и он отчаянно отбивался. Я видела, как хлестал луч его ультразвукового пистолета, а примерно в тридцати футах выше по склону лежал труп его лошади.

Ригги повернул голову и посмотрел на нас.

Нападавшие укрывались за деревьями и валунами. Отчасти это спасало их от огня Ригги, но с того места, где находись мы, они были видны как на ладони. В несколько секунд оценив ситуацию, я подняла свой пистолет и выстрелила, целясь в солдата с винтовкой. Дистанция была больше, чем мне показалось, пуля вспахала землю футов на десять ближе, но солдат отпрянул назад.

Из порохового пистолета я стреляла впервые. Он с грохотом дергался в руке, и, однако, это доставляло определенное удовольствие. Ультразвуковой пистолет бесшумен, и если промахнешься, то получишь какой-нибудь увядший и пожелтевший листок, не более того. Этот же револьвер даже в случае промаха производил куда больший эффект — пули поднимали фонтан-

чики пыли, зарываясь в грунт, смачно визжали, рикошетируя от камней, и оставляли на деревьях заметные царапины: вполне достаточно, чтобы заставить пригнуть голову даже самого стойкого человека.

Взяв прицел повыше, я начала выпускать пулю за пулей. Джимми делал то же самое, и огонь по Ригги сразу прекратился, солдаты попрятались в укрытия. Ригги понял нас, вскочил и рысью понесся в гору. И вдруг мой пистолет щелкнул вхолостую, джиммин тоже. Из нас троих продолжал стрелять только Джек из своего ультразвукового, но, за исключением одной обожженной руки, результат был нулевым. Нападавшие его не воспринимали, если говорить точнее. И лишь наш огонь прекратился, они опять подняли головы и принялись стрелять. Ригги дернулся, прыгнул назад и распластался за трупом своей лошади. Как можно быстрее перезарядив пистолеты, мы с Джимми снова открыли стрельбу. И снова Ригги вскочил и побежал к Кораблю. Хладнокровно поразмыслив, я решила подождать, пока у Джимми не кончатся патроны, и, как только его револьвер сухо щелкнул, я снова открыла огонь, нажимая и нажимая на курок, не заботясь о том, чтобы в кого-нибудь попасть, стараясь лишь прижать к

земле этих солдат.

Так мы стреляли по очереди, пока Ригги не промчался наконец мимо и не взбежал по трапу. Распластавшись в проеме люка, он стал прикрывать нас; я отступила первой, затем поднялся Джек, за ним Джимми. Я крикнула Джорджу, что можно убирать трап, и — либо он услышал, либо следил за нами с самого начала трап медленно поднялся и замер в своем гнезде.

С других сторон все еще доносилась стрельба, и, крикнув Джимми, чтобы он бежал налево, я рванула через центральный отсек и чуть было не сломала себе шею, налетев на кресло.

В проеме люка я затормозила, уткнулась носом в пол и, почти не целясь, принялась стрелять. Те трое, которых я прикрывала, все оценили верно и один за другим проскочили на борт. В промежутке между выстрелами я слышала голос Джимми: он кричал, чтобы Джордж поднимал трап с его стороны. Последней из прикрываемых мною ребят на борт взбежала Вени Морлок, и я не смогла удержаться, чтобы не подставить ей ножку. И только потом я дала команду Джорджу.

Вени прожгла меня взглядом.

— Зачем ты это сделала? — процедила она сквозь зубы, когда трап встал на место.

— Для гарантии, что тебя не подстрелят, — ответила я, конечно, соврав.

Мгновение спустя послышался крик Джека, четвертый трап поднялся, и последней картиной Тинтеры перед моими глазами остался мокрый склон горы и люди вокруг… Люди, которые изо всех сил старались нас убить, и это почему-то казалось самым для них подходящим занятием.

Ригги совершенно не пострадал при обстреле, но на руке у него был довольно глубокий порез, который только-только начинал заживать.

Вот и все преимущества политики черепахи, по крайней мере на Тинтере. Про свой порез Ригги рассказывал так: однажды в лесу, когда он занимался какими-то своими делами, из-за кустов вдруг выскочил лосель и цапнул его за руку. Я бы поверила, если бы не знала, что такое Ригги. Скорее всего, было иначе: мирный лосель шел по лесу, а из-за кустов, напугав его, выскочил Ригги. Он частенько проделывает такие шутки.

— Где ты достала этот пистолет? — спросил Ригги. — Можно посмотреть? Минуту повертев револьвер в руках, Ригги предложил:

— Хочешь, давай на что-нибудь поменяемся, а?

— Можешь взять его себе просто так, — сказала я, зная, что никогда больше им не воспользуюсь.

Револьвер меня не привлекал.

На борт разведкорабля было принято семнадцать ребят. Остальных двенадцати либо не было в живых, либо они не сумели включить свои сигнальные устройства. Размышляя об этом по пути к Кораблю, я подсчитала, сколько раз могли убить меня саму. Получилось, что не меньше пяти. И если допустить, что шансы пережить каждую из этих опасностей в отдельности были девять из десяти, то для всех пяти ситуаций их оставалось лишь из десяти шесть. Пятьдесят девять из ста, если точнее. И если у каждого из ребят был такой же опыт, как у меня, то понятно, почему не смогли вернуться эти двенадцать. Среди них был и Ат, и это не давало мне покоя.

Прибыв на Корабль, мы сдали своих лошадей, быстро прошли дезинфекцию, а затем нас провели в Зал Встречи. На стенах по случаю Конца Года висели украшения, над головой мерцали разноцветные фонарики. Играл оркестр, и Папа, как официальный представитель Совета, приветствовал новых Взрослых. Мне он пожал руку.

Нас встречали многие: там была и моя мать, и мать Джимми с мужем, и его отец с женой. Заметив Джимми, они замахали руками. И еще я увидела мать Ата.

— Встретимся позже, — шепнула я Джимми и, подойдя к матери Ата, сказала: Мне очень жаль, что его с нами нет…

Голос у меня дрогнул. Я не хотела причинить ей боль, но мне было больно самой, слова давались с трудом. Она должна была догадаться, что я хочу сказать… Коснувшись моего плеча, она заплакала и отвернулась. Постояв немного рядом, я подошла к своей матери, и она, улыбнувшись, взяла меня за руку.

— Я рада, что ты вернулась домой, — сказала она и вдруг, совершенно неожиданно, расплакалась тоже.

Подошел Папа, обнял меня и провел рукой у меня над головой.

— Э, Миа, да ты, кажется, подросла! — сказал он весело, и я кивнула в ответ, потому что и сама думала так.

Как это здорово — снова вернуться домой!

ЭПИЛОГ
ОБРЯД ПЕРЕХОДА

Слово «зрелость» меня всегда раздражало. Потому, наверное, что его чаще всего употребляют как синоним воспитанности. Ведь если вы что-нибудь делаете, а это кому-то не нравится, то вы, так сказать, не зрелы, пусть даже ваши действия идут всем на пользу. И мне кажется, то, что чаще всего называют зрелостью, на самом деле не что иное, как отстраненность от жизни. Сталкиваясь с жизнью в лоб, вы просто обречены совершать ошибки, это неизбежно: вы будете делать то, чего не хотели бы делать, говорить то, что хотели бы сказать не так, не в силах найти более удачные выражения… Короче, ваш удел — нащупывать дорогу вслепую. Но тем, так называемым зрелым людям, в чьей жизни нет ни единой фальшивой нотки, ни единой, даже самой маленькой, ошибочки, которые никогда не идут на ощупь, мысля и поступая всегда единственно верно, этим людям неведомы ни поражения, ни успехи. Убогая жизнь! Такие люди никогда меня не привлекали, и это еще одна причина, по которой я не могла с

уважением относиться к общепринятому эталону зрелости.

Но только после возвращения с Испытания я сумела выработать собственное суждение об этом. По-моему, зрелость — это способность отсортировать крупицы истины из обыденных заблуждений и самообмана, в которых вы выросли. Сегодня, например, нетрудно понять бессмысленность средневековых религиозных войн или что капитализм не есть сам по себе зло; что убивать человека ради так называемой чести чаще всего просто глупо; что в двадцать первом веке национализм уже не уместен; что правильно завязанный галстук весьма слабо соотносится с общественной ценностью… Список можно было бы продолжить. Но зато куда как труднее столь же критически проанализировать безумства своего времени, тем более что вы всю жизнь, сколько себя помните, воспринимали их как должное. И если вы еще не сделали такой попытки, то, кем бы вы ни были, до зрелости вам далеко.

К этому выводу я пришла после Корабельной Ассамблеи, созванной после нашего возвращения с Тинтеры.

Для людей Корабля результат нашего Испытания был просто чудовищным. Тинтера казалась

им преддверием ада. Тинтерийцы, вне всякого сомнения, были Бесконтрольно Рождающими (эта мысль не нравится мне даже сейчас), их общество жило за счет рабства, они каким-то преступным путем завладели разведкораблем и собирались использовать его против нас, и, наконец, они убили беспрецедентное количество наших детей. Случайная смерть на Испытании — это одно, а преднамеренное убийство детей грязеедами — другое. Слухи полетели по Кораблю почти сразу же, как мы прибыли домой. Через день после нашего возвращения было созвано заседание Совета, отчет о нем транслировался по всему Кораблю, и для большинства людей действительность оказалась куда хуже, чем даже самые страшные слухи. Присутствуя на Совете и давая показания, я видела, насколько встревожил наш рассказ всех его членов. По вердикту Совета два дня спустя должна была состояться Корабельная Ассамблея — предстояло принять как можно скорее крайне важное решение.

Единственными взрослыми, не присутствовавшими в тот день в Амфитеатре Ассамблеи, были те несколько сотен вахтенных, без которых существование нашего Корабля было бы просто невозможно. Семнадцать прошедших Испытание

ребят, мистер Писарро, Джордж Фахонин и члены Совета находились на подиуме, в центре Амфитеатра. В свое время я видела, как на том месте, где я сейчас сидела, разыгрывались театральные действа.

Потребовав внимания Ассамблеи, Папа начал с извинений за то, что праздник Конца Года прерван таким серьезным делом.

— Но, я полагаю, — сказал он, — большинство из вас наблюдало по видео достаточно дискуссий о Тинтере и понимает всю серьезность проблемы. Месяц назад мы высадили на эту планету группу ребят, двадцать девять человек. Вот это — все, что от группы осталось. Мы предложим им повторить то, что они рассказывали Совету об увиденном и пережитом, и когда они закончат, вы сможете задавать им вопросы и вести дискуссии.

Все эти факты уже были известны почти всем. Теперь они звучали как бы из первых рук. Я дала показания о неконтролируемом рождении, Джек Фернандес — о лоселях, Джимми рассказал о захваченном разведкорабле. Один за другим мы выкладывали информацию, руководствуясь Папиными вопросами, а затем мистер Писарро и Джордж добавили свои свидетельства к нашим. Потом посыпались вопросы из Амфитеатра.

Мистер Табмен принял сигнал от маленького человечка, сидевшего в верхнем левом ряду, и тот появился на экранах мониторов. Голос его четко доносился из динамиков.

— Я так понял, что они использовали этих самых лоселей в качестве рабов? Верно?

— Мы не знаем этого точно, — честно ответил мистер Персон. — Они определенно используют их в качестве подневольной рабочей силы, и, как вы слышали от мистера Фернандеса, имеются доводы как в пользу их разумности, так и против. Вопрос именно в этом: достаточно ли они разумны, чтобы называться рабами? Но я думаю, что мы должны учитывать эту возможность. Маленький человечек кивнул, и мистер Табмен передал следующему.

— Они действительно хотели двинуть против нашего Корабля свои вооруженные силы? Это правда?

— В этом мы тоже не уверены, — сказал мистер Персон. — Но, так или иначе, такой ход событий уже невозможен, их единственный разведкорабль уничтожен.

— Варвары, — произнес человек, задавший вопрос, и затем добавил: — Я считаю, нам следует объявить благодарность молодым людям, кото-

рые разрешили для нас эту проблему. — Он сел.

Следующий оратор поддержал это предложение, и я почувствовала, как лицо мое запылало. Украдкой я взглянула на Джимми — он тоже был смущен. И мне очень захотелось, чтобы предложение не прошло, мне не нужна была благодарность, которая камнем повисла бы на шее.

— Прекрасная идея. Прошу проголосовать, — согласно предложил мистер Персон, но один из членов Совета возражающе поднял руку.

— Мне кажется, это уводит нас от цели данной Ассамблеи, — сказал он. Если эта идея столь привлекательна, то мы сможем обсудить ее в следующий раз, ничто нам не помешает.

Зал заволновался, потом шум стих, и Папа объявил:

— Давайте продолжим.

И я, понимая, что именно хотел Папа от этой Ассамблеи, была очень рада, что избавилась от ненужной и официозной благодарности.

— По-моему, — сказал следующий оратор, — мы упускаем важный, если не главный, момент. Эти люди — Бесконтрольно-Рождающие! Вот в чем все дело! Мы знаем, к чему это приводит. И они снова доказали это захватом разведкорабля кого они убили, чтобы его заполучить? Они доказали

это заточением в тюрьмы и убийствами наших ребят… Они — угроза, и из этого мы обязаны исходить.

— Это их планета, мистер Финдли, и я не могу отрицать их право иметь законы о нарушении границы, — произнес мистер Персон. — А что касается… Он не договорил, его прервал Папа.

— Не согласен, — произнес он. — Мистер Финдли поднял вопрос, который, по-моему, имеет огромное значение. Его следует обсудить со всей серьезностью.

По Амфитеатру прокатился шум, но четко было слышно только мистера Персона и Папу. Каждый из них, я это отлично знала, придерживался твердо своего мнения. Вежливо и внешне ничем не проявляя своих эмоций и заинтересованности, Папа с помощью мистера Табмена направлял Ассамблею к определенной цели, а мистер Персон столь же упорно старался склонить ее на свою сторону.

Когда наконец воцарилась относительная тишина, мистер Персон заявил: — Мы все отлично сознаем. Мы отдаем себе отчет в том, какую потенциальную опасность представляют для нас эти люди. Но этот вопрос на настоящий момент я считаю неактуальным. Да, они Бесконтрольно

Рождающие, но их не больше нескольких миллионов. Они первобытны, они отсталы. У них нет ни средств, ни возможностей причинить нам вред. В худшем случае их можно будет изолировать. Я считаю, что мы должны оставить этих бедолаг в покое, пусть они сами решают свою судьбу.

— Не согласен! — сказал Папа упрямо.

Кто-то с места стал кричать о продолжении дебатов, крик подхватили другие люди, и вся Ассамблея стала походить на растревоженный улей. В этом, наверное, и заключается вся прелесть подобных мероприятий. Но затем, постепенно, все успокоились, и мистер Табмен назначил выступающего.

— Вам хорошо, наверное, сидеть тут и рассуждать, мистер Персон, — сказал мужчина, — но можете ли вы гарантировать нам, что они каким-либо образом не заполучат другого разведкорабля? Ведь они сумели обзавестись первым. Вы можете гарантировать это?

— Если предупредить другие Корабли, — ответил мистер Персон, — то я не вижу здесь никакой проблемы. Но мы забываем главное: суть не в том, какой вред может причинить нам эта отсталая планета. Суть в том, почему вообще возникла возможность нанесения нам этого вреда. И я

утверждаю, что причина заключается именно в отсталости и дикости этих людей!..

— Мы не должны рассматривать этот вопрос, — заявил Папа. — Сейчас мы обсуждаем конкретный случай, а не общие темы. Они сейчас и здесь неуместны. Таково мое решение!

— Они уместны! — горячо возразил мистер Персон. — Более того, они чрезвычайно уместны. Этот вопрос шире, чем вы хотите признать, мистер Хаверо. Вы избегаете выносить вопрос о политике, об основном принципе политики нашего Корабля, на открытое обсуждение. Я настаиваю на этом! Сейчас для этого самое время.

— Вы нарушаете регламент!

— Ничего я не нарушаю! Я заявляю, что мы обязаны пересмотреть генеральную линию политики Корабля, и требую голосования по этому вопросу прямо сейчас. Я требую голосования, мистер Хаверо!

Народ в Амфитеатре снова заволновался. Одни требовали голосования, другие возражали, но в конце концов сторонники голосования возобладали, и Папа поднял руку.

— Ладно, — произнес он, дождавшись тишины. — Итак, было внесено и шумно поддержано предложение проголосовать по вопросу нашей

планетной политики, и это предложение принято. Контролер, зарегистрируйте голоса.

— Благодарю вас, — сказал мистер Персон и нажал свою кнопку для голосования.

Я знала, что Папа выступал против, но сама проголосовала за.

После того, как процедура закончилась, на большом табло появились зеленые цифры: «за» — 20283; и красные — «против» — 6614. За рассмотрение вопроса о политике высказалось большинство.

— Как всем хорошо известно, — начал мистер Персон свою речь, — нашим правилом в политике было то, что мы старались передавать колониям на планетах как можно меньше технических знаний, но и то — лишь в обмен на сырье. Я утверждаю, что это ошибочная стратегия. Я поднимал эту тему раньше, и на заседаниях Совета, и на Ассамблеях… В своих показаниях Совету Миа Хаверо заявила, что отчасти ненависть тинтерийцев к нам обусловлена тем, что они считают себя обделенными при дележе наследства, на которое имеют такие же права, как и мы. Не могу винить их за это! Раз у них нет ничего, что было бы необходимо нам, — значит, мы для них бесполезны, мы для них как бы и не существуем и они для нас

тоже. Вот по этой причине их жизнь столь убога. И если кто-то должен быть виновен в их бесконтрольном воспроизведении, то, я считаю, эта вина лежит на нас, потому что это мы позволили им забыть факты из их собственной истории, которые сами мы помним очень хорошо. Ответственность за это лежала на нас, и мы потерпели полный крах. И я считаю, что мы не имеем права наказывать их за нашу собственную ошибку!

Когда он закончил, из Амфитеатра Ассамблеи раздался гром аплодисментов. Затем слово взял Папа.

— Полагаю, вы знаете, что я не согласен с мистером Персоном по всем аспектам. Первое: ответственность за то, что жители Тинтеры являются Бесконтрольно Рождающими; предположительно рабовладельцами; потенциальными убийцами — лежит все же не на нас, а на них. Они — продукт той же истории, что и мы, и если они забыли свою историю, то не наше дело преподавать им ее. Мы не можем судить их, исходя из того, какими они могли бы быть или какими они должны быть. Мы обязаны принимать их такими, какие они есть, и какими они сами намерены стать. Они — угроза для нас и для всех остальных островков человеческой расы. Я твердо верю, что

единственный выход — уничтожить их. И если мы этого не сделаем, вот тогда и появятся у нас основания винить себя. Наше положение чрезвычайно уязвимо, Корабли живут в неустойчивом равновесии, малейшая ошибка чревата гибелью. Сегодня Тинтера отсталая планета, но завтра, даже в полной изоляции, она может стать другой. И этот непреложный факт все должны помнить. Раковую опухоль нельзя изолировать, а планета, которая не регулирует рождаемость — это раковая опухоль. Рак должен быть уничтожен, иначе он будет расти и расти, пока не уничтожит и своего носителя и себя самого. Тинтера — рак. Она должна быть уничтожена.[9]

Что же касается нашей планетной политики, то я не считаю, что она нуждается в радикальном изменении. Истоки ее достаточно понятны, и они не изменились. Мы живем на лезвии бритвы, и для этого у нас есть свои причины. Если бы нам пришлось вдруг покинуть Корабли и высадиться на планетах-колониях, то — неизбежно — знания, которые мы так тщательно сохраняем

---

[9] Примечания: 9

здесь автор намекает на слова известного римского политика Марка Порция Катона (234–149 гг. до н. э.), прославившегося своей суровостью и неутомимостью в борьбе против новых идей; именно Катону приписывается фраза: «Карфаген должен быть разрушен», что и произошло в ходе III-й Пунической войны

и старательно пополняем, оказались бы утрачены. Если бы мы были вынуждены поселиться в какой-либо из колоний, мы бы неизбежно были ассимилированы, растворены во много раз более многочисленном населении. Учитывая трудности выживания в примитивных условиях — а даже самые развитые из колоний все еще прибывают в этом состоянии, — сколько времени у нас осталось бы для развития искусства, математики и других наук? Многое из того, что окружает нас сейчас и кажется привычным, никогда не удалось бы сохранить и переправить на планету, если бы Корабль пришлось оставить. Мир Корабля невозможно воспроизвести ни на одной планете. Этот мир пришлось бы забыть. Почти всем, что нам необходимо, мы обеспечиваем себя сами, но кое-что мы не в состоянии произвести, это факт. Здесь мы зависим от колоний. И чтобы получить от них необходимое, мы должны дать им что-то взамен. Единственное, что мы можем предложить для торговли, это знания. Но мы не вправе просто раздать их, как предлагает мистер Персон, потому что в этом случае мы лишимся средств к существованию. А ведь мы хотим существовать, не правда ли?! Поэтому — единственная альтернатива нашей теперешней политики — покинуть

Корабль… Я этого не хочу. А вы?

Папа сел, и Ассамблея разразилась аплодисментами. Хотела бы я знать, не хлопали ли ему те же люди, которые аплодировали мистеру Персону.

Когда аплодисменты стихли, мистер Персон заговорил снова:

— Я отрицаю! Я отрицаю! Я отрицаю это! Это не единственная альтернатива! Я согласен, что мы живем на острие бритвы, я согласен, что на нас лежит определенная миссия, и мы не можем ее прервать. Но я все же считаю, что колонии, наши сонаследники, заслуживают большего, чем они получали от нас до сих пор. Каким бы ни было наше решение насчет Тинтеры, сегодняшнее положение трагично, и нашей политике вынесен обвинительный приговор. Но я могу прямо сейчас предложить две альтернативы этой политике, любая из которых предпочтительнее теперешнего курса. Наша зависимость от колоний искусственна. Мы гордимся, и обоснованно, своей способностью к выживанию, гордимся, что умственно и физически мы всегда на высоте. Но что это доказывает? Мы думаем, что быть на высоте означает многое — а на самом деле? Ничего! Ни-че-го! Потому что все это впустую. Но есть способы перестать расходовать силы зря. Напри-

мер, мы можем сами найти подходящую планету и сами добыть на ней необходимое сырье. Или: почему бы нам не вспомнить о своем хваленом технологическом превосходстве и не изобрести что-нибудь, что избавит нас от зависимости от колоний? И в любом случае мы ничего не потеряем, если будем делать то, что нам следовало бы делать с самого начала — делиться знаниями, учить и помогать развитию всей человеческой расы А сейчас — я обвиняю нас. Я обвиняю нас в лени. Мы совершенно не используем свои силы. Вместо этого мы медленно плывем по течению, лениво и праздно летая от планеты к планете, не сталкиваясь ни с какими серьезными трудностями, попусту растрачивая свои потенциальные возможности. Я воспринимаю это как грех. Это оскорбление Бога, и более того, это оскорбление нас самих. Я не могу придумать ничего печальнее, чем осознание своих возможностей и одновременное полное нежелание их реализовывать. Мы могли бы вырвать наших братьев из той нищеты и убожества, в которых они прозябают. Вы этого не хотите? Тогда я скажу, что нам лучше вообще забыть об их существовании, чем следовать теперешней патерналистической, репрессивной политике вмешательства в их дела. Нам есть чем

заняться — мы могли бы исследовать звезды. Будь мы готовы пойти на риск, мы могли бы путешествовать через всю Галактику. Это вполне нам по силам, и это, конечно, принесет нам новые знания, собирателями которых мы себя считаем. Но теперешняя наша жизнь это жизнь паразитов. И не должны ли мы стыдиться?..

Дебаты продолжались два часа. После выступлений Папы и мистера Персона спорила уже вся Ассамблея, причем временами публика здорово озлоблялась. На Корабле нет искусства, заметил кто-то, и это — лишнее свидетельство бесплодности нашей жизни. Оспаривать этот вывод принялся Лемоэль Карпентер, но мистер Мбеле дал ему превосходный ответ. Поклонившись, он сказал просто:

— Сэр, вы не правы, — и снова занял свое место.

Наконец Папа призвал прекратить дебаты. Мнения разделились четко, и каждый занял определенную позицию.

— Кажется, всем все достаточно ясно, — сказал он. — Дальнейшие споры будут лишь суммированием мнений, и нет смысла дискутировать дальше. Я предлагаю голосовать. Вопрос, к которому сводится проблема, следующий: что нам

делать с Тинтерой? В решении, в ответе на этот вопрос и заключается цель данной Ассамблеи. Те, кто согласен с мистером Персоном, будут голосовать за перемену нашего образа жизни по моделям, им предложенным. Те же, кто согласен со мной, будут голосовать за уничтожение Тинтеры и продолжение той политики, которую мы проводим на протяжении вот уже ста шестидесяти лет. Я честно изложил суть, мистер Персон?

Мистер Персон кивнул.

— Я поддерживаю предложение голосовать.

— Предложение внесено?

Со стороны Ассамблеи было полное единодушие.

— Предложение внесено. Предметом голосования будет: следует ли нам уничтожать Тинтеру? Все, кто с этим согласен, голосуют «за», все, кто против, — голосуют «нет». Контролер, зарегистрируйте голоса.

Я нажала кнопку. На табло снова появились цифры: «да» — зеленым, «нет» красным. 16408 против 10489. Тинтера должна прекратить существование. Прошло несколько минут, и Ассамблея завершилась. Амфитеатр начал пустеть, но мы с Джимми задержались, заметив, что к нам пробирается мистер Мбеле. Он подошел к столу и долго

ничего не говорил, наблюдая, как Папа собирает свои бумаги.

— Так значит, мы снова вернулись ко временам «морального дисциплинирования», — произнес наконец мистер Мбеле. — А я-то думал, они давно миновали.

— Мог бы поднять этот вопрос, Джозеф, — ответил Папа. — В данном случае, мне кажется, «моральное дисциплинирование», если тебе хочется употреблять это затасканное выражение…

— Эвфемизм.

— Пусть будет эвфемизм. Так вот, я думаю, что оно оправдано. Таковы обстоятельства.

— Я знаю, что ты так считаешь.

— Ты мог высказаться. Почему ты не сделал этого?

Мистер Мбеле улыбнулся и покачал головой.

— Сегодня это было бы бесполезно, — ответил он. — Перемены не происходят легко. Мне придется дождаться другого поколения. — Он кивнул на Джимми. Спроси вот у него, как он проголосовал.

Он знал Джимми, и в душе у него не было никаких сомнений.

— Незачем, — сказал Папа. — Я и так знаю, как голосовали они оба. Мы с Мией все три дня

последних спорили об этом, и я знаю, что у нас разные точки зрения. Не сделал ли я ошибки, отдав ее в твои руки?

Мистер Мбеле был удивлен. Он посмотрел на меня и тут — впервые — поднял брови.

— Сомневаюсь, что это из-за меня, — сказал он. — Но если это правда, значит ты сам проголосовал против своего предложения. Времена меняются. Я надеюсь, что это так.

Он повернулся и пошел прочь.

Я обратилась к Папе:

— Джимми хочет помочь мне упаковать вещи.

— Ладно, — сказал Папа. — Увидимся позже.

Я покидала свою квартиру. Решение это я приняла в начале этой недели. Дело было не только в том, что у нас с Папой оказались совсем разные взгляды, и когда он меня об этом спросил, я ответила, нисколько не кривя душой:

— Просто я считаю, что лучше мне переехать… Кроме того, скоро к тебе вернутся мама.

— Откуда ты узнала?

— Мне так кажется. — Я улыбнулась.

Я давно понимала, что, когда мать вернется, я должна буду исчезнуть с их горизонта. И в любом случае теперь я была Взрослой, и самое время для меня перестать держаться за Папину руку.

Однако я не была с ним искренней до конца и, подозреваю, он это понял. Мы больше не смотрели на жизнь одинаково, и это создало бы определенные трудности, продолжай мы по-прежнему жить в одной квартире, пусть даже делая вид, будто ничего не изменилось. А я изменилась, но это произошло не только благодаря мистеру Мбеле. На меня повлияли многие люди, и сам Папа в том числе. Если бы мы с ним в свое время не переехали в Гео-Куод, не сомневаюсь, я никогда бы не проголосовала против уничтожения Тинтеры, даже если бы каким-то чудом вернулась с Испытания.

Уходя из Амфитеатра, мы с Джимми видели, как Папа позвал Джорджа.

— Совет хочет поговорить с тобой до вылета, — услышали мы Папин голос.

— Ты сидел рядом с Джорджем. Как он проголосовал? — спросила я у Джимми.

— «За».

— Знаешь, они ведь его собираются послать…

Джимми кивнул.

Вот этого я не понимала. У меня в голове не укладывалось, как такие хорошие, в общем-то, люди — Папа и Джордж — могли пойти на уничтожение целой планеты со всем населением. Это

было уж слишком. Мой собственный мир лишь несколько недель назад расширился настолько, что стал включать в себя «низших» людей — грязеедов и я научилась испытывать боль от их смерти. И я больше не называла их грязеедами, даже мысленно. Я не хотела, чтобы уничтожали Тинтеру. Папа был не прав. И если мною владела моральная слепота, то теперь она исчезла, пелена спала, и я уже не была прежней Мией Хаверо, и не хотела быть похожей на Папу и Джорджа.

С тех пор прошло уже пять лет, но я все еще многое не понимаю. Наверное, это нормально. В двенадцать лет я усвоила урок: мир не кончается на границе родного Куода. И за его пределами живут люди. Мир не ограничен и Четвертым Уровнем, есть люди и еще кое-где. Мне потребовалось два года, чтобы применить этот урок на практике и узнать, что мир не кончается за оболочкой Корабля. И если ты хочешь познать жизнь, ты должен принять в себя всю эту проклятую Вселенную, битком набитую людьми, среди которых нет ни единого одинокого копьеносца.

Я завидую людям вроде Джимми, которые знали это всегда и не должны были ничего усваивать, теряя куски шкуры. Правда, Джимми уверяет, что ему тоже пришлось пройти через это, я просто не

замечала, но что-то мне не верится.

Папа, Джордж и остальные 16000 человек не имели никакого права уничтожать Тинтеру. Вообще никто не вправе убивать миллионы людей, с которыми даже не знаком. В глубине души я давно была уверена, что возможность что-либо сделать не означает, что это надо делать всенепременно. Это старая философия силы, а она мне никогда не нравилась. Да, нам вполне по силам было «дисциплинировать» Тинтеру, но разве кто-то поручал нам эту работу?

И все же мы сделали это, и некому было нас остановить, хотя мы и были не правы.

Канун Нового Года — последняя ночь праздника и самая веселая. Оживление царит на всех обитаемых Уровнях, всюду проходят вечеринки. Люди ждут, когда наступит полночь и часы начнут отмерять время уже следующего года.

Я предполагала встретить Джимми на вечеринке, устраиваемой Эллен Пак, но вдруг раздумала туда идти. Где-то в космосе в это самое время Джордж Фахонин расстреливал Тинтеру, и я не чувствовала особого желания веселиться. Впрочем, с Новым 2200 годом всех поздравляю и желаю счастья.

Я спустилась на Третий Уровень, прошла через

Лео-Куод до Входных Ворот № 5. Некоторое время побродила по парку, а потом включила дождь и побежала в укрытие к знакомому бревенчатому домику, в котором я полтора года подряд укладывала свое снаряжение, прежде чем добралась до некоей более высокой ступеньки, на которой уже имела право решать — казнить или миловать «плохих» людей во Вселенной.

Было совершенно темно, только над Входными Воротами горела слабая лампочка, прохладно и приятно, и дождь сбегал с крыши непрерывными струйками. Какая прекрасная ночь, подумала я и вдруг ужасно обрадовалась, что живу…

Именно здесь Джимми, в конце концов, и нашел меня. Я что-то напевала про себя под шорох дождя, когда вдруг заметила, что он вышел из Ворот, огляделся и побежал в мою сторону. Почему-то мне бросилось в глаза, как сильно он возмужал…

Джимми сел рядом со мной.

— Я высчитал, что ты должна быть здесь. Ты чем-то расстроена?

— Немного.

— Давай навестим завтра мистера Мбеле? Он хотел нас видеть. Наверное, чтобы спланировать занятия.

— Ладно, — согласилась я. А потом сказала: — Интересно, жив ли еще Ат…

— Не…

Не думай об этом, — сказал Джимми. — Не надо все время об этом думать.

— Знаешь, что я тебе скажу… — начала я с горячностью, но он перебил.

— Я знаю. Мы изменим эти порядки.

Я кивнула.

— Надеюсь, на это не потребуется слишком много времени. На кого мы станем похожи, если уничтожим еще и другие колонии?.. — Меня даже передернуло от этой мысли.

— Ладно, брось, — сказал Джимми и встал. — Идем домой, спать.

И мы зашлепали по дождю, бегом, к огоньку над Входными Воротами № 5.